

Е.И. КОБАХИДЗЕ, Б.В. ТУАЕВА

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЯХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»
(СОИГСИ ВНЦ РАН)

Е.И. КОБАХИДЗЕ, Б.В. ТУАЕВА

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЯХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Владикавказ 2023

ББК 81.2

К 55

Кобахидзе Е.И., Туаева Б.В. Русский язык в социокультурных трансформациях на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.): монография; Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2023. – 312 с.

ISBN 978-5-91480-335-0

Рецензенты: доктор исторических наук А. Х. Абазов
(ИГИ КБНЦ РАН);

кандидат исторических наук Б. А. Синанов
(Отделение историко-филологических наук РАН)

Книга посвящена комплексному анализу инновационного потенциала русского (государственного) языка и его роли в системной социокультурной трансформации северокавказского социума в позднимперский период. Эти процессы рассматриваются в контексте образовательной политики и культурно-просветительской деятельности. Внимание фокусируется на механизмах и практиках «русификации» Северного Кавказа – с одной стороны, и новой для региона институциональной инфраструктуре, сформировавшейся в социокультурной сфере на основе русского языка при широкой общественной поддержке, – с другой. Показано, что конструктивный потенциал русского языка реализовывался через образование, общероссийские культурно-просветительские институты, а также благодаря интенсивным процессам урбанизации, центром которой стали северокавказские города. Изучение и анализ разноплановых источников дает основание говорить о неприменимости к Северному Кавказу клишированных представлений о политике «русификации» и ее результатах. Бесконфликтное взаимодействие северокавказского социума с российской государственностью на основе русского языка способствовало не только расширению поля его социокультурного воздействия, но и формированию в местной среде новых социальных мотиваций и ценностных ориентиров, наиболее значимым среди которых стало стремление к образованию.

Для историков, этнологов, культурологов и всех интересующихся историей народов Северного Кавказа и их взаимодействием с Российским государством в пореформенные десятилетия.

Печатается по решению Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН

ББК 81.2

ISBN 978-5-978-5-91480-335-0

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2023
© Кобахидзе Е.И., Туаева Б.В., 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ «СОЗДАНИЯ ГАРМОНИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА»	
Факторы распространения русского языка на Северном Кавказе	24
Роль города в расширении русского языкового пространства	41
Город и книга	54
Музей в социокультурной инфраструктуре города	68
ГЛАВА 2. НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА В «РАСПРОСТРАНЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ»	
Пореформенные трансформации «школы для народа»	84
Вызовы начала XX века	108
Кадровый кризис начальной церковной школы	120
ГЛАВА 3. ПАРАДОКСЫ «РУСИФИКАЦИИ»	
Терская периодика начала XX века о путях развития осетинской «народной» школы	134
Владикавказская Осетинская женская школа как социокультурный проект	154
«Языковой вопрос» в правовом и общественном дискурсе	173
ГЛАВА 4. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Формы социальной активности в урбанистической среде	191
Иммигрантские общины в формировании социокультурного ландшафта региона	227
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	242
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	249
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	295

ВВЕДЕНИЕ

Тематика нашего исследования лежит в широком проблемном поле становления российской имперской государственности, в ходе которого возникали и решались задачи поддержания единства и целостности страны. В разных частях империи, в каждом конкретном случае эта задача решалась по-разному, однако едва ли не важнейшей доминантой объединительной политики Петербурга была ориентация на интеграцию разнородного населения в общеимперском пространстве – территориально-административном, хозяйственно-экономическом и социокультурном, наиболее отчетливо выраженная во второй половине XIX в. Актуализация поиска новых обоснований имперской (общеимперской) идентичности обуславливалась еще и пестрым в этнокультурном и конфессиональном аспектах составом населения, что на практике означало высокую степень конфликтогенности процессов имперской унификации.

Задача, стоявшая перед правительственными верхами – сохранение и поддержание государственного единства, – была сформулирована в терминах «русификации», под которой понималось формирование общегражданской нации на основе русского языка и культуры. Соответственно, важнейшие мероприятия правительства в осуществлении внутренней политики были ориентированы на формирование у жителей страны, включая и ее национальные окраины, новых социальных мотиваций, проистекающих из осознания принадлежности к единому макромиру и преодолевающих этнокультурную гетерогенность российского общества. В ходе складывания общеимперской наднациональной идентичности роль ведущего интегрирующего фактора отводилась русскому языку в силу его имманентного статуса государственного языка, что обеспечивало ему разностороннюю государственную поддержку. Основными каналами реализации этой политики стали сфе-

ры административного управления и связанной с ним деловой коммуникации, образования и т.п. Однако русификация как процесс приобщения населения национальных окраин к общероссийской культуре и принятия идеи принадлежности к единому государству во многом происходила и в ходе естественного развития экономики, культуры, образования, миграционных и урбанизационных процессов и т.п., в которые активно вовлекалось окраинное население страны и которые сопровождались распространением русского языка во всех сферах общественной жизни.

В процессе формирования полиэтничного и поликонфессионального Российского государства Северный Кавказ всегда занимал одну из наиболее значимых позиций. По мере укрепления политического положения империи в регионе происходило и его административное освоение, растянувшееся более чем на столетие, в течение которого, несмотря на все перипетии российско-кавказских взаимоотношений, регион неуклонно втягивался в общегосударственное политико-правовое и социокультурное поле. Изучению процессов социально-культурной трансформации северокавказского социума второй половины XIX – начала XX в. и выявлению роли в этих процессах государственного (русского) языка как одного из важнейших механизмов конституирования нового социального пространства и было посвящено наше исследование.

Вовлечение Северного Кавказа в единый государственный организм формировало у местного населения новые социально-культурные, в том числе и языковые, запросы, удовлетворение которых способствовало более успешной адаптации к изменившимся социальным реалиям. И если административные меры далеко не всегда соотносились с местной социокультурной спецификой, вызывая неприятие и порождая конфликты, то государственная языковая политика как инструмент культурно-языковой русификации Северного Кавказа вела к парадоксальным результатам: с одной стороны, она способствова-

ла появлению национальной интеллигенции и кристаллизации национального самосознания на основе родного языка, с другой же – инициировала формирование в местной среде широкого социального запроса на усвоение русского языка как своеобразной формы адаптации к быстро меняющимся условиям жизни. Таким образом, на северокавказской периферии русский язык оказывался мощным ресурсом социализации горских сообществ в общеимперском пространстве, сглаживающим издержки политики имперской унификации и смягчающим чувство психологического дискомфорта, неизбежного в условиях давления государства и его основных институтов на традиционную повседневность, прогрессивным фактором общественно-культурного развития всего региона

Проблема воздействия государственного языка на социальные процессы и обусловленности языковых запросов государственной политикой на поздних этапах существования Российской империи пока не нашла должного отражения в исторической науке. Более того, активно обсуждаемые в научном дискурсе вопросы, связанные с функционированием русского языка, языковой политикой и языковым планированием на постсоветском пространстве, решаются средствами и методами социолингвистики, изучающей языковые системы, меняющиеся под влиянием социальных процессов. Мы же фокусируемся на решении прямо противоположной задачи – влияние языка на социальные процессы, в данном случае – на изменения в социокультурной сфере, происходившие на Северном Кавказе в позднеимперский период. Подобная постановка проблемы способствует переосмыслению российского имперского опыта многоаспектного взаимодействия с северокавказской окраиной, актуализированного современными поисками консолидирующих оснований российской гражданской идентичности.

Тематика исследования представляется актуальной как в академическом, так и в практическом отношениях. Пер-

вое определяется новизной формулируемых задач и слабой разработкой в историографии вопросов культурно-языкового строительства на Северном Кавказе, сопровождавшегося формированием бесконфликтной модели взаимодействия северокавказского социума с российской государственностью в позднеимперский период. Второе определяется очевидным современным звучанием проблематики исследования и его общественной значимостью, обусловленной востребованностью исторического опыта социально-политической интеграции народов Северного Кавказа в российское общество и государство для научного обеспечения духовной составляющей национальной безопасности Российской Федерации.

Вовлечение территории и населения Северного Кавказа в российскую государственность всегда вызывало живой исследовательский интерес, оформившийся в отдельное направление в историографии кавказоведения. Не ставя перед собой задачу всесторонней характеристики сложившейся историографической ситуации, ограничимся кратким обзором основных направлений современной историографии, посвященной проблеме интеграции Северного Кавказа в российскую государственность в русле чрезвычайно востребованной «имперской» проблематики. Нас в данном случае интересует, насколько актуализированы в современной кавказоведческой литературе вопросы языковой политики в «русификации» северокавказской периферии Российской империи.

Очевидно, что имперская проблематика прочно закрепилась в перечне наиболее востребованных тем в постсоветской российской историографии, что дает основания говорить об «имперском повороте» в изучении истории России¹. Значительная часть работ посвящена взаимоотношениям центра Российской империи с окраинными провинциями. Среди мно-

¹ Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сб. обзоров и рефератов/Отв. ред. О. В. Большакова М.: ИНИОН РАН, 2019. 180 с.

жества исследований отметим несколько имеющих отношение к интересующей нас проблеме. Среди них – одна из работ ростовского исследователя В. А. Матвеева², который опирается на понятие универсализма как производного от империй, но обладающего более широким символическим смыслом за счет включения цивилизационной составляющей. Именно принцип универсализма, по мысли автора, определял направленность российской политики на национальной периферии, результатом которой стали качественные изменения, интерпретируемые как «трансформация». Обращает на себя внимание и работа И. Л. Бабич и В. О. Бобровникова³, которая позиционируется авторами как учебник для вузов и развивает далеко не бесспорные положения как об имплицитном ориентализме российского имперского дискурса, так и об особом феномене «пограничья» (фронтира), обусловившим специфику российско-кавказских отношений. Несмотря на то, что книга получила весьма неоднозначную оценку специалистов, несомненная заслуга ее авторов – в попытке перейти «от описания к анализу» и представить собственный вариант «переосмысления северокавказского имперского нарратива», освобожденный «от старых колониальных стереотипов».

В монографии Л. С. Гагазовой⁴ кавказская политика российских властей интерпретируется как один из субъективных факторов, наряду с нормами и установлениями «традиционного общества» детерминирующих как нарастание, так и спады напряженности и определяющих общий уровень конфликтности в регионе. Отмечая, что для социального пространства Северного Кавказа был характерен низкий порог насилия,

² Матвеев В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д: ЮФУ, 2011. 448 с.

³ Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

⁴ Гагазова Л. С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.

автор подчеркивает, что на всех этапах позднеимперской истории насилие продолжало оставаться частью повседневности, будучи характерной особенностью региона⁵. И помимо обстоятельств сугубо внутреннего свойства (консервация традиций кровомщения, института абречества и набеговой практики) сохранению высокого уровня насилия на Северном Кавказе немало способствовали и факторы внешнего порядка, в том числе несбалансированные и зачастую откровенно неудачные действия российского правительства и кавказской администрации⁶.

В другой книге того же автора, выпущенной совместно с В.В. Трепавловым, обсуждаются отдельные дискуссионные вопросы российской политики на Кавказе в XVIII-XIX вв., в том числе и административная деятельность российских властей в регионе⁷. Ее специфика заключалась в чередовании и противостоянии двух важнейших принципов, определяющих кавказскую политику Петербурга и, соответственно, процессы интеграции региона в состав империи: централизма и регионализма. Первое предполагало скорейшее распространение на Кавказе российской модели управления, административной системы и судебных органов, второе – создание особых форм и механизмов управления, учитывающих социокультурную и правовую специфику региона⁸.

Отдельным исследовательским направлением в широком проблемном поле интеграции традиционных социумов Северного Кавказа в имперскую (российскую) государственность стало изучение процессов формирования в крае судебно-административной системы. Важно отметить характерную, на наш взгляд, для постсоветской историографии тенденцию к интер-

⁵ Там же. С. 427.

⁶ Там же. С. 428.

⁷ Гагагова Л.С., Трепавлов В.В. «Перед толпою соплеменных гор». Проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII-XIX вв.). М.: ИРИ РАН, 2019. 280 с.

⁸ Там же. С. 185.

претации российско-северокавказских отношений в терминах взаимодействия различных по своей социальной природе политических и социокультурных систем. Так, процессы и механизмы взаимодействия традиционной и государственно-административной систем управления, происходившие в Осетии на протяжении XIX в., стали предметом специального исследования Е. И. Кобахидзе⁹. Новый подход к проблеме выводит исследование в сферу полидисциплинарности и позволяет автору сместить акценты в изучении уже, казалось бы, проработанных сюжетов и тем, выявляя и анализируя социокультурную составляющую процессов адаптации горских обществ к иным формам социальной жизни и новому социальному порядку, привнесенному в регион правительственными преобразованиями. Наиболее последовательно и глубоко вопросы, касающиеся судебных преобразований на Центральном Кавказе в условиях вхождения региона в российскую государственность в период с конца XVIII до начала XX в., исследованы в монографии А. Х. Абазова¹⁰. Основной вывод автора заключается в признании судебных преобразований в качестве одного из важнейших механизмов политической, социальной и культурной интеграции народов региона в общероссийское политико-правовое пространство, заложивших предпосылки и создавших условия для формирования у них в перспективе российского гражданского самосознания.

В целом можно утверждать, что проблема вхождения Северного Кавказа и его отдельных областей в политико-административную систему Российской империи изучена довольно обстоятельно, во многом – благодаря документальной обеспеченности

⁹ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 452 с.

¹⁰ Абазов А. Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: Печатный двор, 2016. 264 с.

исследуемых явлений и внушительной историографии, заложенной еще трудами дореволюционных историков и расширенной работами советских ученых. Следуя сложившейся историографической традиции, современные исследователи изменения в судебно-административном устройстве региона рассматривают в широком историческом контексте, с учетом направленности правительственной политики, доминантой в которой, несмотря на все сложные перипетии российско-северокавказских взаимоотношений, оставалось стремление к всесторонней интеграции населения Северного Кавказа в общегосударственный организм. Благодаря глубокой проработанности этой проблемы в отечественной историографии появляется возможность поиска новых методологических подходов к изучению российско-северокавказских отношений во всем их действительном многообразии, подходов, лишенных прежних стереотипов и клишированных представлений и позволяющих вплотную подойти к разработке новых парадигмальных основ для формирования целостной и внутренне непротиворечивой истории народов и обществ Северного Кавказа как субъектов регионального и общероссийского исторического процесса. В данном контексте обращает на себя внимание монография «Социально-политическая организация полиэтничного пространства: Центральный Кавказ и Кабардино-Балкария в XVI-XXI веках»¹¹, авторы которой предлагают новую с методологических позиций интерпретацию одного из «трудных вопросов» региональной истории, связанного с эволюцией форм социально-политической организации полиэтничного пространства Центрального Кавказа, к которому принадлежит Кабардино-Балкария. Опираясь на понятие интер-социального взаимодействия и привлекая обширный документальный и историографический материал, авторы проводят содержательный анализ факторов, определивших бу-

¹¹ Боров А. Х., Муратова Е. Г., Кажаров А. Г., Азикова Ю. М. Социально-политическая организация полиэтничного пространства: Центральный Кавказ и Кабардино-Балкария в XVI-XXI веках (вопросы истории и историографии). Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2021. 324 с.

душность народов Центрального Кавказа в составе Российского государства, последовательно раскрывают механизмы создания объединенной советской автономии кабардинского и балкарского народов, исследуют механизмы перехода от советского к современному политическому режиму в Кабардино-Балкарской Республике с точки зрения влияния этнополитических факторов на процесс демократизации. Предложенные авторами исследовательские подходы, основанные на принципах междисциплинарного синтеза, представляются продуктивными в методологическом отношении, поскольку позволяют представить историко-культурный процесс, протекающий на Центральном Кавказе, в едином интерпретационном ключе и во всем объеме социальных, хозяйственных, политических и социокультурных факторов и форм интер-социальных связей в полиэтничном регионе.

Большое значение для понимания специфики интеграции северокавказского социума в лоно российской культуры имеют труды, посвященные социокультурным аспектам жизнедеятельности северокавказских городов. Несомненный интерес представляет единственное в своем роде историко-этнологическое исследование З.В. Кануковой «Старый Владикавказ»¹², посвященное изучению Владикавказской полиэтничной и поликонфессиональной городской среды, характеризующейся высокой культурой межэтнического общения. Особое внимание уделяется вопросам социокультурного развития и досуга горожан, особенностям конфессиональной жизни и праздничной культуры. Исследованию общественно-культурной среды северокавказских городов дореволюционного периода посвящена монография Б.В. Туаевой «Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв.»¹³,

¹² Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Изд. 2-е. Владикавказ: Иристон, 2002. 316 с.

¹³ Туаева Б. В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 204 с.

в которой северокавказские города (Ставрополь, Екатеринодар, Владикавказ, Грозный, Нальчик, Георгиевск, Майкоп, Моздок, Ейск, Кизляр и города Кавказских Минеральных вод второй половины XIX – начала XX в.) рассматриваются автором как целостная интегративная система, включавшая социальные, национальные, конфессиональные и профессиональные характеристики культуры. Следует отметить и другое монографическое исследование того же автора «Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв.», объектом изучения в котором становится провинциальный город как фактор формирования экономической и социокультурной политики Российского государства на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.¹⁴ На основе широкой документальной базы, в том числе и впервые введенных в научный оборот источников, анализируется роль города в качестве центра складывания урбанистической культуры в развитии городского пространства как особого социального феномена, в становлении и развитии экономики, социальной сферы, в формировании гражданского самосознания, зарождении гражданских инициатив и практик.

В трудах С. А. Айларовой, специализирующейся на проблемах общественной мысли и северокавказского просветительства, обсуждаются многие аспекты северокавказской просветительской мысли и содержащиеся в ней подходы к проблеме формирования общегражданского единства и роли русского и национальных языков в этих процессах¹⁵. Те или иные аспекты проблемы, касающиеся роли русского языка в региональной образовательной политике, содержащиеся в трудах кавказских просветителей, рассматривались в общем контексте северо-

¹⁴ Туаева Б. В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2013. 426 с.

¹⁵ См., например: Айларова С. А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2003. 365 с., и др.

кавказской общественной и педагогической мысли, просветительских взглядах представителей интеллигенции (работы Т.Х. Кумыкова, М.С. Тотоева, Е.Е. Хатаева, С.Б. Узденовой и др.). В то же время обращение исследователей к изучению творчества кавказской интеллигенции достаточно фрагментарно и не дает целостного представления о концепциях культурно-языкового и государственного строительства в их наследии. Размышляя же о влиянии российской политики на развитие национального образования и, шире, национальной культуры, исследователи главным образом сосредотачиваются на судьбах национальных языков в культурно-историческом процессе, рассматривая эти вопросы в концептуальном ключе¹⁶.

В целом проблематика, касающаяся политики русификации национальной периферии Российской империи, оказывается достаточно востребованной как в отечественной, так и зарубежной историографии. Внимание ряда исследователей (А. Миллер, Т.Р. Уикс, В. Родкиевич и др.) ориентировано на западные окраины страны. В этом ряду следует выделить фундаментальный труд М. Долбилова, в котором автор сосредоточился на решении целого комплекса вопросов относительно взаимоотношений государства, религии и национализма в обширном, этнически пестром Северо-Западном крае в пореформенный период¹⁷. Говоря об отражении процессов русификации национальной периферии Российской империи в отечественной историографии, нельзя не обратить внимания на работы А. И. Миллера, интересные в методологическом плане, поскольку они опираются не только на отечественный, но и зарубежный исследовательский опыт, отличающийся бо-

¹⁶ См., например: Албогачиева М.С.-Г. Язык как атрибут власти в контексте ингушско-русского билингвизма // *Archeion*. VI. Tbilisi, 2013. P. 60-79; Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы // *Историко-филологический архив*. 2005. № 3. С. 30-77.

¹⁷ Долбилов М. *Русский край, чужая вера: этнокофессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. М. Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

лее широким взглядом на российскую историю и дающий богатый материал для дискуссий по различным аспектам правительственной политики Российской империи на ее национальных окраинах¹⁸.

Для постсоветской историографии проблемы государственного языка в формировании национальной/гражданской идентичности характерно появление работ этнологического, этнополитического, этносоциологического, этнопсихологического, этнолингвистического характера, представленных как монографиями (М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, Г. С. Денисова и др.), так и отдельными статьями (Е. В. Кузнецова, Л. Н. Евсева, А. Б. Багдасарова и многие другие). Всплеск интереса к вопросам идентичности, места этнической идентичности в структуре личностной и групповой самоидентификации вполне объясним постсоветскими реалиями, в которых групповая солидарность, основанная на этничности, выполняет очевидные компенсаторные функции в условиях образовавшегося идеологического вакуума, обеспечивая относительный психологический комфорт личности и в целом этнической группе. Основой национальной/этнической идентичности признается родной язык.

К сожалению, формат данного очерка не позволяет представить все разнообразие существующей литературы или хотя бы точек зрения по обозначенным вопросам. Отметим лишь, что проблемное поле основного числа исследований очерчено процессами взаимодействия национального и государственного (в частности, русского) языков, обусловленными современными вызовами этнической мобилизации и актуальными как для России, так и для всего постсоветского пространства. В ряде случаев подобное взаимодействие отличается высоким конструктивным потенциалом, реализация которого приводит

¹⁸ См., например: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

к приданию русскому языку, наряду с национальным, статуса государственного: русский язык при этом становится средством общественно-экономической, этнополитической жизни, барьером против ассимиляционистской и дискриминационной политики, важным фактором укрепления национального самосознания и этнической идентичности (М. Н. Губогло).

Проблемы языкового строительства и языкового планирования активно обсуждаются как отечественными, так и зарубежными учеными в исследовательском поле социолингвистики. Однако, несмотря на множество исследований российской/советской национальной и языковой политики, трудно говорить об их беспристрастности. Подавляющая часть работ, выполненных западными социолингвистами, отличается довольно слабыми представлениями о российском/советском материале. Тем не менее, можно обозначить два основных направления в западной интерпретации российской/советской языковой политики. Первое характеризуется определенным упрощением действительности, значительным преувеличением русифицирующего и унифицирующего влияния Центра на национальные окраины СССР и замалчиванием того факта, что именно в период существования Союза национальные языки получили наиболее благоприятные условия для сохранения и развития: национальные школы, учреждения высшего образования, СМИ и литература на национальных языках – все это реально способствовало национально-языковому строительству в республиках СССР. Более того, государственное значение русского языка как объединяющего начала оценивается чаще негативно, что свидетельствует о предвзятости оценок и игнорировании различий в языковой политике в разные периоды советской истории¹⁹.

Второе направление представлено исследователями, кото-

¹⁹ См. подробнее: Shelestyuk E. Russia's national and language policy through its history // Language and communication in today's multicultural society: a collection of scientific papers). Moscow: TransArt, 2014. Pp. 204-273.

рые склонны оценивать позитивно раннесоветскую языковую политику, опирающуюся на принципы «коренизации», и крайне негативно – политику «навязывания» русского языка в последующие десятилетия. Ряд ученых из этой категории отдадут должное теоретической ценности и методологическим принципам лингвистического метода, разработанного советскими теоретиками и практиками языкового планирования. В основе этого метода – совмещение социологической концепции языка как социального явления (F. de Saussure) и марксистской интерпретации связи между языком и обществом (V. Reznik). И хотя исследователи второго направления признают очевидную связь между языком и общественными процессами, характеризующей как «тоталитарную», так и «не-тоталитарную» эпохи в истории СССР, их работы также лишены опоры на конкретные лингвистические и историко-культурные материалы²⁰.

Что касается российского сегмента историографии, то обращает на себя внимание один из редких (если пока не единственный) примеров попытки решения проблем языкового воздействия на социальные процессы в позднеимперский период, представленный небольшой по объему статьей О.П. Илюхи, выполненной на материалах Карелии. В ней автор рассматривает «преломление языковой политики российского государства на региональном (губернском) и локальном (школьном) уровнях» и «влияние языковых запросов крестьян российской окраины на их отношение к русскоязычной школе»²¹. Возвращаясь к северокавказскому региональному контексту, в этом же ряду можно упомянуть монографию Е.И. Кобахидзе «Центральный Кавказ в объединительной политике Россий-

²⁰ См. подробнее: Алпатов В. М. Языковая политика в СССР в 20-30-е годы: Утопии и реальность // Восток. 1993. № 5. С. 113-127.

²¹ Илюха О.П. Сельская школа в Карелии в конце XIX – начале XX в.: преломление языковой политики на локальном уровне // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 4. С. 89-97.

ской империи второй половины XIX – начала XX в.»²², в одном из разделов которой анализируются процессы распространения русского языка в горской среде и рассматриваются стимулирующие их факторы.

Таким образом, в широком проблемном поле взаимодействия языка и общества в имперской России, в СССР и на постсоветском пространстве «историческая» составляющая большинства из них безусловно требует более глубокой разработки. Тем более это справедливо для Северо-Кавказского региона, по многим ключевым характеристикам (полиэтничность, поликонфессиональность, геостратегическое положение, физико-географические характеристики и пр.) отличающегося от других регионов нашей страны и имеющего длительный и разнообразный исторический опыт взаимодействия с российской государственностью.

В зарубежной историографии проблема российской имперской государственности входит в число одной из наиболее приоритетных. Свое место занимают работы, посвященные сложному комплексу вопросов, связанных как с выяснением сущностной природы Российской империи, этапами ее развития, так и административно-правовым положением и социокультурной спецификой населявших ее народов (А. Каппелер, Т. Баррет, Э. Таден, П. Верт и др). В число относительно недавних публикаций по «имперской» проблематике следует, на наш взгляд, включить работу Ж. Кадио²³. Весьма любопытным представляется авторский подход к исследованию проблемы с позиций истории науки, дающей возможность проанализировать степень влияния российских ученых на практики управления империей и динамику жизни ее народов в переломные для страны эпохи – от времени контрреформ Александра III до предвоенного сталинского террора.

²² Кобахидзе Е. И. Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. 258 с.

²³ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР. 1890-1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.

Выделим также ставший уже хрестоматийным труд Э. Тадена (E. C. Thaden), посвященный теоретическим и практическим аспектам русификации в Российской империи²⁴. Очевидной теоретической значимостью отличается положение автора о наличии в имперской политике России нескольких направлений и этапов русификации, сопровождавшейся различными по интенсивности процессами ассимиляции и аккультурации. Развивая данное положение, отечественный исследователь А. Миллер обосновал необходимость применения ситуационного подхода к изучению сопряженных процессов и явлений, обусловленных процессами русификации²⁵. В силу масштабов и культурно-языковой гетерогенности Российской империи приоритеты центральной власти на южных окраинах страны были связаны, скорее, не с достижением полной ассимиляции и утверждением общей для всего населения идентичности, сколько с приобретением лояльности, причем не столько политической, сколько выраженной, как пишет А. Миллер, в культурных формах и связанной «с ориентацией на имперский центр как приоритетный источник культурных образцов и влияний»²⁶, что подразумевает культурную и лингвистическую консолидацию на элитарном и низовом уровнях²⁷.

Вопросы совместимости разных уровней и смыслов идентичности – национальной и имперской/российской/государственной, механизмов ассимиляции и аккультурации рассматриваются и в известном труде Р. Джераси (R. P. Gerasy), посвященного Среднему Поволжью – региону, как и Северный

²⁴ Thaden E. C. Russification in Tsarist Russia // *Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe*/Ed. Edward C. Thaden. Boulder: Social Science Monographs; New York: Distributed by Columbia University Press, 1990. P. 211-220.

²⁵ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм.

²⁶ Там же. С. 67.

²⁷ Большакова О. В. Конец Российской империи: современные интерпретации (обзор) // *Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сб. обзоров и рефератов*/Отв. ред. О. В. Большакова. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 155.

Кавказ, нетипичному для Российской империи²⁸. Следует согласиться с мнением автора относительно содержательной неопределенности понятия ассимиляции в официальном правительственном дискурсе: «Хотя самодержавное правительство могло проявлять постоянство и решимость в собственных действиях и в политике... взгляды российских властей и общества относительно ассимиляции даже малого числа народов империи в одном (хотя и не типичном) регионе (Среднем Поволжье. – *Авт.*), были чрезвычайно амбивалентны, изменчивы, неопределенны и противоречивы... Не было согласия по поводу того, в какой степени, в каком порядке, в какое время и в каком месте следовало бы наделять чертами “русскости” нерусские народы империи». По мнению исследователя, проблема в отсутствии общепринятого определения «русской нации» («Russian nationality»), в «официальных» версиях которого сочетались «такие элементы, как религия, язык, управление, обычаи, политическая лояльность, расовая принадлежность и история в ее бесчисленных проявлениях»²⁹. Об этом же говорит в заключении своего очерка «Русификация: Слово и практика» Т. Уикс: «Трудности с определением концепта русификации проистекают из неопределенности содержания понятия “русский”. Было ли оно исключительно этническим, языковым или культурным? Или можно было быть “русским” в верноподданническом смысле, в то же время трепетно относясь к своей национальности и родному языку? Возможны обе эти интерпретации, и действительно, время от времени один и тот же документ подразумевает то одно, то другое...»³⁰

Нельзя утверждать, что кавказская проблематика мало интересует западных исследователей, однако в ее разработ-

²⁸ Geraci R. P. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Russia*. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 389 p.

²⁹ Там же. С. 343-344.

³⁰ Weeks Th. R. *Russification: Word and Practice. 1863-1914 // Proceedings of the American Philosophical Society. 2004 (December). Vol. 148. No 4. P. 489.*

ке, на наш взгляд, очевидна определенная тенденциозность, заключающаяся либо в поиске конфликтогенных факторов, определяющих процесс вхождения северокавказских народов в Российскую империю в терминах противостояния (П. Верт, Ч. Стейнведел, Дж. У. Слокум и др.), для чего активно используется исламская тематика (Р. Круз), либо в идеализации стремления кавказских горцев к освобождению от имперского доминирования³¹. Отдельно следует упомянуть работу А. Павленко (A. Pavlenko) по поводу языковой русификации в Российской империи³², в которой автор подвергает критике ставшую уже традиционной интерпретацию правительственной языковой политики как «сознательной, последовательной и долговременной политики языковой русификации и денационализации». На наш взгляд, работа грешит слишком широкими и зачастую вольными интерпретациями и обобщениями (особенно касающимися Северного Кавказа) и выдает слабое знание автором фактического материала, который предоставляют отечественные архивные фонды. Противоположной точки зрения по этому же поводу придерживается известный в российском «имперском» дискурсе А. Каппелер³³: по его мнению, начиная с 60-х гг. XIX в. процессы «русификации» как целенаправленные действия, содержательно характеризующие правительственную национальную политику, протекали именно в культурно-языковой сфере³⁴.

³¹ См. подробнее: Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология/Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2000. 332 с.

³² Pavlenko A. Linguistic russification in the Russian Empire: peasants into Russians? // Russian Linguistics. International Journal for the Study of Russian and other Slavic Languages. 2011, vol. 35, No. 3, p. 331-350.

³³ См.: Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 248 с.

³⁴ Там же. С. 138.

Безусловно, западный «российский» дискурс должен изучаться как один из возможных вариантов интерпретации истории взаимоотношений России с ее национальными окраинами, в том числе и с Северным Кавказом. В то же время задача российских исследователей состоит в акцентуации позитивных интерпретаций и в поиске должной аргументации конструктивности происходивших процессов в терминах диалога.

Особое значение на этом пути приобретает интегративный функционал государственного (русского) языка, с одной стороны являвшегося инструментом реализации государственной национальной политики, а с другой – способствовавшего формированию на национальной периферии империи новой социальной реальности. Изучение процессов, происходивших в культурно-языковой сфере на Северном Кавказе и инициировавших изменения в социально-культурном ландшафте региона, составляет актуальную в академическом и общественно-ведческом плане исследовательскую задачу, решать которую необходимо средствами и методами исторической науки.

ГЛАВА 1.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ «СОЗДАНИЯ ГАРМОНИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА»

Факторы распространения русского языка на Северном Кавказе

Социокультурная мозаичность и этноконфессиональная пестрота Российской империи, составляя характерную особенность российской государственности, ставили перед центральной властью совершенно особые задачи по поддержанию единства и целостности страны. Разнообразный арсенал средств и методов управления, разрабатываемых правительством для того или иного региона, предназначался преимущественно для объединения разнородного во многих отношениях населения в едином имперском универсуме. Задача, стоявшая перед правительственными верхами – сохранение и поддержание государственного единства, – была сформулирована в терминах «русификации», под которой понималось формирование общегражданской нации на основе русского языка и культуры. Соответственно, важнейшие мероприятия правительства в осуществлении внутренней политики были ориентированы на формирование у жителей страны, включая и ее национальные окраины, новых социальных мотиваций, основанных на осознании причастности к единому макромиру. Примечательно в этом контексте высказывание статс-секретаря барона А. П. Николаи по поводу главных целей государственной объединительной политики, разрабатываемой по отношению к Кавказу после упразднения в начале 1880-х гг. Кавказского наместничества, распавшегося на ряд территориально-административных единиц – областей, округов, наибств и т. п. «Российская империя состоит из двух органических элементов: коренного русского государства, сердцевины империи, ее ядра, обнимающего то большинство населения, которое принадле-

жит к русско-славянскому племени, и из разнородных, разновременно присоединенных инородческих и иноплеменных окраин: Царство Польское, Прибалтийский край, Финляндия, в большей мере Сибирь, Туркестанский край, Кавказ и Закаспийский край. Так как всякое государство, для утверждения своей силы, должно стремиться к возможному объединению разнородных элементов, то весьма естественно, что государственная политика требует, чтобы эта цель объединения была преследуема постоянно, настойчиво, но вместе с тем осторожно и разумно. Никакая приобретенная веками национальная или племенная своеобразность не сдается без борьбы к поглощению, а потому, при преследовании целей объединения, необходимо с этим естественным законом считаться и часто делать ему временные уступки, не упуская из вида главные цели окончательного создания гармонического единства», – утверждал в своей «Записке» статс-секретарь барон А. П. Николаи³⁵, рассуждая о преобразовании центрального управления на Кавказе в связи с упразднением в конце 1881 г. Кавказского наместничества и формированием новой кавказской администрации во главе с главноуправляющим гражданской частью.

Идея формирования культурно-языкового единства и общеимперской наднациональной идентичности базировалась главным образом на высоком интегративном потенциале русского языка прежде всего как языка государственного и культуры русского населения как «ядра» формирования «общерусской народности». Заметим здесь, что именно культурно-языковой сферой ограничивает понятие «русификации» А. Каппелер, который полагает, что говорить о целенаправленной «русификации» как содержании российской национальной политики можно лишь начиная с 60-х гг. XIX в., хотя и тогда, по его мнению, «она не оформилась во всеохватывающую концепцию,

³⁵ Цит. по: *Кэмпбелл (Воробьева) Е. И.* «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*: Сб. ст./Ред. Б. В. Ананьич, С. И. Барзилов. М.: МОНФ, 2001. С. 206-207.

которая могла бы совершенно вытеснить наднациональную основную модель»³⁶. Между тем, сложность происходивших в стране процессов в культурно-языковой сфере не позволяет делать столь однозначные выводы, о чем свидетельствует практически противоположная точка зрения, высказанная А. Павленко по поводу языковой русификации в Российской империи. Автор ставит под сомнение устоявшуюся трактовку правительственной языковой политики как «сознательной, последовательной и долговременной политики языковой русификации и денационализации», доказывая свой тезис анализом языковой ситуации в различных регионах Российской империи³⁷.

Оставляя в стороне полемику вокруг процессов «русификации» и признавая их неоднозначность и многогранность³⁸, попытаемся сосредоточиться на одном из ее аспектов – языковом – и показать действие группы факторов, обусловивших высокую степень распространенности русского языка в одном из наиболее сложных с точки зрения организации управления регионов России – на Северном Кавказе.

Представлявший собой пестрый конгломерат этнополитических и социокультурных систем, Северный Кавказ требовал всегда особых подходов со стороны правительства и местной администрации. Окончание Кавказской войны и утверждение в регионе российской административной системы объективно

³⁶ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / Отв. ред. А. И. Миллер, В. Ф. Репринцев, Б. Н. Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 138.

³⁷ Pavlenko A. Linguistic Russification in the Russian Empire: peasants into Russians? // Russian Linguistics. International Journal for the Study of Russian and other Slavic Languages. 2011. Vol. 35. No. 3. Pp. 331-350.

³⁸ См. подробнее: Russification in Tsarist Russia // Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe / Edward C. Thaden with the collaboration of Marianna Forster Thaden. Boulder: Social Science Monographs; New York: Distributed by Columbia University Press, 1990. Pp. 211-220.

предопределило историческую судьбу Северного Кавказа в составе Российской империи. Активно протекающие процессы интеграции его территории и населения в общегосударственное социально-экономическое и политико-правовое пространство совпали по времени с проведением в стране Великих реформ. Преобразования коснулись и Северного Кавказа, и, хотя проводились здесь с запозданием и в значительно урезанном виде, они привели к существенным сдвигам во всех сферах региональной повседневности. Прежде всего, реформы сказались на экономическом состоянии края, одновременно изменив его социально-демографический ландшафт и поселенческую структуру.

Крестьянская реформа 1861 г. создала предпосылки для активного заселения Северного Кавказа государственными крестьянами центральных российских губерний, освободившимися от крепостной зависимости. Крестьянское переселение в кавказском направлении как дополнение военно-казачьей колонизации всячески поощрялось правительством, на законодательном уровне позволившим «лицам не войскового сословия» заселять территорию Северного Кавказа³⁹. Разрешительный характер правительственной миграционной политики в первые пореформенные десятилетия объяснялся потенциальной возможностью относительно бесконфликтно решить по меньшей мере две достаточно серьезные задачи. Во-первых, «выбытие» как можно большего числа лиц из сельских обществ в Центральной России, а порой и самих сельских обществ, давало возможность перераспределить оставшиеся после них земельные наделы между наиболее нуждающимися односельчанами либо прирезать освободившиеся участки к соседним малоземельным обществам⁴⁰. Во-вторых, заселение Северного Кавказа после окончания Кавказской войны «русским народ-

³⁹ См., например: ПСЗ – II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 38256; ПСЗ – II. Т. XLIII. Отд. 1-е. № 45785.

⁴⁰ Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИ-АГ). Ф. 12. Оп. 3. Д. 1. Л. 123–123об.

ным элементом» должно было усилить российское присутствие в регионе уже не столько на высшем, организационном, сколько на нижнем, социетальном уровне. Более того, именно эта составляющая переселенческой политики по отношению к Северному Кавказу рассматривалась в качестве одной из важнейших государственных задач, от решения которой во многом зависело его «культурное сближение с остальными частями империи»⁴¹. И в 1880-1890-х гг. законы и положения, регулирующие процесс колонизации северокавказских территорий, принимались в целях «укрепления» русского населения края.

Быстрое увеличение численности все прибывавших новопоселенцев меняло и демографические характеристики региона. Так, уже в 1860-х гг. число «иностранцев», переселившихся из внутренних российских губерний, только в Кубанской области возросло в четыре раза и составило 5,2% ее населения⁴². В 1870-е гг. на Северном Кавказе и в Предкавказье осело уже около 350 тыс. переселенцев⁴³: большая их часть водворилась в Кубанской области – 175,4 тыс. чел., а в Ставропольской губернии и Терской области расселилось соответственно около 80 тыс. и 70 тыс. чел.

Возврат к ограничительным принципам переселенческого движения на рубеже XIX-XX вв. лишь несколько ослабил его, и на Северный Кавказ продолжали прибывать все новые и новые новопоселенцы, вливаясь в общую массу «иностранцев», с 1872 г. официально именуемых «лицами невойскового сословия»⁴⁴. В последнем десятилетии XIX в. общая масса населения, к примеру, в Терской области выросла в пятикратном

⁴¹ Там же. Л. 1об.

⁴² Исмаил-заде Д. И. Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX – начале XX в. // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 327.

⁴³ Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 96.

⁴⁴ Исмаил-заде Д. И. Указ. соч. С. 338.

размере (с 94 тыс. чел. в 1891 г. до 470 тыс. в 1899 г.), при этом численность крестьянского населения области за счет механического прироста увеличилась почти вдвое (с 25,5 тыс. чел. до 42,5 тыс. чел.)⁴⁵. Наплыв мигрантов из российской глубинки отмечался и в начале XX в.: с 1897 до 1916 г. в Терскую область прибыло еще 427 тыс. чел., и за счет них число жителей одного лишь Владикавказского округа возросло на 38,7%⁴⁶.

Выплеск миграционных потоков как из центральных районов страны, так и из Новороссии и Левобережной Украины привел к увеличению удельного веса славян в населении Северного Кавказа. Данные 1873 г. свидетельствуют о заметном преобладании русского населения в Предкавказье и на Северном Кавказе, численность которого достигала 68,6% по отношению к общей массе населения региона. При этом в Кубанской области и Ставропольской губернии доля славянского населения (русских, украинцев и белорусов) составляла соответственно 86,9% и 77,4%⁴⁷. В целом в 1870-1890-е гг. представленность русских в общей массе населения Северного Кавказа возросла с 30,5% до 36,9%, украинцев – с 23,3% до 29,4%⁴⁸.

В той же Терской области к 1905 г. численность русских среди более чем миллионного населения области превысила 418 тыс. чел., оказавшись на втором месте после кавказских горцев (чеченцев, осетин, кабардинцев, ингушей и пр. – в целом около 540 тыс. чел.)⁴⁹.

⁴⁵ Подробнее см.: Кобахидзе Е. И. Переселенческая политика России на Северном Кавказе как средство «упрочения русской культуры и гражданственности» // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2016. №2. С. 48.

⁴⁶ Тавасиев В. Х. Демографический анализ населения Северной Осетии в XX веке // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2014. №2. Ч. 4. С. 20.

⁴⁷ Исмаил-заде Д. И. Указ. соч. С. 327.

⁴⁸ Кабузан В. М. Указ. соч. С. 100.

⁴⁹ Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1905 год. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1906. С. 10, 15.

Естественно, что подвижки в этническом составе и социальной структуре населения и увеличение в нем доли носителей русского языка, в подавляющем большинстве – крестьян-земледельцев, повлияли не только на хозяйственно-экономические характеристики Северного Кавказа, но и на его общий языковой и социокультурный фон. Надо отметить, что местная администрация возлагала большие надежды на культуртрегерский потенциал русских переселенцев. «Проникая нередко, в поисках за свободной или дешевой землей, в самые центры инородческого населения, и оставаясь здесь на жительство, вопреки крайне неблагоприятным условиям нового соседства, переселенцы, с тем вместе, оказывают на коренных жителей немаловажное нравственное воздействие. Поэтому возможное внимание к нуждам переселенцев со стороны местной власти и содействие к водворению их в известной последовательности, – так именно, чтобы целая сеть русских хуторов разъединяла сплошную массу инородческих поселений, – должны служить одним из лучших средств для упрочения в области русской культуры и гражданственности», – так в 1891 г. сформулировал официальную установку начальник Терской области⁵⁰.

* * *

Отличительными социально-демографическими характеристиками северокавказского региона всегда были его полиэтничность и культурно-языковое разнообразие. При этом нормой считалось владение несколькими местными языками в качестве средства межэтнического взаимодействия в самых разнообразных областях жизнедеятельности местных народов.

⁵⁰ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ: Тип. Областного Правления Терской области, 1892. С. 27.

В схожих условиях жизнеобеспечения, при многовековых тесных хозяйственных и культурных контактах, наличии в нормативной культуре близких по форме бытования механизмов и принципов формирования социальных связей и т. п. знание языка как минимум ближайших соседей являлось объективной необходимостью и в определенной мере обеспечивало поддержание добрососедских отношений. Вместе с тем, постоянное в течение нескольких десятилетий увеличение русскоговорящей части населения с собственными хозяйственно-бытовыми практиками наряду с административными мерами по череполосному расселению русских и горцев создавали условия для широкого проникновения в горскую повседневность и русской речи, постепенно вытеснившей в качестве посредника местные языки. Достаточно красноречиво охарактеризовал сложившуюся ситуацию С. А. Шереметев, в первой половине 90-х гг. служивший на Кавказе главноначальствующим гражданской частью, отметивший, что большая часть Северного Кавказа стала мало чем отличаться от многих «коренных частей империи» благодаря «преобладанию русской народности» и «значительному сравнительно распространению русского языка среди племен, населяющих Кавказ»⁵¹. И действительно, в одной только Терской области, по приблизительным данным областного начальника, в 1889 г. численность русского населения достигала 250 тыс. чел., в то время как наиболее многочисленные этносы, представленные чеченцами, осетинами и кабардинцами, насчитывали соответственно 182 тыс., 82 тыс. и 72 тыс. чел.⁵² Понятно, что при значительном преобладании русскоязычного массива в населении региона роль языка-посредника естественным образом отошла к русскому языку.

⁵¹ ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3132. Л. 1–1об.

⁵² Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1889 г. Владикавказ: Тип. Областного Правления Терской области, 1891. С. 12.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что распространение в регионе русского языка стало механическим результатом исключительно переселенческой политики и особых административных мер. Существенную роль в этом процессе сыграло образование и его институты, учреждаемые в горской среде еще со второй половины XVIII в. Подобно другим аспектам внутренней кавказской политики правительства, образование также рассматривалось как одно из наиболее эффективных средств установления прочной связи горских народов с Россией⁵³. Поэтому помимо решения собственно просветительских задач образование как особый социальный институт выполняло также не менее важные для империи социально-политические функции, в определенной мере способствовавшие реализации интегративных установок по отношению к Северному Кавказу и его населению.

Начало этой деятельности связывается с появлением первой осетинской школы, открытой в 1764 г. в Моздоке усилиями Осетинской духовной комиссии, созданной для достижения миссионерских целей православной церкви на далекой иногородческой окраине. Уже в 1767 г. Святейший Синод распорядился о переводе учебного процесса в школе на русский язык⁵⁴ – для того, вероятно, чтобы ускорить «приобщение» местного населения к русской «культуре и гражданственности». Именно с этой целью и духовные, и светские власти, как в центре, так и на Кавказе, поощряли деятельность Осетинской духовной комиссии по открытию приходских школ для горских детей. К середине XIX в. в Осетии (регионе преимущественно христианском) уже действовало от 7 до 10 начальных церковных школ. И хотя число как самих школ, так и посещавших их учеников было невелико, значение просветительской деятельности

⁵³ Центральный государственный архив РСФСР-А (ЦГА РСФСР-А). Ф. 12. Оп. 7. Д. 13. Л. 21об. – 22.

⁵⁴ Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1942. Т. V. С. 40.

Комиссии сложно переоценить: во-первых, приходские школы стали первыми и на долгое время единственными учебными заведениями начального уровня для беднейших слоев горского крестьянства, и во-вторых, своеобразными посредниками между Россией и горскими обществами, своего рода ресурсом «мягкой силы», задействованным для обеспечения лояльности со стороны местного населения к Российскому государству, его институтам и политическим и культурным ценностям.

В приходских школах преподавали не только светские, но и духовные лица местного причта. Однако основной предмет – закон божий – могли вести только приходские священники. Их большая часть окончила кавказские духовные учебные заведения, специально созданные для подготовки служителей православного культа на Кавказе: Георгиевское приходское училище (1818), Владикавказское духовное училище (1836), Тифлисскую семинарию (1866). Были среди кавказских церковнослужителей и выпускники российских духовных учебных заведений: например, Екатеринославского и Воронежского духовных училищ, Московской духовной академии и т.п. В ходе обучения, ведущегося на русском языке, будущие служители культа вместе с церковными догматами усваивали также и основные идеи государственности и «гражданственности», которые затем в своей проповеднической и учительской деятельности на Кавказе транслировали в местную «иноверную» среду. Важность идеологической работы подчеркивалась и в уставных документах Владикавказского духовного училища, где бог, общество, российское правительство и государь упоминались как понятия тождественные⁵⁵.

Обучение кавказских горцев элементарной грамотности стало одним из важнейших направлений деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе, учрежденного в 1860 г., на завершающем этапе Кавказской войны, для укрепления в регионе позиций православия

⁵⁵ Там же. С. 78.

как государственной религии в борьбе с влиятельным мусульманским духовенством. Как уже было сказано выше, именно Общество вплотную занималось организацией начального образования для широких слоев горского населения, устраивая школы в православных приходах и беря на себя не только расходы по их содержанию, но и ответственность за их деятельность. Наиболее ощутимых результатов эта сторона работы Общества получила в Осетии, население которой считалось христианским. Именно в Осетии ОВПХ открыло наибольшее количество начальных приходских школ.

В их образовательной практике обучение горских детей русскому языку ставилось едва ли не на первое место, хотя на первых порах родной язык учащихся составлял ему конкуренцию. Несмотря на то, что общероссийская образовательная реформа начальной школы 1864 г. закрепляла доминирующие позиции русского языка в обязательной части учебной программы всех типов школ, в том числе и приходских⁵⁶, она мало затронула начальную школу на Северном Кавказе, а родной язык сохранялся в качестве языка преподавания на первом году обучения⁵⁷.

Однако уже в начале 1870-х гг., когда Северный Кавказ вслед за остальной частью России уверенно двинулся по пути капитализации всей системы общественно-экономических отношений, ситуация радикальным образом изменилась. Важное место в ряду образовательных реформ Министерства народного просвещения заняла реформа начальной школы (1874), узаконившая статус русского языка как языка преподавания всех учебных дисциплин во всех российских учебных заведениях начального уровня.

В результате применения положений реформы к учебным заведениям Кавказского учебного округа русский язык заметно потеснил местные языки из учебного процесса в кавказской

⁵⁶ ПСЗ – П. Т XXXIX. Отд. 1-е. №41068. С. 614.

⁵⁷ Материалы по истории осетинского народа. С. 118, 123.

начальной школе, став единственным языком обучения. Родной же язык учащихся оказался в ряду преподаваемых дисциплин⁵⁸. И хотя для школы на Кавказе все еще сохранялись некоторые послабления, объяснявшиеся местными особенностями, положение о приоритетной роли русского языка уже фиксировалось в Правилах, специально разработанных для начальных церковных школ ОВПХ. В них прямо заявлялось, что цель приходской школы заключается в «распространении русского языка и начальных знаний»⁵⁹. Очевидно, что доминирующие позиции государственного языка объяснялись его широкими интегративными возможностями для формирования единой «общерусской народности»; учет же в учебном процессе местной социокультурной специфики, в том числе языковой, лишь тормозил бы решение поставленной задачи⁶⁰.

Смена политического курса в начале 1880-х гг. и усиление централистских тенденций в управлении Кавказом привели к необходимости более тесной связи местных элит с имперским центром, и школа была признана лучшим орудием для достижения этих целей⁶¹.

Все последующие акты и распоряжения Министерства народного просвещения окончательно утверждали статус русского языка как единственного языка преподавания всех учебных дисциплин в российских начальных школах⁶². Уже в начале нового столетия администрация Кавказского учебного округа

⁵⁸ Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 5.

⁵⁹ Материалы по истории осетинского народа. С. 13.

⁶⁰ См.: Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902/Сост. С. В. Рождественский. СПб.: Издание Министерства Народного Просвещения, 1902. С. 446, 448.

⁶¹ Шелестюк Е. В. Национальная и языковая политика в истории России // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме: сборник научных трудов/Отв. редактор Л. К. Раицкая, Н. М. Мекеко, Т. В. Попова. М.: ТрансАрт, 2014 М., 2014. С. 221.

⁶² Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 658.

отчитывалась о внушительных показателях распространенности русского языка в начальных училищах региона: в качестве языка преподавания он применялся в 1928 школах из 2086, состоящих в ведении МНП⁶³.

Тех же позиций придерживались и духовные власти, в ведение которых перешли начальные церковные школы во всех епархиях империи. Церковная школа на инородческих окраинах имела еще и широко понимаемое миссионерское предназначение, подразумевавшее не только возможность приобщения инородцев к православию, но и пропаганду в их среде «твердых и основательных начал гражданской и духовной жизни»⁶⁴. К примеру, Ардонское отделение Владикавказского епархиального училищного совета высказывалось по этому поводу следующим образом: «Если церковная школа имеет просветительское значение среди русских, то среди туземцев – это миссионерский стан, откуда единственно, можно сказать, распространяется свет веры Христовой, и в то же время школы в ауле единственное просветительное учреждение, откуда распространяется широкое знакомство с русскою речью и влияние на улучшение нравов»⁶⁵.

Естественно, что обучение на русском языке вызывало серьезные затруднения у учеников-горцев, едва успевших ознакомиться с азами чтения и письма на родном языке. И, чтобы привлечь в школу детей, местные власти предоставляли ряд льгот их родителям, например, освобождая от всех общественных повинностей те семьи, дети которых продолжали обучение

⁶³ Миропиев М. О. О применении школьной системы Н. И. Ильминского на Кавказе // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. Миропиев М. О. О применении школьной системы Н. И. Ильминского на Кавказе // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев/Под ред. А. С. Будиловича. СПб.: Тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1905. С. 225-226.

⁶⁴ Материалы по истории осетинского народа. С. 123.

⁶⁵ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.

в училищах духовного, гражданского и военного ведомств⁶⁶. Несмотря на трудности с обучением на чужом языке, число учеников в приходских школах Осетии в первые пореформенные десятилетия неуклонно росло⁶⁷, что явно свидетельствовало о заинтересованности населения в том, чтобы дети овладевали русской грамотой. Более того, сельские общества на своих сходах нередко выносили приговоры об открытии школ, беря на себя обязательства по постройке для них зданий, содержанию школьных учителей, поставке дров и т. п.⁶⁸ В этом же ключе следует интерпретировать признание начальника Терской области, который, сетуя на недостаток учителей из местных народов, из-за чего приходится назначать в «туземные школы» русских учителей и учительниц, сразу начинавших вести уроки на русском языке, подчеркивал, что и сами жители нередко просят о назначении к ним в школу русского учителя, мотивируя свои просьбы тем, что «при этих условиях их дети скорее научатся русскому языку»⁶⁹.

Архивные материалы знакомят с разнообразием практик освоения русского языка населением Осетии. Одной из них было совместное обучение. Так, например, по настоянию алагирского волостного старшины, в церковно-приходскую школу в слободе Алагир Владикавказского округа Терской области были определены учениками мальчики из соседнего осетинского села Салугардан. По мнению старшины, «соединение в одной школе осетинских мальчиков с русскими имеет важное значение в том отношении, что первые скорее могут усвоить русский язык, а чрез [это] изучение грамоты делается для всех несравненно легче, чем теперь, и наконец, между туземцами и русскими воспитанниками незаметно будет раз-

⁶⁶ Материалы по истории осетинского народа. С. 81-82.

⁶⁷ Там же. С. 148.

⁶⁸ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 69. Л. 5-6.

⁶⁹ Отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска за 1913 год. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1914. С. 111-112.

виваться дружба, под влиянием которой молодое поколение туземцев постепенно будет приготавливаться к слиянию в один русский народ»⁷⁰.

Возможности для освоения русской речи находили и вне школы – к примеру, осетины и ингуши часто отправляли своих детей в казачьи станицы или на услужение в город только лишь для того, чтобы ребенок смог научиться говорить, читать и писать по-русски⁷¹. Уже к концу 60-х гг. не редкостью было «встретить осетина, умеющего, хотя и плохо, но написать что-либо», а говорящие по-русски горцы воспринимались как обычное явление повседневности⁷².

Безусловно, столь широкое распространение на Северном Кавказе русского языка стало возможным во многом в силу его коммуникативных функций: именно русский язык в новых социально-политических и хозяйственно-экономических условиях стал ведущим языком межэтнического общения, исполняя роль посредника в межкультурной коммуникации местного и славянского населения, осевшего в крае в ходе земледельческой колонизации. Нельзя, однако, исключать и то обстоятельство, что с приходом России на Кавказ русский язык выполнял здесь функции языка государственного, т. е. языка власти, являясь ее вербальным символом и неотъемлемым атрибутом в восприятии местных народов. Вхождение в это символическое речевое пространство означало больше, чем просто овладение чужим языком, но приобщение к власти и возможность вступать в диалог с ней. Недаром писари, занимавшие свои должности в новообразованной сельской администрации, учрежденной в Терской и Кубанской областях с 1870 г. в качестве низшего звена административной системы на уровне сельской общины, обладали едва ли не бóльшим общественным весом и авторитетом со стороны односельчан, чем старшины – пред-

⁷⁰ НА СООГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 24-25.

⁷¹ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 319. Л. 38.

⁷² Материалы по истории осетинского народа. С. 129.

ставители официальной власти. Именно писари как умеющие говорить и, главное, писать по-русски, наделялись функциями ближайших посредников между горским обществом и окружной администрацией, через них проходили жалобы, прошения, ходатайства местного населения; писарь готовил документы на скот, оформлял паспорта, фиксировал сделки, записывал приговоры сельских обществ и т. п. Умение излагать на государственном (!) языке делало его фигуру не только уважаемой, но и почти сакральной: знание русской грамоты значительно поднимало его общественный статус в глазах односельчан, поскольку открывало заманчивую перспективу говорить (и договариваться!) с властью на *ее* языке, выражая при этом интересы своих обществ.

Охотно перенимая у русскоговорящих соседей не только хозяйственно-бытовые навыки, но и язык, горцы быстро осознали его практическую пользу, поскольку владение русским языком предоставляло довольно широкие возможности, и прежде всего в сфере социально-экономических интересов горского крестьянства. Будучи языком преподавания, русский язык позволял лучше освоить профессионально-технические навыки, с которыми знакомили в начальной школе и обучали в ремесленных и реальных училищах региона. Овладение одной из ремесленных профессий, востребованных в ходе бурной капитализации экономики пореформенного Северного Кавказа, ясно обозначало для простого горца некие «карьерные» перспективы и обеспечивало его относительно безболезненную социализацию в лоне иной культуры, а шире – иной цивилизации. Впрочем, знание русского языка давало неплохие шансы повысить собственный социальный статус и в кругу односельчан, позволяя занять одну из престижных должностей в сельской администрации – того же писаря или переводчика, заняться учительством или даже стать священником. Знание русского языка расценивалось как существенный бонус и при занятии какой-либо из должностей в официальных

государственных учреждениях, например, во Владикавказском городском суде, куда заседателем «от местных туземцев» был избран осетин, юнкер Беса (Василий) Коченов (Кочиев)⁷³, выдвинутый в Тагауро-Куртатинском участке аульными старшинами именно «в том внимании, что он хорошо знает русский язык»⁷⁴.

И, наконец, владение русским языком значительно расширило сеть традиционных социальных связей, позволяя горцу осваивать принципиально новое для него социальное пространство – городское.

* * *

Таким образом, широкому распространению русского языка на пореформенном Северном Кавказе способствовал целый комплекс факторов. Русский язык как язык государственный обладал высоким интегративным потенциалом, задействованным в процессе формирования имперского универсума, исполнения при этом очевидные социально-политические функции. В этом качестве язык рассматривался в ходе широкой земельческой колонизации северокавказских территорий, в результате которой доля прибывшего на Кавказ русскоговорящего населения стала превосходить по численности остальные этнические массивы. Идеологическую подоплеку имела и политика в сфере народного просвещения, направленная в первую очередь на закрепление приоритетного статуса русского языка в образовательном процессе всех учебных заведений империи. Бурное развитие городов как центров урбанистической культуры также способствовало расширению поля функционирования русского языка, служившего для горцев одним из средств освоения городского пространства.

⁷³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1927. Л. 27.

⁷⁴ Там же. Л. 30.

Роль города в расширении русского языкового пространства

Северный Кавказ всегда являлся регионом, отличающимся от других частей Российской империи многообразием природных и социально-культурных ландшафтов, что неизменно подчеркивалось как его уникальная характеристика. Природно-климатическому разнообразию региона соответствовало «такое же разнообразие племенного состава населения. Кроме русского казачьего и коренного туземного (горского) населения, составляющих массу его, в пределах области (Терской. – *Авт.*) находятся регулярные войска всех трех родов оружия, кочевые караногайцы, кочующие калмыки, иностранные подданные и многие другие. Вся эта масса населения сосредоточивается в шести городах: Владикавказе, Пятигорске, Георгиевске, Грозном, Кизляре и Моздоке, в 70-ти станицах и в многих слободах, селениях, местечках, поселках, хуторах, выселках и других населенных местах», – сообщал в 1890 г. «Терский календарь»⁷⁵.

Возникшие поначалу как крепости, укрепления и другие оборонительные пункты и выполнявшие функции военно-административных центров Кавказской военной линии, северокавказские города со временем разрастались, принимая торговцев и ремесленников как из близлежащих районов, так и из центрально- и южнорусских губерний, быстро трансформируясь в крупные торгово-промышленные центры региона. Надо сказать, что «начальные стадии эволюции от “форпоста, крепости, редута и т. п. милитаризованных пунктов” были почти обязательными для преобладающего числа поселений на колонизируемых территориях. В XIX в. меняется сам тип поселения, и действуют иные причины, ведущие к зарождению городов, становившихся центрами управления»⁷⁶.

⁷⁵ Терский календарь на 1891 г. В 2-х кн. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1890. Кн. 1. Отд. III. С. 183.

⁷⁶ Туаева Б. В. Город в урбанизационных процессах в России (XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 60.

Так, к примеру, Ставрополь, история которого восходит к 1777 г., из небольшой русской крепости постепенно трансформируется в уездный (1786), затем в областной город (1824), куда из Георгиевска переводятся все административные учреждения, и, наконец, – в губернский (1847), ставший центром крупной Ставропольской губернии. Вплоть до образования в 1860 г. Терской и Кубанской областей Ставрополь служил «средоточием всей гражданской и военной администрации Северного Кавказа. К этому времени относится период его наибольшего процветания и оживления»⁷⁷. Отсутствие в географической близости торговой конкуренции, с одной стороны, и выгодное расположение города на почтовом тракте, соединяющем внутренние российские губернии с Закавказьем, – с другой, способствовали быстрому развитию целого комплекса урбанизационных процессов, в результате которых уже к 1870-м гг. Ставрополь воспринимался первым после Тифлиса городом Кавказского наместничества по внешнему виду и уровню благоустройства⁷⁸.

Изменение административной карты Северного Кавказа в начале 1860-х гг. и появление новых административно-управленческих центров (Владикавказа и Екатеринодара) ослабило роль Ставрополя в качестве военно-административного центра обширной территории, включающей Предкавказье и Северный Кавказ. А прокладка Ростово-Владикавказской железнодорожной магистрали в стороне от Ставрополя оставила город без его важной функции транзитного узла. Тем не менее, численность населения города постоянно росла, хотя и не столь быстрыми темпами, как в других городах Ставропольской губернии: так, например, с 1847 по 1897 гг. число жителей Георг-

⁷⁷ Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис: Тип. Канцел. главноначальствующего Гражд. частью на Кавказе, 1888. С. 15.

⁷⁸ Очерки истории Ставропольского края с древнейших времен до 1917 года. В 2-х т. Т. 1. С древнейших времен до 1917 года. Ставрополь: Кн. изд-во, 1984. С. 267.

гиевска возросло в 5,9 раза, Пятигорска – в 4,8, а губернского города Ставрополя – лишь в 3,3 раза⁷⁹.

Население Ставрополя изначально было полиэтничным, но со временем численность горожан увеличивалась главным образом за счет крестьян, прибывающих из губерний Европейской России, что сказалось на социальной структуре городского населения, в котором доля крестьянского сословия к 1897 г. достигала 48,5%, и обусловило высокий удельный вес русских в его этническом составе: русские жители города составляли 87% его населения, украинцы – 2,7%; армяне – 1,7%; поляки, немцы и др. – 8,4%⁸⁰.

Екатеринодар, ставший в 1860 г. центром Кубанской области, также начинал свою историю как крепость, основанная в 1793 г. переселившимися на Кубань черноморскими казаками. То обстоятельство, что Екатеринодару изначально отводилась роль главного пункта управления Черноморской кордонной линией и центра войсковой территории, обусловило специфику его социально-демографических характеристик: практически все население города принадлежало к казачьему сословию, обязанному к несению военной службы, отсутствие же постоянного гражданского населения тормозило его собственное социально-экономическое и инфраструктурное развитие. Экономическую основу жизнедеятельности города составляла в основном базарная и ярмарочная торговля и торгово-меновые связи с закубанскими горами⁸¹.

Вплоть до начала 1869-х гг. Екатеринодар как город «войсковой» был исключительно административно-управленческим пунктом для Черноморского казачьего войска. Однако уже с середины 1860-х гг. возникают условия для трансфор-

⁷⁹ Туаева Б. В. Указ. соч. С. 63.

⁸⁰ Там же. С. 64.

⁸¹ Бондарь В. В. Города Кубани в конце XVIII – начале XX века (опыт типологического анализа) // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв.: Сб. науч. Трудов. Краснодар, 1997. С. 119-120.

мации его в город буржуазного типа: Положение о заселении и управлении города Екатеринодара (1 мая 1867 г.) открыло путь для переселения сюда лица невойскового сословия, получивших право приобретать недвижимость как в самом городе, так и в землях Кубанского казачьего войска⁸². С этого времени население города стало стремительно увеличиваться: если в 1859 г. его численность составляла около 10 тыс. чел., то к 1910 г. превысила 90 тыс. чел.⁸³

Очень скоро в Екатеринодаре оформилась развитая сословная структура с заметным доминированием мещанского сословия (47,5%), практически полностью представленного пришлым населением. Именно эта сословная группа и стала основой для формирования городской торгово-промышленной буржуазии⁸⁴. Удельный вес крестьян в составе городского населения также был достаточно высок – 35,2%, что являлось прямым следствием процессов крестьянской колонизации Северного Кавказа в 1860-1870-х гг., в результате которой именно Кубанская область приняла наибольшее число переселенцев из южных и центральных российских губерний. Что же касается казачества, то его представленность в населении Екатеринодара сократилась до 5,7%, хотя город и продолжал оставаться главным административным пунктом Кубанского казачьего войска.

Будучи центром Кубанской области, Екатеринодар быстро превратился в один из крупнейших промышленных, торговых и культурных объектов Северного Кавказа с усложнившимися

⁸² ПСЗ-П. Т. XLII. Ч. 1. № 44504.

⁸³ См.: Шевченко Г. Н. Социально-экономическая структура городов Кубани в дореформенный период // Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани: Сборник научных трудов. Краснодар, 1989. С. 5; Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 885.

⁸⁴ Бондарь В. В. К вопросу о типологии российских городов: Екатеринодар // Проблемы историографии и истории Кубани: Сб. науч. трудов. Краснодар, 1994. С. 93.

ся хозяйственными функциями и развитой инфраструктурой. Во многом этому способствовали прокладка Владикавказской и Черноморско-Кубанской железнодорожных магистралей с множеством ответвлений и пароходное сообщение по нижнему течению Кубани. И уже к началу XX в. Екатеринодар стал играть ведущую роль в качестве товарного центра сельскохозяйственного производства на Северном Кавказе⁸⁵.

Одной из важнейших крепостей, расположенных на Кавказской военной линии, была Владикавказская, заложенная в 1784 г. Само название крепости уже свидетельствовало о ее чрезвычайной стратегической значимости: будучи одним из укреплений Кавказской военной линии, крепость располагалась в самом центре Кавказа перед входом в Дарьяльское ущелье, через которое пролегал Военно-Грузинская дорога – единственный путь, ведущий из России в Закавказье.

Еще будучи крепостью, Владикавказ, имевший выгодное расположение на Военно-Грузинской дороге, привлекал к себе купцов из всех регионов России и Кавказа. Из трех купеческих обществ (русского, грузинского, армянского), оформившихся в крепости в 1840-е гг., наиболее существенную играло русское: в его ведении находилась торговля как в самой крепости, так и за ее пределами, на территории всего Владикавказского округа. К крепости, а затем и городу тяготело и местное население, заинтересованное в возможностях сбыта сельскохозяйственной и кустарной продукции, производимой в горских сельских обществах.

После завершения Кавказской войны Владикавказу, по замыслу наместника А. И. Барятинского, суждено было стать средоточием инициатив, направленных на мирное («гражданское») развитие всего Северного Кавказа. В соответствии с именным указом, данным наместнику 31 марта 1860 г., Владикавказская

⁸⁵ См.: Ратушняк В. Н. Екатеринодар как крупнейший товарный центр сельскохозяйственного производства Северного Кавказа (конец XIX – начало XX вв.) // Краснодару – 200 лет. Краснодар, 1993. С. 32-35.

крепость «обращается» в город⁸⁶. К указу прилагалось Положение об управлении городом Владикавказом, которое утверждало систему управления городом и регламентировало общие принципы городского устройства: источники формирования городского бюджета, порядок причисления к городским обывателям, в основе которого лежал буржуазный принцип имущественного ценза, права и обязанности городских сословий. Протекционистский характер Положения стимулировал процесс превращения бывшей крепости в город, который уже через три года становится административным центром Терской области, где быстро формируется городская инфраструктура и возникают связанные с ней формы деятельности. В сентябре 1865 г. из Моздока во Владикавказ переместился центр управления Терского казачьего войска, канцелярия наказного атамана и войсковое дежурство⁸⁷.

К концу 1870-х гг. в городе располагались все административно-судебные, хозяйственные, полицейские и военные учреждения Терской области⁸⁸. Здесь активно развивалась торговля и промышленность ремесленного типа, основу которой составляла переработка сельскохозяйственной продукции, производимой в соседних селах и станицах. Рост производства в городе давал импульс для интенсификации местной сельскохозяйственной отрасли и вел к увеличению посевных площадей, товарности рынка и, как результат, заинтересованности крестьянства в развитии ряда хозяйственных отраслей (к примеру – пчеловодства и садоводства)⁸⁹. Производимая продукция сбывалась на владикавказских базарах и ярмарках (Константиновской и Михайловской), совокупный торговый оборот которых в отдельные годы доходил до 140 тыс. руб.⁹⁰

⁸⁶ ПСЗ-П. Т. XXXV. Ч. 1. № 35648.

⁸⁷ Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1960. С. 144.

⁸⁸ Сборник сведений о Терской области. 1878. Вып. 1. С. 64.

⁸⁹ Терские ведомости. Неофициальная часть. 1870.

⁹⁰ Обзор Терской области за 1899 год. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900. Вып. 10. С. 85.

Имея только восемь небольших заводов в 1852 г., к концу XIX в. Владикавказ насчитывал уже 125 предприятий, среди которых были и гиганты в своей отрасли (например, кирпично-черепичные заводы Л. В. Штейнгеля, В. И. Грозмани), а число занятых на них рабочих выросло до полутора тысяч. В целом уже на рубеже XIX-XX вв. Владикавказский округ лидировал среди прочих округов Терской области по темпам развития промышленного производства и числу предприятий (1306)⁹¹. Собственниками подавляющей части предприятий Владикавказа (кирпично-черепичных, кожевенных, мукомольных, пивоваренных, маслобойных, винокуренных и пр.) были местные купцы или выходцы из горского населения. Устойчивый рост демонстрировали и торговые обороты Владикавказа: так, спустя лишь несколько лет после того, как Владикавказская крепость была обращена в город, внутренний торговый оборот превысил 100 тыс. руб. сер., а городская торговля велась в 150 лавках, 20 магазинах, на ежедневных базарах и ярмарках⁹². К концу столетия Владикавказ насчитывалось уже 884 торговых заведения⁹³, а в 1900 г. городской торговый оборот достиг показателя 7 млн руб.⁹⁴

Быстрыми темпами увеличивалась и численность горожан, чему во многом способствовала протекционистская политика правительства, предоставляющая ряд льгот для желающих приписаться к городу, в том числе и горцам⁹⁵. За десять лет до преобразования Владикавказской крепости в город в ней постоянно проживало более 3600 человек, в числе которых было около 900 осетин, 100 грузин и армян, а даже некоторое число иностранцев. Социальный состав городских жителей также был довольно разнообразным – дворяне, отставные военные,

⁹¹ Там же. С. 82.

⁹² Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии. С. 145.

⁹³ Ларина В. И. Указ. соч. С. 173.

⁹⁴ Обзор Терской области за 1899 год. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1901 год. С. 85.

⁹⁵ ПСЗ – П. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35648. С. 357.

купцы второй и третьей гильдий, мещане и посадские, представители ремесленных профессий – хлебники, кузнецы, слесари, портные, сапожники, часовых и «золотых дел мастера» и др.⁹⁶ Накануне преобразования крепости в город, в 1859 г., наместник сообщает о 2642 владикавказских жителях (не считая 4 тыс. военных), 299 ремесленниках и 76 торговцах, из которых 18 – русские, остальные же – армяне или грузины⁹⁷. Так, еще будучи крепостью, Владикавказ отличался разнообразием этнического состава населения при доминировании его русскоговорящего сегмента и довольно активно ведущейся хозяйственно-экономической деятельностью.

Владикавказъ.—Vladicaucase. № 80.
Бааръ.

Владикавказский базар

В начале XX в. среди почти миллионного населения Терской области Владикавказ выделяется своей многочисленностью, насчитывая почти 60 тыс. жителей, и среди них – чуть более 2,5 тыс. кавказских горцев и более 50,5 тыс. – русских⁹⁸.

⁹⁶ История Владикавказа (1781-1999 гг.): Сборник документов и материалов/Сост. М. Д. Бетоева, Л. Д. Бирюкова. Майкоп: Изд.-полиграф. и книготорг. произв. объединение «Адыгея», 1991. С. 54-55.

⁹⁷ АКАК. Т. XII. С. 1185-1187.

⁹⁸ Отчет начальника Терской области... за 1905 г. С. 15.

Являясь узловыми торгово-экономическими и административными центрами, города Северного Кавказа вместе с тем (а может, даже в большей степени) представляли собой форпосты русской культуры, кумулирующие общегражданские ценности. Развитие города, распространение городского образа жизни, формирование менталитета и поведенческих норм являлись индикаторами динамично развивающегося северокавказского общества в пореформенный период. Утратив пограничный смысл своего существования, города региона в ходе своего внутреннего развития неизбежно вовлекали географически тяготеющие к ним территории и их население в общероссийские процессы. Расширение и усложнение торгово-экономических связей Северного Кавказа с Россией вело к все более широкому проникновению культурных элементов в города региона. Трансферу культурных ценностей значительно способствовало строительство железнодорожной магистрали, связавшей Владикавказ с Ростовом, а через него – с центром России, движение по которой началось в августе 1875 г. В течение 1880-1890-х гг. были проложены новые железнодорожные линии, соединившие Владикавказ с Екатеринодаром и Петровском – Тихорецкая-Екатеринодар, Екатеринодар-Новороссийск, Беслан-Петровск. Помимо экономических перспектив, открывшихся перед Владикавказом в связи с устройством железнодорожного сообщения как с городами Северного Кавказа, так и с Центральной Россией, заметно улучшилось и информационное обеспечение города, куда газеты и журналы, издаваемые в столицах, поступали уже через четыре-пять дней.

Во многом благодаря новым путям сообщения ликвидировалась прежняя экономическая и культурная замкнутость края, а сами транспортные артерии становились одним из мощных факторов преобразований, происходящих в русле российской политики интеграции Северного Кавказа в государственную систему хозяйственно-экономических и социокультурных отношений.

В процессе распространения русского языка на Северном Кавказе города сыграли исключительную роль. Изначально в них формировалась специфическая для региона социокультурная среда, характеризующаяся полиэтничностью и поликонфессиональностью в этнодемографическом аспекте, многоукладностью – в аспекте экономическом и преобладанием русскоговорящего населения – в культурно-языковом.

Со временем развитие и специализация производства вели к складыванию профессиональной структуры занятости, выделению в ней наиболее престижных и экономически выгодных профессий. В формирующуюся торгово-производственную инфраструктуру Владикавказа все более вовлекались представители горских народов, однако для успешного освоения практически любой из востребованных на рынке профессий необходимо было знание русского языка. Необходимость овладения русским языком была обусловлена и обстоятельствами экономического плана, поскольку владение языком открывало для человека доступ к профессиональной среде и обеспечивало специальностью, обещающей не только материальное благополучие, но и включение в совершенно иной круг социальных отношений, иную иерархическую систему социальных статусов и ролей, характеризующих иную по отношению к собственной культуре в самом широком ее понимании.

Внедрение в общественный быт и социокультурную сферу местных народов «базовых социальных институтов центральной зоны российской культуры (государства, права, образования, экономических организаций)» осуществлялось во многом благодаря активности многотысячного, преимущественно русского (русскоязычного) населения, появившегося здесь в ходе крестьянско-земледельческой колонизации второй половины XIX в. «Реализуя функции базовых социальных институтов российской культуры, русское (русскоязычное) население фактически интегрировало Северный Кавказ на региональном уровне в структуру политического пространства России,

– пишут исследователи. – Тем самым в многосоставном обществе Северного Кавказа русский сегмент выполнял большую функциональную нагрузку: с одной стороны, русские были носителями базовых институтов, функционирование которых интегрировало регион в пространство «большого общества» (или общества современного типа); с другой стороны, русские со своей колонизационной активностью и этнической инаковостью, самим своим присутствием в регионе представляли собой определяющий вектор его социального структурирования... Иными словами, русские занимали центральную позицию (статус) в социокультурной структуре региона»⁹⁹.

Грозный. Трэк. Театр. Источник: <http://fotostarina.ru/groznyu/>

Для населения Северного Кавказа солидаризация с привнесенными в регион базовыми ценностями иной культуры и готовность к усвоению русского языка как ядра центральной зоны российской культуры расценивались как возможность относительно безболезненного вхождения в новое социальное

⁹⁹ Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д: РГПУ, 2003. С. 38-39.

пространство, представляя по существу одну из форм вынужденной адаптации к новым и всегда острым социальным вызовам, сглаживающей противоречия между формирующейся социальной реальностью и традиционной повседневностью.

Владикавказ. Театр

* * *

Таким образом, государственный (русский) язык являлся одним из ключевых инструментов осуществления национальной политики Российской империи, разрабатываемой по отношению к Северному Кавказу в конце XIX – начале XX в. Широкому распространению в регионе русского языка способствовал целый ряд факторов, обнаруживающих себя в различных сферах реализации политики интеграции Северного Кавказа в российскую государственность. Значительное увеличение численности носителей русского языка как следствие правительственной переселенческой политики привело к расширению русского языкового пространства за счет северокавказских территорий, которое постепенно осваивалось местными народами. Их инкорпорации в русскоязычную языковую среду во многом способствовали меры, предпринимаемые

правительством в сфере просвещения, имевшие под собой политико-идеологическую подоплеку.

Но если в других окраинных провинциях империи распространение русского языка связывалось с насильственной «русификацией» и культурно-языковой ассимиляцией, то на Северном Кавказе, где русский язык сразу занял доминирующие позиции во всех сферах общественной жизни, правительственная языковая политика не только не встретила активного сопротивления, но, напротив, привела в итоге к формированию в среде горского крестьянства позитивных мотиваций к его усвоению, ставших своеобразной адаптивной реакцией на острые социальные вызовы. Более того, оказавшись перед необходимостью освоения русского языка, горцы воспринимали эту необходимость с сугубо утилитарных позиций, рассматривая русский язык в качестве средства достижения личных и групповых социальных целей в пространстве иной культуры. Средоточием ее базовых социальных институтов выступали северокавказские города. Освоение все более привлекательного для горцев урбанистического пространства, в том числе посредством овладения теми или иными профессиональными навыками, происходило также на основе русского языка. Выполняя на Северном Кавказе главным образом социально-политические функции и будучи основным инструментом реализации интегративных установок правительства по отношению к региону, русский язык оказался в то же время востребованным и со стороны местного населения, рассматривавшего его как универсальное средство расширения границ традиционной повседневности и приобщения к иной цивилизации.

Город и книга

«Чем крупнее город, тем для большего округа становится он жизненным центром... чем крупнее город, тем он культурнее, тем на более рациональных основаниях поставлено в нем хозяйство и тем более удовлетворяются разнообразные потребности жителей... и народное образование, и общественное призрение, и медицинская, и санитарная части, и наружное благоустройство обставлены в крупных городах несравненно лучше», – подчеркивают исследователи¹⁰⁰. Уже в начале XX в. Владикавказ оказался в числе средних российских городов с населением, превышающем 50 тыс. жителей, что свидетельствует в первую очередь об интенсивности урбанизационных процессов в Терской области на рубеже XIX-XX вв., в которые так или иначе оказалось вовлечено местное население, связанное с городом тесными экономическими узами. Местное крестьянство, окружавшее Владикавказ, было чрезвычайно заинтересовано в городских базарах и ярмарках (Константиновской и Михайловской), которые являлись крупными торговыми площадками, дававшими возможность сбывать сельскохозяйственную продукцию и изделия ремесленного производства, обеспечив себя деньгами, потребность в которых ощущалась все более остро.

Изначально Владикавказ характеризовался чрезвычайно пестрым в этническом отношении составом населения, в котором присутствовали и горцы, привлеченные в город возможностью заработка, приобщения к городскому образу жизни и перспективами повышения собственного социального статуса. Но приписка к городскому обществу была сопряжена с довольно серьезными условиями материального плана: по Положению об управлении городом Владикавказом 1860 г.

¹⁰⁰ Цит. по: Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 112.

вступить в число городских обывателей могли только лица, в том числе и из «горских племен», намеревавшиеся заняться «промыслами и торговлею» и способные выполнить обязательства «устроить или приобрести там дома, магазины, лавки и прочие хозяйственные заведения», стоимость которых колебалась от 250 до трех тысяч рублей серебром в зависимости от сословия, к которому намеревался приписаться желающий водвориться во Владикавказе¹⁰¹. Понятно, что такого рода требования становились препятствием для активного заселения города представителями горских народов, и их число среди жителей Владикавказа оставалось незначительным, даже в конце XIX в. составляя лишь 1% от всего городского населения. Тем не менее, буквально за несколько лет численность горского населения увеличилась более чем в пять раз, составив в 1905 г. уже 4% от общего числа горожан (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения Владикавказа и Владикавказского округа Терской области¹⁰²

	Русское население чел./%	Горское население чел./%	Другие этнические группы чел./%	Всего чел./%
1896 г.				
г. Владикавказ	38099 80%	436 1%	9151 19%	47686 100%
Владикавказский округ	1574 1,7%	87882 96,2%	1909 2,1%	91365 100%
1905 г.				
г. Владикавказ	50518 82,3%	2520 4,1%	8379 13,6%	61417 100%
Владикавказский округ	3629 3,4%	101398 94,3%	2436 2,3%	107463 100%

¹⁰¹ ПСЗ-П. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35648. С. 356, 357.

¹⁰² Таблица составлена на основании статистических сведений, приведенных в изданиях: Кавказский календарь на 1898 г. Отд. III. Тифлис, 1897. С. 67; Отчет начальника Терской области... за 1905 г. С. 15.

Разрастание Владикавказа как административного центра Терской области имело важные последствия для формирования социокультурного ландшафта региона в целом. Исследователи полагают, что размеры города и плотность городского населения создают устойчивые предпосылки для формирования иного по сравнению с патриархальным сельским обществом типа социальных отношений – не «общинных», а «общественных», при этом четче проступают черты городского образа жизни: «деятельность людей становится профессионально разнообразной благодаря углублению разделения труда и росту специализации... в многочисленных отраслях не земледельческого труда; между ними увеличивается степень социальной дифференциации, поскольку социальная лестница становится длинной; роль традиций в общественной и личной жизни снижается, они утрачивают роль базиса для социальной солидарности...»¹⁰³

Социально-экономические преобразования, происходившие на Северном Кавказе во второй половине XIX в., привели к существенным подвижкам в социальной структуре его населения, в котором заметно увеличивается доля горожан.

В пореформенные десятилетия во Владикавказе окончательно сформировалась сословная структура, характеризующая городское население России. Носителем городской культуры в российских городах являлось мещанское сословие – «ядро» городского населения страны.

Мещане Владикавказа, как и в других российских городах, жили собственным трудом, либо открывая небольшие заведения и производства, работая в них семьями, либо устраиваясь в городе в качестве прислуги, приказчиков и служащих у крупных городских предпринимателей. Протекционистская политика, нацеленная на скорейшее развитие в новом городе тор-

¹⁰³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. I. 2003. С. 289.

говли и промышленности, предоставляла мещанам заметные льготы, что способствовало значительному расширению доли мещанского сословия в структуре городского населения.

Вторую по численности сословную группу составляли ремесленники, причем сословие ремесленников в городе отличалось этническим и социальным разнообразием. Среди владикавказских ремесленников были не только русские, но и поселившиеся в городе представители кавказских народов, активно включившиеся в производственную деятельность. Растущему городу требовались столяры и плотники, хлебники, сапожники, мясники, каменщики и кузнецы, шапочники, колесники и каретники, печники, лудильщики, слесари, бондари, маляры, кровельщики и стекольщики, обойщики, живописцы, горшечники, медники и многие другие специалисты, обеспечивавшие не только повседневные материальные потребности горожан, но и их стремление соответствовать моде своего времени: среди владикавказцев, занимавшихся ремеслом, назывались золотшвей и галунщик, оружейник и др.¹⁰⁴

Те, кто занимался одним и тем же ремеслом либо представляли одну этническую группу, обычно образовывали в городе свои кварталы. Так, армянский квартал населяли седельники, оружейники, шапочники, серебряники¹⁰⁵. Среди серебряных и золотых дел мастеров были и представители кавказского населения: «казикумухи, осетины и чеченцы», армяне, «выкременный татарин», евреи, выходцы из Дагестанской области¹⁰⁶.

Помимо того, что занятие кустарными промыслами и ремеслом обеспечивало постоянным доходом, оно давало права,

¹⁰⁴ Сборник сведений о Терской области. Владикавказ: Терск. обл. стат. ком., 1878. Вып. 1. С. 59-68.

¹⁰⁵ Ларина В.И. Социально-экономическое развитие города Владикавказа во 2-й половине XIX века и его влияние на окружающее горское население // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1958. Т. XXI. Вып. 1. С. 5.

¹⁰⁶ Терский календарь на 1891 год: в 2-х кн. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1890. Кн. 1. С. 174.

которыми пользовалось мещанское сословие: как и мещане, ремесленники платили подати и налоги, несли различные повинности, имели соответствующие имущественные права и т. п.¹⁰⁷ Близость социального и экономического статуса ремесленников и мещан даже позволила объединить их в одну статистически значимую категорию «мещан и цеховых» при проведении Первой Всеобщей переписи населения Российской империи. Именно эта часть населения Владикавказа в 1897 г. (год проведения Переписи) составила самую многочисленную группу горожан – 20148 чел., т. е. 40,86% в почти 50-тысячном населении города и треть всего населения Терской области¹⁰⁸.

Наиболее социально активной частью городского населения, во многом определявшей ритмы общественной жизни всей Терской области, было купечество. Уже к началу 1864 г. среди жителей Владикавказа насчитывалось более 570 купцов 1-й и 2-й гильдий¹⁰⁹, к концу XIX в. их число возросло до 757 чел., а включая Владикавказский округ – до 823 чел.¹¹⁰ В целом в населении округов и городов Терской области численность купечества к концу XIX в. составляла не более 0,2-0,3%. Во Владикавказе, где на 1 января 1900 г. проживало 49224 чел.¹¹¹, купечество составляло чуть более 1,5%, т. е. относительно малочисленную категорию.

Размывание сословных границ как характеристика сословного строя позднеимперской России обусловило неоднородность социального состава владикавказского купечества, облегчило доступ в купеческое сословие представителям других социальных категорий – как неподатных, так и по-

¹⁰⁷ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. М.: Новый хронограф, 2009. С. 484-485.

¹⁰⁸ Терский календарь на 1898 год. Владикавказ, 1897. Вып. 7. С. 10.

¹⁰⁹ Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1960. С. 145.

¹¹⁰ Статистический ежегодник // Терский календарь на 1901 год. Вып. 10. С. 10.

¹¹¹ См.: Там же. С. 2, 8.

датных, городских и сельских обывателей свободного состояния. Выкуп гильдейских свидетельств позволял перейти в купечество и достаточным мещанам, как это и происходило во Владикавказе.

* * *

Рост городского населения, расширение сфер его профессиональной занятости и углубление профессиональной специализации естественным образом вели к усложнению образовательных и культурных потребностей горожан, оказав тем самым влияние на качественные изменения в общей социокультурной ситуации в регионе в целом и во Владикавказе в частности. Еще недавно бывший крепостью, а с 1860 г. ставший городом, Владикавказ стремительно осваивал новые формы городской жизнедеятельности. Оставаясь средоточием торгово-экономической жизни в Терской области, Владикавказ одновременно являлся и ее культурной столицей, воспроизводя и развивая практически все общественно значимые институты, отличающие городское социокультурное пространство. Характерным явлением для Владикавказа было участие представителей областной, окружной и городской администрации в формировании городского социокультурного ландшафта, и именно чиновничество зачастую являлось инициатором и активным участником многих общественно-культурных новаций в регионе, нацеленных на его «европеизацию». В то же время и само городское население постепенно осваивало новые способы времяпрепровождения, свойственные городскому образу жизни.

В качестве одной из таких форм следует выделить пользование печатной продукцией – книгами, журналами, газетами и другими изданиями. Современники отмечали все более возрастающий в среде горожан спрос на периодику, что привело и к росту числа подписчиков. «В 1873 г., – отмечает В. И. Ларина, – владикавказские жители получили 75 наименований га-

зет и журналов, начиная от “Терских ведомостей” и кончая 24 наименованиями иностранных журналов и газет, всего 885 экземпляров (в среднем 1 экземпляр на 23 человека). В 1883 году город получал уже 1950 экземпляров (1 экземпляр на 19 жителей). Если число жителей города за 10 лет увеличилось на 60 процентов, то число подписчиков за это же время возросло на 122 процента»¹¹².

Все эти факты красноречиво говорят о возникшей в среде обычных горожан потребности в расширении кругозора и, соответственно, зарождении спроса на книгу. Как ответ на этот социальный запрос во Владикавказе появляется новая сфера профессиональной деятельности – книжная торговля. В городе стали открываться специализированные книжные магазины, которые, как и множество других торговых заведений, принадлежали местным купцам. Торговля книгами была особо престижным занятием, и первые книжные магазины Владикавказа размещались в знаковом центре города – на Александровском проспекте. Магазины предлагали не только художественную, но и учебную литературу, и в самом крупном из них, принадлежавшим галантерейщикам бр. Зипаловым, насчитывалось до 1000 экземпляров «исключительно учебных» изданий¹¹³.

В России печатное дело и все, что было с ним связано, составляло предмет особого внимания правительства. Именным указом от 6 апреля 1865 г. «заведование делами цензуры и печати вообще» передавалось Министерству внутренних дел, при котором была создана особая структура – Главное управление по печати¹¹⁴. Тем же числом датирован другой важный документ – «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях»¹¹⁵. Документом устанавливался порядок надзора за печатным делом и оговаривались условия открытия типографий, книжных магазинов

¹¹² Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии. С. 186.

¹¹³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 207. Л. 9об.-10об., 72об.-73.

¹¹⁴ ПСЗ-П. Т. XL. Отд. 1-е. №41988. С. 396.

¹¹⁵ ПСЗ-П. Т. XL. Отд. 1-е. №41990. С. 397-406.

и кабинетов для чтения. Открывать подобные заведения дозволялось любому желающему, как отдельным лицам, так и акционерным обществам и товариществам, но только с разрешения начальников губерний, а для уличной книжной торговли требовалось не только официальное разрешение властей, но и дозволение местного полицейского начальства. В документе говорилось, что «книжные магазины, лавки и кабинеты для чтения имеют право держать у себя и продавать или давать в чтение все незапрещенные издания, напечатанные в России на русском или иностранных языках, а из числа книг, напечатанных за границею на русском и иностранных языках, все те, кои не значатся в общем каталоге запрещенных книг»¹¹⁶. За нарушение запрета назначался штраф до 250 руб.

Столь же строгому правительственному контролю подлежали и библиотеки, ставшие по сути центрами, кумулирующими и распространяющими информацию. В 1860-х гг. в стране насчитывалось не более 50 провинциальных публичных библиотек, находившихся под наблюдением Министерства народного просвещения, которое, впрочем, плохо справлялось с надзорной функцией и к тому же не имело достаточных средств для развития библиотек и библиотечной сети. Именным указом от 12 июля 1867 г. все городские общественные и публичные библиотеки передавались из ведения Министерства народного просвещения под начало Министерства внутренних дел по Главному управлению по делам печати, что свидетельствовало о включении библиотек, форм и содержания их деятельности в сферу государственных приоритетов¹¹⁷.

В контексте образовательных реформ 1870-х гг. эти учреждения стали рассматриваться уже как одно из важнейших средств «народного просвещения». Городовое положение от 16 июня 1870 г. устройство библиотек относило к предме-

¹¹⁶ Там же. С. 403.

¹¹⁷ ПСЗ-II. Т. XLII. Отд. 1-е. №44841. С. 1154-1155.

там ведения городского общественного управления¹¹⁸, и новое Городовое положение от 11 июня 1892 г. закрепляло тот же порядок, вменяя в обязанность городских властей «попечение об устройстве общественных библиотек, музеев, театров и других подобного рода общепользовательных учреждений»¹¹⁹. Библиотеки рассматривались таким образом уже не только как хранилища книжных раритетов, но и в качестве значимых элементов культурной среды «настоящего» города, являясь одним из отличительных маркеров городского социокультурного ландшафта.

В середине XIX в. городские библиотеки оставались своего рода элитарными учреждениями, посещать которые могли только лица достаточно состоятельные, способные внести плату за пользование книгами. Можно сказать, что пользование библиотекой как особый вид досуга добавляло статусности и было своеобразным маркером принадлежности к высшему сословию. Однако со временем, на волне общественного подъема и распространения в стране, включая ее окраины, народнических идей, доступ в библиотеки смогли получить и низшие категории городского населения, а сама библиотечная сеть заметно расширилась за счет устройства публичных библиотек, библиотечных собраний при учебных заведениях, куда разрешался доступ «городским обывателям», и бесплатных читален, устраиваемых при книжных лавках и магазинах. Библиотека как социокультурный институт перестала быть отличительным признаком исключительно урбанизированной городской культуры, и стараниями земств, комитетов грамотности и благодаря общественным инициативам библиотеки стали создаваться и в сельской местности¹²⁰, расширив свой функционал за счет культурно-просветительского направления.

¹¹⁸ ПСЗ-II. Т. XLV. Отд. 1. № 48498. С. 823.

¹¹⁹ ПСЗ-III. Т. XII. № 8708. С. 434.

¹²⁰ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. С. 126.

Становление Владикавказа как города имело следствием появление библиотек, которые открывались либо частными лицами, либо при учебных заведениях. Обычным горожанам доступ в первые городские библиотеки был закрыт, поскольку сами библиотеки предназначались либо для учащихся, либо для представителей привилегированных сословий. Так, первая городская библиотека, открытая в 1862 г. с разрешения кавказского наместника Михаила Николаевича при городском собрании, предназначалась только для его членов – представителей городской элиты¹²¹. С 1875 г. эта библиотека стала называться библиотекой Владикавказского дворянского собрания. Плата за пользование библиотекой составляла 15 руб. в год – довольно приличная для простого городского обывателя сумма¹²². Закрытой была и библиотека при коммерческом клубе, фонды которой насчитывали около 800 томов, также обслуживавшая только членов клуба.

В конце 60-х гг. при Ольгинском училище была создана учебная библиотека¹²³, появление которой стало возможно благодаря циркуляру МНП от 12 сентября 1867 г., позволявшему открывать библиотеки в некоторых из училищ Терской области для пользования учащимися¹²⁴.

¹²¹ История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Орджоникидзе, 1987. Т. I. С. 345.

¹²² Цориева А. Т. Коста Хетагуров и открытие В. Г. Шредерс Общественной библиотеки (к 150-летию Коста Левановича Хетагурова) // Вестник Владикавказского научного центра. 2009. Т. 9. № 1. С. 33.

¹²³ История Северо-Осетинской АССР. Т. I. С. 345.

¹²⁴ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Пятое пятилетие. Ч. 2. 1887-1891. Тифлис, 1892. С. 639.

Владикавказ. Общественное собрание

В 1876 г. в Моздоке с разрешения Кавказского цензурного комитета и начальника Терской области открылась библиотека литературы на восточных языках, в том числе учебники и произведения духовного и светского содержания¹²⁵. А в феврале 1878 г. свою библиотеку открыло моздокское дворянское собрание¹²⁶.

Очень скоро потребности жителей Владикавказа в разнообразной печатной продукции серьезно возросли. Представители городской интеллигенции на собственные средства стали открывать библиотеки или кабинеты для чтения для открытого пользования¹²⁷. В 1872 г. Д. Я. Лавров, историк и этнограф, получил разрешение на открытие библиотеки, в собрание которой входили официальные газеты и журналы, русская и зарубежная классическая литература¹²⁸. Фонд, собранный Д. Лавровым, составил основу библиотеки, открытой в 1874 г. владикавказским нотариусом, мещанином Н. Д. Прохоровым.

¹²⁵ Там же. Д. 188. Л. 15.

¹²⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 207. Л. 5; Д. 188. Л. 15.

¹²⁷ Канукова З. В. Старый Владикавказ. С. 156; Терские ведомости. 1899. № 30.

¹²⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 310. Л. 3-4.

При этой библиотеке действовал и кабинет для чтения¹²⁹. В 1874 г. открылась библиотека при Терском областном правлении, для которой из жалованья чиновников отчислялись специальные средства. В эти же годы число книгохранилищ в городе увеличилось за счет открытия своих библиотек во Владикавказском реальном училище, в бесплатных Константиновском и Николаевском (с возможностью обслуживать не только учеников, но и посторонних посетителей¹³⁰), а также частными лицами.

Но все эти учреждения лишь отчасти удовлетворяли читательские интересы горожан. Поэтому действительно важным событием городской жизни стало появление первой в городе частной публичной библиотеки, открытой с разрешения начальника Терской области 29 июля 1878 г. Основу библиотечного фонда составляло книжное собрание Н. Д. Прохорова¹³¹. Высокая стоимость библиотечного абонеента и плата за пользование библиотекой ограничивали круг ее потенциальных читателей. Некоторым образом решило проблему открытие в 1887 г. читальни при библиотеке, куда могли приходиться люди из непривилегированных сословий. В начале 1890-х гг. открылась читальня в другом книжном магазине, принадлежавшем Е. С. Ильиной. Плата за пользование читальней составляла от 4 до 12 руб. в год, а за посещение взималось 5 коп.¹³²

В 1890-е гг. в стране стремительными темпами росло число бесплатных читален, и уже к концу столетия их количество достигло почти 3-х тысяч¹³³. Среди них выделялось два разряда или категории бесплатных народных читален и библиотек: 1-е

¹²⁹ Там же. Л. 1-1об.

¹³⁰ См., например: Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Пятое пятилетие. Ч. 1. 1887-1889. Тифлис, 1890. С. 265-267.

¹³¹ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 207. Л. 9.

¹³² История Владикавказа. С. 111.

¹³³ Георгиевский А. И. К истории Ученого Комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1902. С. 184.

открывались для низших и всех вообще бедных слоев населения, 2-е – для малограмотных, преимущественно сельских простолюдинов, причем для каждого разряда народных читателей составлялись отдельные каталоги.

Тенденция на открытие публичных библиотек, инициированная российской общественностью во всех уголках страны, была, наконец, поддержана и в правительстве. Распоряжением Министерства народного просвещения от 12 апреля 1896 г. при некоторых училищах Терской области разрешалось открывать публичные библиотеки: в женских двухклассных – во Владикавказе, Моздоке, Пятигорске, Георгиевске и Грозном, при двухклассном училище – в Кисловодске и при нескольких одноклассных училищах – в других поселениях и станицах региона (в том числе при Архонском училище)¹³⁴. В 1898 г. из Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета в Училищный совет при Св. Синоде поступил запрос на финансирование церковно-приходских школ, открытых в горских селениях Осетии, и на устройство в них библиотек¹³⁵.

К концу XIX в. во Владикавказе существовало девять библиотек, открытых либо на частные средства, либо при городских учебных заведениях. Часть из них была доступна массовому читателю, но в целом библиотеки могли посещать лишь люди относительно высокого достатка из-за довольно высокой платы за пользование книгами – как по абонементу, так и за разовое посещение. Поэтому необходимость устройства общественных библиотек, обслуживающих широкий круг горожан, включая и выходцев из непривилегированных сословий, хорошо понималась прогрессивно настроенной частью владикавказской интеллигенции.

Несмотря на достаточно жесткие условия, в которые были

¹³⁴ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Шестое пятилетие. Ч. 2. 1895-1896. Тифлис, 1897. С. 639.

¹³⁵ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

поставлены библиотеки, действовавшее законодательство оставляло место для проявления инициативы при открытии новых учреждений подобного рода. Особую страницу в летописи Владикавказа занимает история создания в городе в 1895 г. общественной библиотеки, инициатива открытия которой принадлежала заведующей 1-м Владикавказским двухклассным женским училищем В.Г. Шрёдерс и ее единомышленникам из владикавказской интеллигенции¹³⁶.

* * *

Библиотеки и читальни как институциональные формы организации досуга находились в одном ряду с обществами культурно-просветительской направленности. Их распространение во Владикавказе и институционализация в качестве маркеров городского общекультурного и образовательного пространства свидетельствовали об обретении северокавказским городом системных характеристик российской городской культуры. Будучи по сути центрами, кумулирующими и распространяющими информацию, библиотеки находились в сфере приоритетных интересов государства, выполняя, наряду с собственно просветительской, функцию трансляции государственной идеологии. Формирование и цензурирование библиотечных каталогов, ранжирование самих библиотек в зависимости от того, для какого контингента пользователей они предназначались, порядок контроля и отчетности и, наконец, правовое регулирование процессов функционирования библиотек и схожих с ними по функциям организаций обозначали формы участия государства в деятельности библиотеки как значимого социального института, дополняющего и расширяющего возможности системы народного просвещения.

¹³⁶ См. подробнее: Ладонина Н. А. Организация культурно-просветительской деятельности во Владикавказе во второй половине XIX века // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 32 (71). С. 43-44.

Музей в социокультурной инфраструктуре города

Возросшая социальная активность различных слоев российского общества имела следствием повсеместное возникновение новых институциональных форм просветительской деятельности, модифицирующих социокультурное пространство страны и ее регионов. В один ряд с библиотеками, читальнями, народными чтениями по своей социальной значимости были поставлены и музеи, которые уже к середине XIX в. стали привычным элементом жизни русского общества. Признание коллекций музеев национальным достоянием следует считать одним из важнейших общекультурных достижений, сокращавших разрыв между уровнем духовной культуры и овладением культурными ценностями¹³⁷. На фоне общей демократизации просвещения, развития науки, роста городов и развития городской жизни музеи из сферы элитарной культуры перешли в сферу просветительскую, приобретая новые социальные функции, отвечающие вызовам времени. Но если первоначальное предназначение музеев ограничивалось повышением образовательного уровня населения страны, то к концу XIX – началу XX в. обществом осознается особый воспитательный потенциал музеев, что кардинально меняет роль музейных коллекций в деле воспитания подрастающего поколения, в формировании нового отношения к подлинным памятникам истории и культуры¹³⁸.

Под лозунгами просветительства в 60-е гг. XIX в. в стране сформировался социальный заказ на распространение знаний, что естественным образом привело к появлению в России музеев особого рода – педагогических, ориентированных на педагогическую деятельность и не имевших аналогов в культур-

¹³⁷ Сундиева А. А. Музеи // Очерки русской культуры XIX в. Т. 3. Культурный потенциал общества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 587.

¹³⁸ Шляхтина Л. М. Генезис музейно-педагогической мысли (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4-3. С. 276.

ной жизни других стран, что дает исследователям основание говорить о России как родине педагогических музеев¹³⁹. Подобного рода музеи были по сути профессиональными, предназначенными прежде всего для оказания методической помощи учителям, что определяло состав их коллекций. Первым таким музеем стал основанный в Петербурге в 1864 г. Педагогический музей военно-учебных заведений, основу коллекций которого составляли наглядные пособия и педагогическая литература. В музее устраивались народные чтения и публичные лекции, организовывались краткосрочные учительские курсы. Его деятельность была настолько успешна, что подобные педагогические музеи стали возникать при городских учебных заведениях, подведомственных Министерству народного просвещения. Эти музейные учреждения должны были способствовать «лучшей постановке учебного дела в народных школах и расширению приобретаемых народными учителями в учительских семинариях познаний путем представления им возможности постоянного ознакомления с новыми и лучшими сочинениями по всем отраслям педагогической науки»¹⁴⁰. Для этого министру народного просвещения в 1899 г. было предоставлено право собственной властью учреждать педагогические музеи при дирекциях народных училищ¹⁴¹.

Столичный опыт организации педагогических музеев переняла и российская провинция, и именно педагогическими стали первые музеи, появившиеся во Владикавказе. В сентябре 1888 г. при Николаевском городском трехклассном училище в помещении его библиотеки был открыт музей Терской дирекции народных училищ, деятельность которого, состав его коллекций, порядок учета экспонатов и пользования ими, обязанности заведующего и пр. подробно регламентировали «Правила о заведовании и порядке пользования книгами

¹³⁹ Сундиева А. А. Указ. соч. С. 592.

¹⁴⁰ Кавказский календарь на 1912 год. Тифлис, 1911. С. 852.

¹⁴¹ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902/Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1902. С. 724.

и учебными пособиями, находящимися в музее Терской дирекции народных училищ»¹⁴². Музей служил познавательным и учебно-методическим целям, а его посетители могли пользоваться книгами из каталога музея как в самом помещении, так и на дому, и высказывать свои соображения по поводу применимости того или иного пособия и руководства.

Позже и при одноклассном Константиновском училище во Владикавказе возникли свой педагогический музей и библиотека. Музейный фонд училища к 1911 г. насчитывал 500 предметов, а собрание училищной библиотеки составило 2687 книг¹⁴³.

Несколько ранее, в 1881 г., Дирекцией народных училищ был учрежден Педагогический музей в Ставрополе, другой педагогический музей в городе был устроен в здании ставропольского городского четырехклассного училища¹⁴⁴.

Однако помимо профессиональных в пореформенные десятилетия активно развивался и другой тип музеев, преследующих не методические, а широко понимаемые образовательные цели. Подобные учреждения предназначались для широкой публики и уже в 60-70-е гг. XIX в. заявили о себе как о весьма существенном факторе общественного развития. Эти музеи рассматривались главным образом как учреждения образовательно-воспитательной направленности, актуализирующие историческую память и расширяющие представления человека о себе и окружающем мире. Масштабная просветительская работа велась во всех ведущих музейных учреждениях страны: Императорском Российском историческом, Румянцевском, Политехническом – в Москве, Сельскохозяйственном

¹⁴² Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Пятое пятилетие. Ч. 1. 1887-1889. Тифлис, 1890. С. 265-267.

¹⁴³ Кавказский календарь на 1912 год. С. 853.

¹⁴⁴ Сафарова И. В. Возникновение и развитие музейного дела в Ставропольской губернии и Терской области в XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2010. С. 126.

– в Санкт-Петербурге и др. По Положению об Императорском Российском Историческом музее от 11 апреля 1888 г. главная цель этого крупнейшего собрания древностей заключалась в том, чтобы «собирать и хранить (в подлинниках, моделях, слепках, снимках, рисунках, фотографиях и пр.) разнородные памятники древности и старины, которые, в своей совокупности, представляли бы наглядную и по возможности, во всех частностях, полную картину прошлой жизни как русского народа, так и народов, когда-либо обитавших в пределах Российской Империи»¹⁴⁵.

В пореформенные годы начинается новый этап изучения истории Северного Кавказа. Естественные богатства региона по-прежнему привлекают внимание научного сообщества, но сфера научных интересов существенно расширяется за счет включения в нее материальной и духовной культуры местных народов, их быта, языков и истории. Соответственно, увеличиваются масштабы археологических изысканий, результаты которых свидетельствуют об историческом прошлом и этногенезе народов северокавказской окраины, и свидетельства ушедших эпох осознаются как уникальное национальное достояние, связывающее прошлое с настоящим и будущим и требующее особого отношения. Именно об этом говорилось в циркуляре, в феврале 1874 г. направленном канцелярией кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича в областные управления: «...строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности под ответственностью, за нарушение сего, начальников губерний и местных полиций; а нашедший древние монеты, оружие и другие достопримечательные вещи обязан представить местному начальству, за что получает приличную награду». Областное начальство обязывали принять меры «к безотлагательному и повсеместному распространению между населением... правил о древностях и находках с возло-

¹⁴⁵ ПСЗ-III. Т. VIII. № 5134. С. 164.

жением как на уездных полицейских, так и на сельские власти наблюдения за их исполнением»¹⁴⁶.

Необходимость адаптации к быстро меняющимся условиям быта и хозяйствования и формирующаяся потребность в самоидентификации в пестром этнокультурном пространстве Российской империи обусловили появление в северокавказской провинции музеев естественно-исторических и краеведческих, ориентированных прежде всего на сохранение историко-культурного наследия и популяризацию научных знаний в условиях перехода к новым формам жизнеустройства. Их организаторами и учредителями как правило выступали местные органы статистики – едва ли не единственные учреждения, ведущие интенсивную работу по природно-географическому и историко-этнографическому изучению своего административного региона и накопившие в ходе этой деятельности значительные массивы информации по самым разнообразным областям его хозяйственно-экономической жизни.

Одним из таких музеев стал Терский областной музей во Владикавказе, появившийся благодаря инициативе Терского областного статистического комитета. История его создания во многом показательна для характеристики общественной ситуации, сложившейся в Терской области к концу XIX в., где ведущей социальной силой выступали высшее чиновничество и местная буржуазия.

В марте 1993 г. на заседании общего собрания Терского областного статистического комитета обсуждалось предложение его секретаря Г.А. Вертепова о создании музея, предназначенного для сохранения памятников быта народов Терской области. Председатель комитета, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска С.В. Каханов идею поддержал, и в журнальном постановлении появляется запись следующего содержания: «...г. Председатель... напомнил, что Терская область в настоящее время

¹⁴⁶ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 12. Д. 363. Л. 14.

переживает момент, который, по всем признакам, будет рубежом между прошлым и будущим. Проведение новых железнодорожных путей, усилившаяся в последнее время колонизация области более культурным элементом, наконец, разные административные меры, предпринятые с целью направить народную жизнь горцев на более мирный путь и т. п., неизбежно отразятся на современном быте туземцев и повлекут за собою изменение его. Насколько глубоко коснутся все эти явления уклада народной жизни, в настоящее время определить невозможно; но с другой стороны невозможно также предположение, что все останется по-старому и что значительного переворота не произойдет. В виду этого было бы полезно сохранить памятники современной жизни туземцев и уцелевшие реальные остатки их исторического прошлого: одежду, домашнюю утварь, оружие, украшения, предметы их ремесленного производства и т. п. Для этого необходимо образовать музей»¹⁴⁷.

В комиссию по устройству Терского областного музея вошли члены статкомитета М. О. Омаров, Н. С. Семенов, К. И. Ольшевский, Н. Ф. Грабовский, В. И. Долбежев и секретарь комитета Г. А. Вертепов¹⁴⁸, возглавил ее младший помощник начальника области полковник С. И. Писарев¹⁴⁹. С этого времени и началась собственно музейная работа по собиранию, отбору и сохранению памятников естественной истории, культуры и быта народов региона, популяризации знаний об историческом прошлом Терской области, этнографии и культуре населявших ее народов.

Несмотря на то, что в организации музея самое деятельное участие приняла высшая областная администрация, его существование полностью зависело от благотворительных пожерт-

¹⁴⁷ Журнал общего собрания Терского областного статистического комитета: заседание 13 марта 1893 года. Владикавказ, 1893. С. 2-3.

¹⁴⁸ Там же. С. 4.

¹⁴⁹ Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1893 год. Владикавказ, 1894. С. 2.

вований и специально устраиваемых акций. И если поначалу идея создания музея была встречена с энтузиазмом и в первый год на его нужды поступило более одной тысячи рублей по специально открытой подписке, то спустя некоторое время размер пожертвований резко снизился, не дотягивая и до ста рублей, и то полученных «искусственным путем» – в основном от продажи изданных комитетом статистических таблиц и от Владикавказского музыкально-драматического кружка, давшего представление в пользу музея¹⁵⁰. Одним из способов пополнения средств музея были публичные лекции секретаря Терского статкомитета Г. А. Вертепова, в которых освещались новейшие исследования по археологии и этнографии Терской области¹⁵¹.

В комитете полагали, что «равнодушие» к музею жителей области и недоверие, которое существовало в общественном мнении по поводу того, что музей может состояться, исчезнут, когда все увидят, что «областной музей не пустая затея, а дело, получающее осуществление». Тогда могут найтись люди, желающие помочь музею как финансами, так и личным содействием. И даже если эта идея не принесет материальных результатов, будет достигнута другая, не менее важная цель – духовная¹⁵². Соответственно, возник вопрос об устройстве экспозиции, доступной для обозрения. Несколько лет музейные коллекции размещались в доме начальника Терской области и в войсковой оружейной мастерской¹⁵³. Постоянная экспозиция музея, устроенная в специально арендован-

¹⁵⁰ Журнал годовичного собрания Терского областного статистического комитета: заседание 10 февраля 1896 года. Владикавказ, 1896. С. 1-2.

¹⁵¹ Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому календарю» 1904 г. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 10.

¹⁵² Журнал годовичного собрания Терского областного статистического комитета: заседание 10 февраля 1896 года. С. 2.

¹⁵³ Журнал общего собрания Терского областного статистического комитета: заседание 13 марта 1893 года. С. 3.

ном статкомитетом помещении, открылась для посетителей 8 апреля 1897 г.¹⁵⁴

Григорий Абрамович Вертепов

Это событие не осталось незамеченным местной и столичной печатью. В «Терском календаре» музей упоминается среди наиболее примечательных общественных учреждений, зданий и построек Владикавказа: «Музей естественно-исторический, при областном статистическом комитете, основан в 1893 г. на пожертвования, собранные по подписке»¹⁵⁵. Под именованием «Владикавказский областной музей при статистическом комитете», хранящий местные древности, он включается в перечень российских городских и областных музеев, упоминаемых в 20-м томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, опубликованном в том же 1897 году¹⁵⁶.

Недостаточность финансов для организации музея побудила комитет обратиться к Терскому казачьему войску, го-

¹⁵⁴ Терские ведомости. 1897. № 148.

¹⁵⁵ Терский календарь на 1898 год. С. LVII.

¹⁵⁶ Энциклопедический словарь/Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Тип. Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1897. Т. XX (39): Московский университет – Наказания исправительные. С. 118.

родским учреждениям Терской области и местным горнопромышленникам с просьбой о материальной поддержке музея как «общепользовательного предприятия», судьба которого «всцело зависит от посторонней помощи»¹⁵⁷. И уже в 1897 г. городские общества Владикавказа и Пятигорска выделили для устройства музея по 100 руб., а от предпринимателей и частных лиц было получено 2800 руб. Терское казачье войско со своей стороны предложило составить план здания для областного музея и смету предстоящих расходов на его строительство¹⁵⁸.

Несмотря на неудачи со сбором денег, работа по формированию коллекций областного музея не прекращалась. По всей Терской области собирались экспонаты по истории, археологии, этнографии, географии региона, а начальник области С. В. Каханов, будучи по должности председателем Терского статистического комитета, предписал атаманам казачьих отделов и администрации округов «принять меры к охране исторических памятников от расхищения их туристами и доставлять в Комитет наиболее интересные экземпляры отбираемого у туземцев оружия»¹⁵⁹.

Предложенные комитетом меры стали по сути первой программой по охране памятников истории и культуры на территории Терской области. Эти меры предполагали запрет на самовольные археологические раскопки древних могильников и сооружений, которые могли производиться только по письменному разрешению самого начальника области; сбор информации о древних сооружениях – храмах, капищах, часовнях, башнях и пр. – и составление описей найденных в них предметов; каталогизацию памятников; принятие мер по охране существующих древностей и организацию надзора за ними¹⁶⁰.

¹⁵⁷ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 58. Д. 2002. Л. 1.

¹⁵⁸ Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1898 год. Владикавказ, 1899. С. 3.

¹⁵⁹ Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета. С. 3.

¹⁶⁰ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 12. Д. 363. Л. 6.

Терский областной музей в каком-то смысле был типичным местным музеем, возникшим на волне музейного бума в России – в 1870-1890-е годы в стране появилось около 80 местных музеев, распространившихся по всем регионам страны, а уже в начале XX в. в российской провинции действовало около 200 музеев местного края, большинство из которых появилось в пореформенное время¹⁶¹. Местные музеи представляли собой особый тип музейных учреждений комплексного характера с несколькими тематическими отделами, отражавшими состояние природы, историю и экономику своего края¹⁶². Все эти тематические направления были представлены в собрании коллекций Терского областного музея: «1) коллекция старинного азиатского оружия, 2) три витрины с коллекциями археологических раскопок, 3) коллекция окаменелостей, 4) коллекция костей мамонта и других допотопных животных, 5) коллекция кавказских руд, содержащих золото, серебро, цинк, свинец, медь, ртуть и серу, 6) большая коллекция альпийских растений, 7) коллекция насекомых, 8) коллекция русских монет, 9) коллекция нерусских монет, 10) четыре коллекции фотографий, 11) четыре витрины с моделями кабардинских и осетинских построек со всею домашнею обстановкою и 12) модели орудий, туземных машин, кустарные изделия и др. разрозненные предметы»¹⁶³. Более того, члены комитета всерьез были озабочены судьбой древних памятников истории и культуры населения области, среди которых особую известность имело осетинское святилище Реком, безжалостно разграбляемое туристами, уносившими оттуда ценные для истории края предметы. В заседании областного статистического комитета 10 февраля 1896 г. даже прозвучала мысль о переносе святилища в музей для того,

¹⁶¹ Сундиева А. А. Указ. соч. С. 598.

¹⁶² Там же. С. 606.

¹⁶³ Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета. С. 10-11.

чтобы сохранить его остатки¹⁶⁴, что очевидно свидетельствует о начавшемся в Осетии процессе мемориализации объектов исторической и культурной памяти.

За несколько лет работы комиссии по сбору материалов для областного музея его коллекции значительно увеличились и пополнились уникальными экспонатами, представляющими большой научный интерес и не менее важную ценность. Наибольшего внимания среди них заслуживали бронзовые предметы из ставшего знаменитым могильника близ осетинского селения Кобан – памятника мирового значения, представляющего яркую и самобытную археологическую культуру Кавказа, открытого еще в 1869 г. и датируемого XII-XIII-IV вв. до н.э. О местном происхождении кобанской бронзы, в противоположность сложившемуся на тот момент мнению, впервые заявила председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова. Одним из оснований для ее выводов послужила каменная форма для отливки бронзовых топоришков, единственный экземпляр которой хранился в коллекциях статистического комитета. Уникальной была признана и коллекция насекомых и растений Терской области, которая была удостоена высшей награды на Прохладненской сельскохозяйственной выставке в 1900 г.¹⁶⁵

Уже в эти годы Терский областной музей, как и городская общественная библиотека В. Г. Шрёдерс, стал одной из достопримечательностей Владикавказа. Но большая проблема заключалась в отсутствии у музея собственного здания, где можно было бы устроить достойную экспозицию и расширить возможности посещения музея всеми интересующимися жизнью края. Чтобы сэкономить денежные средства музея, пришлось отказаться от найма специального помещения, а средства, выплачиваемые за аренду, предполагалось направить на стро-

¹⁶⁴ Журнал годовичного собрания Терского областного статистического комитета: заседание 10 февраля 1896 года. С. 2.

¹⁶⁵ Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1900 год. Владикавказ, 1901. С. 3.

ительство здания музея. Сами коллекции были перенесены в дом нового председателя комитета, начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска С. Е. Толстова. В двух шкафах в парадном кабинете размещались наиболее ценные мелкие предметы, а крупные экземпляры были упакованы в ящики и сложены в сухом сарае. Тогда же Толстов как наказной атаман ходатайствовал перед Терским казачьим войском о перечислении 15000 руб. из войсковых сумм на постройку музейного здания¹⁶⁶, проект которого подготовил инженер В. Г. Грозмани¹⁶⁷.

Сергей Евлампиевич Толстов

Однако решение вопроса об ассигновании войсковых денег затянулось, и судьба областного музея оставалась по-прежнему неопределенной. Тогда в комитете было принято решение начать строительство на собственные средства. Имеющейся суммы (5244 руб. 53 коп.) хватало только на то, чтобы отстроить вчерне главную часть здания¹⁶⁸. Весной 1902 г. комитет

¹⁶⁶ Там же. С. 2-3.

¹⁶⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 58. Д. 2002. Л. 3об.-4.

¹⁶⁸ Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета. С. 12.

избрал строительную комиссию во главе с помощником председателя, уже генерал-майором, С. И. Писаревым, приступившую к подготовительным работам.

Новый проект музейного здания подготовил младший инженер строительного отделения Терского областного правления титулярный советник И. В. Рябкин. Уже к началу осени 1902 г. были возведены и перекрыты бетонной крышей стены главного здания музея. А в сентябре следующего, 1903 г., года были, наконец, получены запрашиваемые у Терского казачьего войска 15000 руб.¹⁶⁹, что позволило завершить строительство.

21 января 1907 г. здание было передано Терскому областному музею¹⁷⁰. Хранителем музея был назначен секретарь Терского областного статистического комитета Г. А. Вертепов. К этому времени фонды музея насчитывали 4000 предметов, а его библиотека имела свыше 1000 книг, размещенных по трем главным отделам: I – общий по России, II – общий по Кавказу и III – по Северному Кавказу. Теперь музей был открыт для посещений ежедневно с 11 до 2 часов дня. Его этнографическая коллекция знакомила с бытом местных народов: осетин, кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, казаков и др. Материальную культуру древних обитателей Северного Кавказа представляла богатая археологическая коллекция. Музей стал местом проведения групповых экскурсий учеников владикавказских учебных заведений, горожане имели возможность пользоваться и музейной библиотекой.

Основные положения, касающиеся деятельности музея, были зафиксированы в проекте Устава Терского областного музея, разработанного в 1916 г.

¹⁶⁹ Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1903 год. Владикавказ, 1904. С. 3.

¹⁷⁰ Терские ведомости. 1907. № 5.

Владикавказ. Терский областной музей

Устав определял цели и задачи музея прежде всего как просветительские и охранные: «Терский областной музей имеет целью содействовать распространению в населении познаний по истории, этнографии, естествознанию и промышленности, а равно собирать и хранить памятники старины и искусства края». В уставе прописывались структура музея, в которой было представлено семь отделов и библиотека, права и обязанности его хранителя и других должностных лиц, определялась принадлежность музея Терскому казачьему войску, на средства которого музей должен был существо-

вать, и порядок принятия пожертвований (как деньгами, так и вещами) для расширения музейной деятельности. Общее заведование музеем возлагалось на Терское областное правление. Коллекции музея объявлялись его собственностью либо собственностью частных лиц, обществ или учреждений, передавших их музею на особых условиях, утверждаемых Терским областным правлением и наказным атаманом. Ежегодные отчеты о деятельности музея и его новых приобретениях должны были направляться военному министру, войсковому атаману Кавказских казачьих войск, а также в Императорскую археологическую комиссию и другие высшие научные учреждения Российской империи¹⁷¹.

Расположившись в собственном здании, музей с каждым годом становился все более популярным: в 1907 г. его посетило 153 человека, в 1910 г. – 544, в 1911 г. – 2068, в 1912 г. – уже 4082. К началу Первой мировой войны посещаемость музея понизилась – в 1914 г. в нем побывало только 804 посетителя¹⁷². Группы учащихся владикавказских учебных заведений с преподавателями или классными наставниками могли приходить в музей ежедневно, как и пользоваться его библиотекой, субботние и воскресные дни предназначались для общих посещений, а приезжающие могли посетить музей и в другие дни недели, но с особого разрешения хранителя музея¹⁷³. Как общедоступное учреждение, Терский областной музей играл особую роль в просвещении малограмотных слоев населения – наглядный материал упрощал восприятие новой информации, активно воздействуя на эмоциональную сферу личности. Поэтому музеи рассматривались обязательной «формой содействия внешкольному образованию»¹⁷⁴, дополняя в качестве просветительских учреждений такие институты, как народные чтения, публичные лекции и т. п.

¹⁷¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 58. Д. 2550. Л. 49-50.

¹⁷² Там же. Л. 51.

¹⁷³ Сафарова И. В. Указ. соч. С. 147.

¹⁷⁴ Шляхтина Л. М. Указ. соч. С. 276.

Терский областной музей наряду с Музеем Северного Кавказа в Ставрополе стал одним из крупнейших музеев региона, существенно расширив и обогатив его культурное пространство и способствуя приращению его культурного потенциала. Благодаря подвижничеству и активной гражданской позиции представителей официальных властей, городской общественности, отдельных лиц Терский областной музей к началу XX в. стал знаковым институтом социальной памяти, адаптированным к национальным условиям, действительным очагом просвещения на Северном Кавказе, предоставившим широким слоям населения возможность овладения ценностями культуры и во многом способствовавшим кристаллизации национального самосознания.

ГЛАВА 2.
НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА
В «РАСПРОСТРАНЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ»

Пореформенные трансформации «школы для народа»

Пореформенные десятилетия в истории Российского государства отмечены не только бурным развитием капиталистических форм хозяйства, крупными социальными подвижками, расширением пространства общественного сознания, но и заметным оживлением сферы народного просвещения. Стимулами к ее развитию стали как либерально ориентированные настроения широкой общественности и высшего руководства страны, так и сугубо практическая надобность в специалистах, подготовленных для эффективной работы в изменившихся экономических условиях. Эта потребность ощущалась и в центральных губерниях, и на быстро развивающейся периферии империи, где в той или иной мере успешно апробировались новые подходы к организации системы народного просвещения, адаптируемой к вызовам времени.

Говорить о формировании государственной образовательной политики, понимаемой как комплекс взаимосвязанных мер, преследующих цель унификации образовательного пространства в Российской империи, можно лишь начиная с 40-х гг. XIX в. Нарастающий со временем процесс нивелирования образовательных практик в регионах империи вел не только и не столько к повышению качества образования, сколько к созданию условий для централизованного контроля над образовательной деятельностью со стороны государственных ведомств. И если в крупных российских городах заметное развитие, особенно после проведения в первой половине 70-х гг. XIX в. цикла министерских реформ, получила средняя образовательная ступень, представленная главным образом гимна-

зиями и городскими училищами, подведомственными Министерству народного просвещения (МНП), то на окраинах империи основное внимание было сосредоточено на начальной школе – «школе для народа», предназначенной для беднейших слоев сельского и городского населения, фактически не имевших доступа к учебным заведениям среднего уровня в силу сословного характера образования.

В российских условиях полиэтничности и поликонфессиональности школа, особенно начальная, помимо собственно общеобразовательных функций выполняла еще и важную идеологическую миссию, играя особую роль в национальной и конфессиональной политике государства, будучи, с одной стороны, инструментом «приобщения» населения инокультурных окраин к российской «культуре и гражданственности» и формирования единой «общерусской народности», и с другой – неким медиаторским звеном, обеспечивающим более или менее устойчивую связь между обществом (в его этно-региональной составляющей) и государством. При этом специфика начального уровня российской образовательной модели состояла в том, что его устройством и организацией вплотную занималось не профильное Министерство народного просвещения (всегда испытывавшее недостаток финансовых средств), а духовное ведомство – Св. Синод, настаивавший на своем приоритете в деле народного образования. В отличие от светской начальной школы церковные учебные заведения были ориентированы на миссионерские цели, чрезвычайно актуализированные на «инородческих» окраинах Российской империи, население которых следовало как можно скорее подготовить к «слиянию в один русский народ»¹⁷⁵.

И на северокавказской периферии ведущей институциональной формой начального образования, доступной широким слоям населения, оказалась церковная школа, ставшая первой

¹⁷⁵ Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 24-25.

и (как правило) последней ступенью образования для горского крестьянства. Ввиду своей исключительной роли в формировании социокультурного ландшафта в регионе церковная школа заслуживает отдельного внимания. Пока же можно констатировать отсутствие целостного представления о динамике ее развития в крае как самостоятельного института даже при наличии довольно обширной историографии проблемы становления образовательного пространства на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XXI в.¹⁷⁶

* * *

Окончание Кавказской войны, совпавшее по времени с началом проведения цикла буржуазных реформ в Российской империи, поставило перед правительством новые задачи в освоении Северного Кавказа, потребовав решения целого ряда проблем, связанных не только с политико-правовым, но и с социокультурным развитием края. Капитализация экономики, ведущая к разрушению патриархальных устоев, создание и функционирование государственной системы управления, низшие звенья которой появились на уровне села, возникновение и расширение новой поселенческой структуры с ее наиболее значимыми единицами – северокавказскими городами

¹⁷⁶ См., например: Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. №3. С. 30-77; Гагагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993. 143 с.; Кобахидзе Е.И., Ладонина Н.А. Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2017. 321 с.; Ткаченко Д.С. Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX – начала XX вв. Ставрополь: Альфа Принт, 2009. 279 с.; Туаева Б.В. Особенности формирования северокавказского поликультурного общества в пореформенной России: народно-образовательный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4-5 (60). С. 207-213.

и в особенности Владикавказом, – все это формировало совершенно новые культурные смыслы и жизненные ориентиры для местного населения, подавляющее большинство в котором составляли горские народы.

Относительно безболезненную адаптацию горцев Северного Кавказа к изменившимся социальным условиям могло обеспечить образование. В то же время, и само государство поддерживало необходимость народного образования, которое в российских исторических реалиях предназначалось не столько для «просвещения народа», сколько для трансляции идеологии государственности и идеи государственного единства.

На Центральном Кавказе ведущей формой образования для основной массы местного населения изначально оказалась приходская школа. В пореформенные десятилетия единственным по сути инициатором распространения грамотности в округах Терской области стало Общество восстановления православного христианства на Кавказе (1860). Несмотря на миссионерский характер Общества, в числе его первостепенных обязанностей, закрепленных Уставом, значилось «учреждение в аулах и других местах, для распространения Православно-Христианского образования, школ для детей горских семейств»¹⁷⁷. Со времени своего основания Общество восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХ) находилось под административным началом кавказского наместника, однако его практическая деятельность курировалась Советом Общества под вице-председательством экзарха Грузии.

«Правилами о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе», утвержденных кавказским наместником 16 мая 1863 г.¹⁷⁸, приходская школа определялась в качестве основной формы

¹⁷⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35897. С. 731.

¹⁷⁸ Материалы по истории осетинского народа: Сборник материалов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1942. Т. V. С. 116-123.

организации начального образования для детей горского крестьянства, и цель ее заключалась в воспитании горцев «в духе православной христианской веры и распространении необходимых по образу жизни горцев, нуждам и занятиям их сведений»¹⁷⁹. Предполагалось, что начальные школы должны создаваться во всех горских приходах и, в зависимости от количества учеников, быть при этом одноклассными с двухлетним курсом обучения и двухклассными – с четырехлетним.

Учебный курс поначалу строился на основе родного («природного») языка, т. к. в Совете ОВПХ полагали, что «распространение и развитие между горцами национальной грамотности» может быть единственно верным способом «к усвоению элементарных познаний и вообще к образованию из горца человека и гражданина»¹⁸⁰. Что касается русского языка, то он преподавался лишь тем, кто уже достаточно освоил грамоту родного языка¹⁸¹. Помимо языка, в программу приходских школ включались Закон божий, начальная арифметика, церковное пение, природоведение, а также «чтение русских книг гражданской и церковной печати». Программа двухклассных школ дополнялась изучением краткого курса катехизиса и священной истории («на природном языке»), русской грамматикой, географией и чтением книг «нравственно-исторического содержания»¹⁸².

Находясь под непосредственным управлением кавказского наместника, ОВПХ обязано было согласовывать свою педагогическую деятельность, в том числе при формировании учебных программ для приходских школ, с окружной администрацией, а через нее – с Кавказским горским управлением¹⁸³. С 1867 г. школы ведомства ОВПХ в учебно-воспитательном отношении находились под надзором инспектора Алексан-

¹⁷⁹ Там же. С. 116.

¹⁸⁰ Там же. С. 123.

¹⁸¹ Там же. С. 115, 118, 124.

¹⁸² Там же. С. 118.

¹⁸³ Там же. С. 128.

дровской учительской школы в Тифлисе, а с 1869 г., когда все учебные заведения, находившиеся в распоряжении Кавказского горского управления, отошли к Кавказскому учебному округу¹⁸⁴, стали контролироваться МНП.

Преподавать в приходскую школу назначались преимущественно священнослужители местного причта – выпускники Владикавказского духовного училища, однако по усмотрению Совета Общества учителями могли рекомендоваться и светские лица вне зависимости от звания и состояния¹⁸⁵, как правило, окончившие годичные курсы при Александровской учительской школе в Тифлисе, действующие с 1868 г., и Владикавказский Ольгинский осетинский женский приют. Приходские школы Кавказского учебного округа, действующие под эгидой духовного ведомства, не оставались без надзора светской учебной администрации. И хотя на Кавказе институт инспекторов начальных училищ как особый орган по управлению исключительно начальными школами отсутствовал (с мая 1869 г. он учреждался в 33 «земских» губерниях России и Бессарабской области в дополнение к училищным советам¹⁸⁶), кавказский наместник инициировал введение подобной должности и в Кавказском учебном округе, мотивируя необходимость инспекторского надзора над местными начальными школами тем, что после передачи в ведение окружной учебной администрации учебных заведений из других ведомств (в том числе и Кавказского горского управления), рассредоточенных на территории наместничества, практическое руководство образовательной деятельностью стало весьма затруднительным. В результате после обсуждения в Государственном совете проект об учреждении должности инспектора школ ОВПХ при управ-

¹⁸⁴ ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. №47847. С. 415.

¹⁸⁵ Материалы по истории осетинского народа. С. 120.

¹⁸⁶ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Первое пятилетие. 1867-1871. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1891. С. 653-656.

лении Кавказским учебным округом был утвержден Александром II 3 апреля 1873 г.¹⁸⁷ Таким образом, приходские школы ОВПХ оказались поднадзорны кавказской учебной администрации, а инспектором этих школ стал С. Стрелецкий.

Возложенные на ОВПХ обязательства превращали приходскую школу образца 1860-х гг. в своеобразный центр пропаганды идей российской государственности в местной горской среде, основной «проводник твердых и основательных начал гражданской и духовной жизни»¹⁸⁸. Вместе с тем, именно приходская школа стала единственной (и последней!) доступной для беднейших слоев горского крестьянства формой получения начального образования. Уже к концу 1860-х гг. в приходках Осетии благодаря усилиям ОВПХ действовало около 20 начальных школ (из них 2 для девочек), которые посещало 393 ученика¹⁸⁹. Однако буквально через пару лет (к 1-му января 1873 г.) численность учащихся приходских школ Владикавказского округа увеличилось почти вдвое (хотя количество школ по объективным причинам сократилось до 16)¹⁹⁰, что красноречиво свидетельствовало о востребованности сельской приходской школы местным населением, быстро осознавшим практическую пользу образования. Владеющий грамотой горский крестьянин имел неплохие шансы для повышения собственного социального статуса, заняв одну из должностей в сельской администрации. Кроме того, местное население привлекали к школе и льготы, обеспечивающие выпускникам приходских школ возможность продолжения образования в средних учебных заведениях духовного ведомства Кавказского учебного округа.

¹⁸⁷ ПСЗ-П. Т. XLVIII. Отд. 1-е. № 52088. С. 420-421.

¹⁸⁸ Материалы по истории осетинского народа. С. 123.

¹⁸⁹ Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов/Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 316.

¹⁹⁰ Материалы по истории осетинского народа. С. 131-133.

70-е гг. XIX в. ознаменовались проведением цикла образовательных реформ, коснувшихся и начальной школы. «Положением о начальных народных училищах» от 25 мая 1874 г. определялась главная цель учебных заведений низшего уровня образовательной системы – «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания»¹⁹¹. Приходские школы православного духовного ведомства, наряду с министерскими школами (Народного просвещения, Военного и др.), подпадали под действие этого закона и в учебном отношении переходили в ведение МНП. Документ декларировал необходимость привлечения земств и сословий к участию в распространении просвещения «в народных массах»¹⁹², для чего была перестроена система управления начальными училищами в тех губерниях, где существовали земские учреждения. В них вводилась должность попечителя народных училищ, которую занимали губернские и уездные предводители дворянства, председательствующие в училищных советах. В каждой из 34 губерний с земскими учреждениями бывшие инспекторы народных училищ становились директорами народных училищ. Таким образом, Положение закрепляло определенный плюрализм в подходах к организации элементарного образования, при котором церковь была лишь одной из, хотя и достаточно влиятельной, действующих сил в этом процессе.

Главной идеей, заложенной во всех положениях МНП 1870-х гг., было стремление к упорядочению как организационных форм образования, так и самого образовательного процесса. Реформаторские начинания затронули и начальную школу, учебные планы которой теперь в определенной мере

¹⁹¹ ПСЗ-П. Т. XLIX. Отд. 1-е. № 53574. С. 834.

¹⁹² Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 71.

унифицировались для всей территории Российской империи. Положение определяло круг преподаваемых в начальной школе дисциплин: Закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо и первые четыре действия арифметики, а также церковное пение там, где будет возможно вести его преподавание. Обучение предписывалось вести на русском языке (хотя, как показала практика, среди 32708 начальных училищ МНП в каждом пятом из них (21%) в учебном процессе использовался местный язык¹⁹³). С одной стороны, нововведения должны были ускорить интеграцию начальных уровней образования в общегосударственную образовательную систему. С другой же стороны, начальная школа, особенно на национальной периферии, призвана была способствовать распространению идей российской государственности и «гражданственности» среди инородческого населения, носителем которых считался государственный (русский) язык.

Осуществлять заданный правительством курс возможно было только путем расширения сети начальных училищ. В Кавказском учебном округе при поддержке правительства и учебной администрации количество начальных школ заметно увеличилось, возросло и число учащихся. В 1872 г. школы, создаваемые при поддержке МНП, в некоторых регионах наместничества даже численно превосходили приходские. В то же время во многих частях края с мусульманским населением не было ни одной правительственной школы, и начальное образование дети получали в мектебах и медресе.

И в Терской области распространением начального образования по-прежнему занималось не МНП, а институт духовного ведомства – ОВПХ. Заинтересованность в получении образования побуждала многие сельские общества Владикавказского округа активно включаться в процесс создания приходских

¹⁹³ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902/Сост. С. В. Рождественский. СПб.: Издание Министерства Народного Просвещения, 1902. С. 654.

школ. Поощряемые администрацией, озабоченной увеличением числа начальных училищ, сельчане составляли общественные приговоры об открытии у них школ и даже брали на себя обязательства по постройке школьных зданий и содержанию (хотя бы половинному) приглашенных учителей и предоставлению им жилья¹⁹⁴.

Политический подтекст, определявший содержание реформы начальной школы, учитывался и кавказской администрацией. Новые «Правила начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе», утвержденные наместником 9 декабря 1874 г., дублировали основную посылку Положения о начальных народных училищах. В первом же параграфе Правил декларировалось, что «приходские школы ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе имеют целью: сообщение детям горских семейств религиозных и нравственных понятий, а также распространение русского языка и первоначальных полезных знаний»¹⁹⁵. Введение в учебную программу приходской школы русского языка как отдельного предмета начиная со второго полугодия первого года обучения и обязательность преподавания всех школьных дисциплин на русском языке со второго года подчеркивала политическую составляющую государственной образовательной политики¹⁹⁶.

Изменились и требования к педагогическому персоналу приходских школ. Теперь, согласно новым Правилам, учителями в них могли стать только люди с педагогическим образованием – т. е. выпускники учительских семинарий и учительских институтов¹⁹⁷, которые, помимо образовательных, выполняли еще и воспитательные функции, воздействуя через учеников и на их родителей. Например, к 1 января 1877 г. среди учителей осетинских приходских школ было 22 человека (из них 8

¹⁹⁴ См., например: НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 69. Л. 5-6.

¹⁹⁵ Материалы по истории осетинского народа. С. 132.

¹⁹⁶ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 4-5.

¹⁹⁷ Там же. Л. 13-21.

женщин), из которых 12 окончили годичные курсы при Тифлисской Александровской учительской школе, 8 – Осетинский женский приют во Владикавказе и 2 – двухклассную школу¹⁹⁸. Совет ОВПХ обязывался содержать учительский штат приходских школ. Содержание учителей доходило до 400 руб. в год, их помощников и учительниц – до 200 руб. Если сельское общество желало нанять второго учителя, то оно же обеспечивало его содержание. Кроме того, Совет ОВПХ ввел в штат приходских школ должность законоучителя с окладом 100 руб. в год. В этой должности состояли церковнослужители (священники и дьяки), но иногда Закон божий преподавался и учителем, если в приходе не было священника¹⁹⁹. Заведовать школой надлежало одному из ее учителей.

Собственно педагогические аспекты деятельности начальных училищ, открываемых в горских приходах, «в видах единства системы образования для инородцев», оставались сосредоточенными в ведении инспектора школ ОВПХ при управлении Кавказским учебным округом. Инспектор наблюдал за текущим учебным процессом, и его основной задачей «по отношению к инородческому и иноверческому населению южных и восточных окраин являлось развитие начального образования на основании общих принципов, выработанных в 70-х годах»²⁰⁰.

Предметами преподавания в приходских школах ведения ОВПХ становились «Закон Божий, русский язык, туземные языки, арифметика с началами геометрии, мироведение с начатками естествоведения, географии и истории, письмо, черчение, пение светское и церковное, гимнастика, садовые работы,

¹⁹⁸ Габеев А. Я. Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740-1917 гг.) // Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1942. Т. V. С. 16.

¹⁹⁹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 16, 18.

²⁰⁰ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 692.

рукоделья (женские школы), или ремесла (мужские школы)»²⁰¹. В приходских школах Осетии использовалась и методика совместного обучения осетинских детей с русскими, т. к. подобная практика, как считала администрация, могла помочь местным детям скорее освоить русский язык и постепенно подготовить местное население к «слиянию в один русский народ»²⁰².

Однако даже те весьма скромные знания, которые давали приходские школы, были востребованы горским крестьянством. К концу 1870-х гг. в 20-ти начальных школах осетинских приходов числилось более 800 учащихся²⁰³. Лучшие выпускники могли рекомендоваться инспектором школ ОВПХ в училища духовного, военного и гражданского ведомства за счет Общества²⁰⁴. В целом же в Кавказском учебном округе к 1880 г. функционировало 2834 начальных городских и сельских училищ (в том числе и конфессиональных школ, не имеющих общеобразовательного характера, открытых при мечетях и армяно-григорианских храмах)²⁰⁵.

Впрочем, увлеченность администрации Кавказского учебного округа идеей создания «правильно устроенной» сельской школы имела следствием рост лишь количественных показателей. Практика перевода обучения на русский язык, плохо приспособленные для занятий помещения (даже и в специально выстроенных для этого зданиях), дефицит учебников, письменных принадлежностей, учебного оборудования наряду со слабой подготовкой учительского контингента значительно затрудняли процесс усвоения детьми учебного материала. И, несмотря на значительный приток учащихся, сами школы тоже оставляли желать много лучшего. Отчеты инспектора школ ОВПХ С. Стрелецкого пестрят указаниями на крайне неблагоприятное состояние помещений, предназначенных для заня-

²⁰¹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 5.

²⁰² См., например: Там же. Л. 24-25.

²⁰³ Материалы по истории осетинского народа. С. 148.

²⁰⁴ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 23.

²⁰⁵ Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае. С. 93.

тий в селах Осетии: «удовлетворительное, но тесное» (в сел. Ольгинском), «плохое и тесное» (в Салугардане), «помещается в ветхом тесном и грязном здании» (в Дарг-Кохе), «помещение тесное, старое и неудобное» (в сел. Новохристиановском), «прекрасное, но тесное помещение в здании Садонского рудника» (в Садоне), «тесное, грязное, ветхое и холодное помещение» (в сел. Зарамаг), «помещается в тесном и неудобном здании, занятия мастерствами происходят в турлучном доме» (в Даргавсе) и т. д. и т. п.²⁰⁶

Подвижническим был и труд учителя приходской школы, на которого за весьма скромное жалованье Правилами 1874 г. возлагалась непомерная моральная ответственность. Бедственное положение школьных учителей в осетинских приходках объяснялось не только скудостью средств самого ОВПХ, в ведении которого эти школы состояли, но и общим положением сельских приходских школ России. Их финансовое обеспечение осуществлялось преимущественно за счет самого духовного ведомства и его институтов, общественных сумм и частных пожертвований. И лишь с 1889 г. по требованию обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева было уравнено финансовое положение школ духовного ведомства и Министерства народного просвещения²⁰⁷. Правовое положение учителей школ ведомства ОВПХ также отличалось от статуса учителя в российских начальных школах ведения МНП. Поскольку преподавание в приходской школе в качестве «учебной службы» не рассматривалось, учителя таких школ лишались права на получение пенсии за выслугу лет, как учителя,

²⁰⁶ См., например: НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 13-21.

²⁰⁷ Павленко Т. А. Образовательная политика Святейшего Синода в 1884-1914 годах // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 238; см. также: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб.: Синодальная типография, 1899. С. 221.

к примеру, земских школ. Ситуация изменилась только после выхода указа от 20 февраля 1895 г., приравнивающего учителей церковно-приходских школ ведомства ОВПХ к категории учителей начальных школ России, что позволяло им рассчитывать на получение пенсии за выслугу лет. Для этого предназначался пенсионный фонд Совета ОВПХ, куда отчислялось 2% учительского оклада и ежегодно отпускалось 2000 руб. из средств самого Общества²⁰⁸.

* * *

Смена политического курса в стране в начале 1880-х гг. отразилась и на системе народного просвещения. Либеральный дух реформ 1870-х гг. уступил место новым идеям и взглядам на народное образование, в которых акцент теперь делался на искоренении из учебных заведений «крамолы» и «вольномыслия» путем усиления религиозно-воспитательной составляющей для укрепления в учащихся любви и уважения к Русской православной церкви, ее уставам и обрядам. Проводником новых идей стал Св. Синод, влияние которого в сфере российского народного образования существенно расширилась.

В центре реформ оказалась приходская школа, роль которой как главного инструмента идеологического воздействия на широкие народные массы заметно возростала. Реформа приходской школы переименовала ее в церковно-приходскую. Правилами о церковно-приходских школах от 13 июня 1884 г.²⁰⁹ декларировалось их скорее воспитательное, чем собственно образовательное предназначение²¹⁰, что отодвигало решение общеобразовательных задач на второй план. Утверждая документ, Александр III резюмировал: «Надеюсь, что приходское

²⁰⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (ПСЗ-III). Т. XV. № 11396. С. 102.

²⁰⁹ ПСЗ-III. Т. IV. № 2318.

²¹⁰ Там же. С. 372.

духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле»²¹¹.

Для заведования начальными приходскими школами в январе 1885 г. при Св. Синоде был специально создан Училищный совет по церковно-приходским школам²¹². На местах в соответствии с Правилами надзорные функции передавались епархиальным училищным советам, появившимся уже осенью 1884 г. Представители светской учебной администрации, в том числе директор народных училищ, могли входить в епархиальные училищные советы и участвовать в их заседаниях. Общее заведование церковно-приходскими школами в каждой епархии поручалось епархиальному архиерею.

Как и прежде, курс обучения рассчитывался на два года – в одноклассных школах и на четыре года – в двухклассных. Основными дисциплинами преподавания в школах обоего типа являлись Закон божий, церковное пение, чтение гражданской и церковной печати и письмо, начальная арифметика; в двухклассных школах давались еще и начальные сведения «из истории Церкви и Отечества». Кроме того, при школе с разрешения епархиального архиерея могли открываться дополнительные классы для изучения школьных дисциплин и специальные ремесленные и рукодельные отделения.

Учебные программы составлялись и издавались Училищным советом. В то же время состав изучаемых в одноклассных церковно-приходских школах предметов должен был быть не менее определенного еще Положением МНП о начальных народных училищах 1874 г. Однако полной унификации учебных планов образовательных учреждений начального уровня ожидать не приходилось, т. к. даже учебные заведения, находившиеся в ведении самого образовательного министерства, пользовались разными программами. Свою роль сыграла незавершенность реформ 1870-х гг. и их скорее установочный характер.

²¹¹ Там же.

²¹² ПСЗ-III. Т. V. № 2679.

Разнообразие местных условий, отсутствие традиции начального обучения не позволили распространить училищные программы сразу на все учебные заведения. Лишь 7 февраля 1897 г. были изданы общие программы МНП для всех одноклассных училищ, по которым учебный курс становился трехгодичным с разделением учащихся на три последовательных отделения²¹³. Что же касается учебных программ для церковно-приходских школ, то при оценке их изменений до и после реформы 1884 г. исследователи подчеркивают, что «если предыдущая учебная программа привела к ограниченности и фрагментарности познаний учащихся по различным отраслям науки, то новая – к поверхностным и рассеянным представлениям о преподаваемых в учебных заведениях дисциплинах»²¹⁴.

Другими стали и требования к преподавательскому контингенту: в церковно-приходских школах могли учительствовать преимущественно лица духовного звания – местные священники или другие члены причта, либо особо назначаемые епархиальным училищным советом выпускники духовных учебных заведений и женских училищ синодального ведомства. Преподавать в церковной школе разрешалось и светским лицам, имеющим звание учителя начального народного училища. Заведование и руководство школами возлагалось на приходских и благочинных священников. Высшее управление всеми церковно-приходскими школами во всех епархиях Российской империи (за исключением Рижской и Финляндской) и распоряжение средствами на их содержание принадлежало Св. Синоду.

Фактически устраняясь от организации начальной школы для основного населения страны, МНП настоятельно рекомендовало администрации учебных округов «оказывать полное содействие православному духовенству к открытию и поддержанию церковно-приходских школ», объясняя это

²¹³ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 658.

²¹⁴ Павленко Т. А. Указ. соч. С. 237.

тем, что «только ближайшее и деятельное участие духовенства в деле народного образования может придать последнему тот глубоко религиозный характер, который так необходим и дорог русскому народу»²¹⁵.

На Кавказе все церковно-приходские школы и школы ведения ОВПХ были изъяты из управления Кавказского учебного округа и переданы в ведомство Св. Синода. В ходе реформирования церковно-приходской школы были пересмотрены статус и функции самого ОВПХ – главного учреждения духовного ведомства в крае, занимающегося организацией начального образования в горских приходах. По инициативе К. П. Победоносцева прежняя обособленность Общества от Св. Синода ликвидировалась, и из ведения светских властей на Кавказе оно перешло в подчинение духовной власти под управление экзарха Грузии, который объявлялся председателем Общества и возглавил его Совет. Однако кавказская администрация от участия в делах Общества окончательно не устранилась, т. к. вице-председатель Совета ОВПХ назначался главноуправляющим на Кавказе.

Обновленный устав ОВПХ вступил в силу 10 февраля 1885 г.²¹⁶ В новой редакции устава ОВПХ миссионерская цель его деятельности значилась в качестве первоочередной. Общество обязывалось также открывать в горских приходах школы «для образования горского юношества и содействия им денежными средствами»²¹⁷. К церковно-приходским школам, состоящим в ведении ОВПХ, должны были применяться Правила о церковно-приходских школах 1884 г.

Переподчинение ОВПХ Св. Синоду имело следствием передачу в духовное ведомство в мае 1886 г. и должности ин-

²¹⁵ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Четвертое пятилетие. 1882-1886. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. С. 197.

²¹⁶ ПСЗ-III. Т. V. № 2726. С. 42-46.

²¹⁷ Там же. С. 45.

спектора училищ ОВПХ, по сути соединенной с должностью миссионера²¹⁸. Им стал архимандрит Леонид. В задачи инспекции входила проверка усвоения учащимися церковно-приходских школ основных догматов церкви и их нравственного состояния.

Но в течение следующих десяти лет осетинские школы, как и прежде, курировались местным духовенством и администрацией Владикавказского округа, т.к. епархиальный центр и штат инспекции располагались достаточно далеко – в Тифлисе. Удаленность Терской области от управляющего центра епархии затрудняла решение не только образовательных задач, но и сугубо миссионерских, чрезвычайно важных для православной церкви. То обстоятельство, что во Владикавказской епархии насчитывалось более 300 тыс. православных и более 400 тыс. «иноверцев и мусульман», ставило перед церковью совершенно особые задачи. Поэтому высочайшим повелением от 10 сентября 1894 г. было утверждено решение Св. Синода о выделении из состава Грузинского экзархата и придании самостоятельности Владикавказской епархии с центром во Владикавказе и присоединении к ней Дагестанской области²¹⁹. В результате церковные школы в осетинских приходах оказались в непосредственном ведении владикавказского епископа. А после преобразования в начале 1895-1896 уч. г. Александровского осетинского духовного училища в Ардоне в Александровскую миссионерскую духовную семинарию²²⁰ заведование всеми церковно-приходскими школами Северной Осетии перешло к специально созданному 31 декабря 1895 г. Ардонскому отделению Владикавказского епархиального училищного совета. Председателем Ардонского отделения становился ректор Александровской миссионерской духовной семинарии²²¹. Два года эту должность занимал архимандрит Иоанн,

²¹⁸ ПСЗ-III. Т. VI. № 3686. С. 188-189.

²¹⁹ ПСЗ-III. Т. XIV. № 10970. С. 589-590.

²²⁰ ПСЗ-III. Т. XV. № 11999. С. 539-541.

²²¹ Материалы по истории осетинского народа. С. 154.

а с февраля 1898 г. отделение возглавил протоиерей Косьма Токаев²²². После реорганизации Училищного совета по церковно-приходским школам при Св. Синоде, произошедшей в апреле 1896 г. на основании Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства православного исповедания от 26 февраля 1896 г.²²³ при Ардонском отделении Владикавказского епархиального училищного совета с 1900 г. учреждается должность наблюдателя церковно-приходских школ²²⁴.

Непосредственной же организацией учебного процесса и распространением начальной грамотности среди горцев по-прежнему занималось ОВПХ. В 1886-1894 гг. в его ведении находилось от 15 до 21 церковно-приходских школ, где преподавались основы православия, русский язык, арифметика, осетинский язык, во многих школах – география, русская гражданская история и церковное пение; кое-где курс дополнялся церковно-славянским чтением²²⁵. Часть школ имели небольшие садово-огородные участки, где учеников знакомили с основами садоводства и огородничества. Вырученные от продажи урожая деньги поступали на ремонт школы и приобретение учебников и учебных пособий²²⁶.

То, что управление школами перешло к структуре, расположенной на подведомственной территории, несколько изменило общее состояние начального образования. К содержанию церковно-приходских школ, как и к их устройству, помимо ОВПХ и сельских обществ теперь подключилось и ведомство православного исповедания. Так, например, в отчете Ардонского от-

²²² Гостиева Л.К. Православие в Осетии. Очерки о православном духовенстве второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 296, 300.

²²³ ПСЗ-III. Т. XVI. Ч. 1. № 12561.

²²⁴ Габеев А.Я. Основные этапы развития народного образования. С. 20.

²²⁵ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.

²²⁶ Там же. Л. 10.

деления Владикавказского епархиального училищного совета за 1897-98 уч. гг. сообщалось, что 17 из 32 церковно-приходских школ Осетии содержались за счет ОВПХ, остальные – на средства училищного совета при Св. Синоде²²⁷. Но в целом положение как самих школ, так и работающих в них учителей оставалось бедственным, поскольку официально выделяемых средств не только на развитие школьного дела, но и на поддержку уже существующих учебных заведений не хватало – средства шли главным образом на содержание учительского персонала. К примеру, на эти цели Советом ОВПХ в 16 школах ежегодно отпускалось в среднем 6979 руб. 68 коп.²²⁸ И, хотя центральное духовное ведомство выделяло некоторые суммы (около 2,5 тыс. руб. в год) на постройку новых школ, их было недостаточно даже для возведения одного здания. Основное бремя по содержанию школ ложилось на сельские общества.

Не все учебные заведения в осетинских приходах находились в одинаковом положении, и порой из-за отсутствия помещений для занятий, недостаточного количества учеников для открытия классов, нехватки учительских кадров, и, в особенности, бедности населения, неспособного содержать школы и учителей, некоторые из школ приходилось закрывать (как в Махческе и Галиате²²⁹).

Тем не менее, к концу девятнадцатого столетия спрос на школу в Осетии чрезвычайно вырос. Ни скудость знаний, которые давала церковно-приходская школа, ни сложности материального плана не останавливали людей в их тяге хотя бы к элементарному образованию, которое являлось для них одним из наиболее действенных механизмов социализации в общеимперском пространстве, обеспечивая относительно безболезненную адаптацию к изменившейся социальной среде. Стремление жителей осетинских сел к устройству школ и готовность поддерживать

²²⁷ Материалы по истории осетинского народа. С. 162.

²²⁸ Габеев А. Я. Указ. соч. С. 20.

²²⁹ См.: Материалы по истории осетинского народа. С. 150-154.

их всем самым необходимым поощрялось и окружной администрацией, и церковными властями, весьма обеспокоенными тем, что при почти полной безграмотности местного населения здесь «начинает свивать широкое гнездо» мусульманство²³⁰. «Сельские общества, при всей своей нередко крайней бедности, сами на свой счет без всяких пожертвований и помощи со стороны строят удобные помещения для школы и учителей, дают отопление и ремонт всему помещению, дают жалованье по 300 руб. в год учителям и потом внимательно относятся ко всему школьному делу, – писал в своем отчете за 1897-98 уч. г. наблюдатель церковно-приходских школ Осетии Косьма Токаев. – Сами просят и молят, чтобы открыли у них хотя какую-нибудь школу и каких нередко трудов стоит горцам построить школьное здание, по пешеходной тропинке приходится перевозить волоком или на своих плечах перетаскивать всякое бревнышко через горы и скалы издалека. И они при всех этих трудностях стараются устроить у себя школы, гораздо более ревнуя о школьном просвещении, чем соседи их русские казаки, живущие в гораздо более выгодных условиях...»²³¹

Возросший интерес местных жителей к образованию сказывался и на численности учащихся в церковно-приходских школах. При том, что сельские школы Осетии были в основном одноклассными, в большинстве из них число учеников превышало норму и доходило до 100-150, а в Вольно-Христиановском в 1894 г. было 269 учащихся²³². Несмотря на то, что максимальный срок обучения ограничивался четырьмя годами (в двухклассных школах), ученики ходили в школу по 5, 6, 8 лет, оканчивая ее к 12-18 годам²³³. В 1894 г. в существующей в Осетии 21 начальной школе (в том числе сельском начальном училище в сел. Эльхотовском и Алагирской школе ведомства православного исповедания) обучалось 1986 детей, из них 379

²³⁰ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.

²³¹ Материалы по истории осетинского народа. С. 163-164.

²³² Там же. С. 154.

²³³ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.

девочек²³⁴. В целом же, как отмечено в отчете обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева за 1896-1897 гг., при средней численности учеников церковно-приходской школы в России в 40 человек школы Владикавказской епархии отличались «многолюдностью» – в среднем в каждой из них обучалось 64 ученика (а по числу учеников школ грамоты Владикавказская епархия оказывалась даже на первом месте – 41 ученик при среднем показателе в 25 человек)²³⁵.

Однако школ по-прежнему не хватало. В том же 1894 г. начальник Терской области С. В. Каханов отмечал, что «из всего числа низших учебных заведений, существующих в туземных селениях и специально для обучения детей туземцев, насчитывается всего 30, из коих 24 заведения на 1921 учащегося содержатся на средства общества восстановления православного христианства на Кавказе и только 6 заведений на 458 учащихся открыты для детей туземцев остальных племен: кабардинцев, чеченцев, ингушей, кумыков и разных татарских и горских народностей, численность коих в общей сложности простирается до 421128 душ обоюбого пола»²³⁶.

И по-прежнему болезненной, требующей самостоятельного решения, оставалась проблема обеспечения начальной школы преподавательскими кадрами. С 1896 г. в России начинают действовать т. н. второклассные (или низшие учительские) церковно-приходские школы, созданные по инициативе синодального Училищного совета для подготовки учителей в школы грамоты, также находившиеся под управлением духовного ведомства²³⁷.

²³⁴ Материалы по истории осетинского народа. С. 153-154.

²³⁵ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода ... за 1896 и 1897 годы. С. 225.

²³⁶ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. Владикавказ: Тип. Областного Правления Терской области, 1895. С. 58.

²³⁷ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода ... за 1896 и 1897 годы. С. 221.

Пока второклассные школы действовали «в виде опыта и проекта» и были распространены в основном в Европейской России, хотя единичные учебные заведения подобного типа устраивались и на Кавказе. Если в первый год была открыта 131 такая школа, то к 1 января 1898 г. их число достигло 225²³⁸. Однако количественный рост низших учительских школ не покрывал дефицита учителей даже в школах грамоты, не говоря уже об одноклассных и двухклассных церковно-приходских школах. Потребности в учителях начальных приходских школ не удовлетворяли и существующие духовные семинарии.

Аналогичная ситуация сложилась и в приходах Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета, куда учительствовать направлялись выпускники Тифлисской Александровской учительской школы и Владикавказского осетинского женского приюта. Но их число было совершенно недостаточным. Даже наличие Александровской миссионерской духовной семинарии в Ардоне не снимало проблемы обеспечения преподавателями церковных школ Осетии. Семинария выпускала не более 15 учеников в год, и далеко не все они желали связывать свою жизнь со служением церкви и школе²³⁹. Так, в 1901 г. в церковно-приходских школах и школах грамоты преподавал 81 человек, причем только 49 из этого числа имели звание учителя²⁴⁰. Неспроста жители ряда осетинских селений требовали, чтобы в их приходах устраивали двухклассные школы, причем с тем условием, что «Ардонское отделение будет отпускать жалованье двум правоспособным учителям с образованием *не ниже учительской семинарии*» (курсив наш. – *Авт.*)²⁴¹.

В несколько более выигрышном положении (как в материальном, так и в кадровом отношении) находились т. н. мини-

²³⁸ Там же. С. 225.

²³⁹ Материалы по истории осетинского народа. С. 162, 164.

²⁴⁰ Габеев А. Я. Указ. соч. С. 23.

²⁴¹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

стерские школы – начальные училища (одноклассные и двухклассные), которые устраивались за казенный счет в городах и селах империи и куда назначались лица с педагогическим образованием. И, несмотря на то, что, по оценке современников, одноклассные училища МНП по сути являлись не более чем школами грамоты, дополненными Законом божьим и арифметикой, а двухклассные лишь несколько расширяли учебный курс одноклассных за счет включения в программу сведений из истории, географии и естествознания, к концу XIX в. они уже составляли серьезную конкуренцию церковной школе. К тому же, после 1897 г., когда последовали правительственные распоряжения о казенных вливаниях в народное образование, деятельность учебного ведомства заметно оживилась²⁴².

Все это привело к обострению противостояния между МНП и Св. Синодом, ставшего в начале 1900-х гг. предметом полемики в Государственном совете. Было решено, что «дальнейшее расширение прав духовного ведомства по заведыванию народным образованием “едва ли может быть оправдано с точки зрения потребностей государства и задач самого духовного ведомства”». Признавалось необходимым уравнивать права церковных школ и школ МНП, а для управления народным образованием создать не только местные, но и центральные органы из представителей разных ведомств, что свидетельствовало об определенной децентрализации функций Синода в сфере начального народного образования. По этому поводу 18 января 1902 г. даже состоялось соответствующее постановление Государственного совета²⁴³.

²⁴² См.: Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 653.

²⁴³ Там же. С. 721-722.

Вызовы начала XX века

Новое столетие ознаменовалось крупной реформой в системе церковного образования. Для преодоления кризиса церковно-приходской школы и снятия остроты проблемы с преподавательским контингентом Св. Синод разработал новое Положение о церковно-приходских школах ведомства православного исповедания, высочайше утвержденное 1 апреля 1902 г.²⁴⁴ Теперь церковная школа подразделялась на два типа: начальную – для начального образования детей и взрослых (сюда относились сами церковно-приходские школы, школы грамоты и воскресные школы) и учительскую – для подготовки учителей в начальную школу (школы второклассные и церковно-учительские). Курс обучения в церковно-приходской школе продлевался до трех лет – в одноклассных школах и до пяти лет – в двухклассных. Четыре года продолжалось обучение в одноклассных школах «для детей инородцев и в тех, где это будет признано необходимым Епархиальным Архиереем»²⁴⁵.

Положение предусматривало возможность раздельного руководства процессом организации начальной школы в православных приходах – закрытие или открытие того или иного типа школы должно было происходить по согласованию сторон, что, как предполагалось, прекратило бы межведомственные разногласия между МНП и Св. Синодом.

Церковным школам следовало «распространять образование в духе Православной веры и Церкви»²⁴⁶. Священнослужителям оставалось преподавание Закона божьего. Предметы общеобразовательного цикла в церковной школе следовало вести только лицам православного исповедания, имеющим звание учителя начальных школ или окончившим курс средних и высших учебных заведений. Впрочем, могли быть и исклю-

²⁴⁴ ПСЗ-III. Т. XXII. Ч. 1. № 21290.

²⁴⁵ Там же. С. 209.

²⁴⁶ Там же. С. 207.

чения, если «дипломированных» педагогов не хватало – тогда в одноклассную школу на должность учителя могли принять и тех, кто наиболее успешно окончил второклассную (низшую учительскую) школу и признан способным к педагогической деятельности уездным отделением епархиального училищного совета.

Учебными дисциплинами в церковно-приходской школе оставались Закон божий, церковное пение, церковно-славянская грамота, русский язык, письмо, начальная арифметика и рукоделие (для девочек); курс двухклассных школ дополнялся краткой церковной и отечественной историей, географией, черчением и (по возможности) рисованием. С разрешения епархиального училищного совета при церковных школах могли открываться факультативы для дополнительного изучения предметов в пределах учебного курса и для занятий ремеслами. Заведование церковно-приходской школой возлагалось на приходского священника.

Меры, предпринятые Синодом для поддержания своей школы, привели к желаемым результатам лишь отчасти. Судя по отчетам главы духовного ведомства, число церковно-приходских школ в целом по России, действительно, постепенно увеличивалось. Но общая обстановка в стране, стоявшей накануне революционных преобразований, не лучшим образом отражалась на церковной школе. Социалистические идеи проникали и на окраины, в том числе и в Осетию. Под их влиянием здесь формулировались требования перестройки начального образования, которые вылились в открытый протест со стороны учителей церковно-приходских школ Северной Осетии. Петиция, принятая учительским съездом, проведенном в Ардоне 10-16 августа 1905 г. и поданная в сентябре того же года главе Владикавказской епархии епископу Владикавказскому и Моздокскому Гедену, содержала требования о переименовании церковно-приходских школ Осетии в «народные школы», значительном сокращении программы по Закону божьему, ис-

ключении из числа школьных предметов церковно-славянского языка, включении в учебный курс в качестве обязательного предмета родного языка, переработке и расширении программ по общеобразовательным дисциплинам, введении выборного начала в управлении школами и улучшении материально-правового положения учительства²⁴⁷.

Духовное ведомство вновь вынуждено было отстаивать приоритет своей школы перед начальными училищами МНП, об открытии которых все чаще просили жители края, причем даже в тех селах, где уже действовали школы церковные. Общественные приговоры о постройке училищ МНП в Осетии выносились десятками²⁴⁸. Мотивировалось это желание прежде всего тем, что, если церковно-приходская школа была сосредоточена на обучении грамоте, то более широкая учебная программа министерской школы значительно облегчала ее выпускникам путь к дальнейшему образованию в учебных заведениях высшего разряда²⁴⁹ и, соответственно, полнее отвечала возросшим образовательным запросам местного населения.

И эти запросы приходилось удовлетворять. С 1904 по 1911 гг. в Осетии открылось восемь двухклассных училищ МНП, в целом же к 1 января 1913 г. в ведении Терской дирекции народных училищ на территории Владикавказского округа действовало 13 министерских школ, расположенных в основном в селах с преимущественно мусульманским населением²⁵⁰.

Тот факт, что жители осетинских плоскостных селений «давно охладели к церковным школам», констатировал даже наблюдатель церковно-приходских школ Осетии протоиерей Иосиф Орехов. По его мнению, при том, что церковное на-

²⁴⁷ См. подробнее: Материалы по истории осетинского народа. С. 175-176.

²⁴⁸ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 52.

²⁴⁹ Там же. Л. 55-56.

²⁵⁰ Там же. Д. 18. Л. 1.

чальство «строго оберегало Осетию от вторжения министерства народного просвещения», миссионерское значение церковных школ себя исчерпало, и «церковные школы вместе с миссионерской семинарией служат только просветительно-образовательной цели», не давая народу «ни гражданского, ни религиозного воспитания»²⁵¹. Кроме того, реальное число выпускников церковно-приходских школ из года в год оставалось крайне низким, что, по мнению учебной администрации, свидетельствовало о «непроизводительности» школ.

Сложившаяся ситуация не могла не вызывать недовольства епархиального начальства. Для улучшения положения дел принимались административные меры. 3 февраля 1906 г. фактически действовавшее автономно Ардонское отделение Владикавказского епархиального училищного совета закрывается, а вместо него, на основании Положения об управлении церковными школами 1896 г., во Владикавказе синодальным указом учреждается Владикавказское окружное отделение с подчинением его местному епархиальному училищному совету²⁵².

В ведении окружного отделения к 1908-1909 гг. состояло 16 церковно-приходских школ ОВПХ, среди которых значилось 5 двухклассных, расположенных в крупных плоскостных населенных пунктах Осетии: Ардоне, Владимировском (Батакоюрте), Гизели, Дарг-Кохе, Хумалаге. Все они размещались в специально выстроенных каменных зданиях, в постройке которых участвовали средства не только Совета ОВПХ и сельских обществ, но и Св. Синода. Несколько повысился и квалификационный уровень педагогического персонала: среди учителей были воспитанники Ардонской и Тифлисской духовных семинарий, Ардонского и Владикавказского духовных училищ, Владикавказского Ольгинского женского приюта, реального училища и женских прогимназии и гимназии во Влади-

²⁵¹ Материалы по истории осетинского народа. С. 186.

²⁵² Там же. С. 179.

кавказе, учительских семинарий в Гори и Кутаиси. В среднем в осетинских церковно-приходских школах обучалось в тот период 1816 человек, из них 438 девочек²⁵³.

Между тем, как подметил в своем отчете за тот же 1908 г. Владикавказский окружной наблюдатель св. И. Андриевский, «успехи учебно-воспитательной части почти всегда пропорциональны тем удобствам, в которых находится та или иная школа... Школьные здания сплошь и рядом не соответствуют своему назначению, а главное – совсем не приспособлены к зимнему периоду времени... В учебниках постоянный недостаток, тетрадей же часто и совсем не бывает...»²⁵⁴ Проблемы осетинских церковно-приходских школ неоднократно становились предметом обсуждения во Владикавказском епархиальном училищном совете. «Осетинскими церковно-приходскими школами недовольны учащиеся в них дети, их родители, учителя, школьная инспекция, местная администрация, епархиальное и даже центральное церковно-школьное управление», – писал в своем докладе епархиальный наблюдатель И. Орехов²⁵⁵. Претензии предъявлялись главным образом к двухклассным школам Осетии, которые в синодальном Училищном совете были признаны «не привившимися», т. к. среди их выпускников практически не было детей, окончивших полный курс второго класса. Поэтому часть школ с одним учителем на два отделения, именуемых двухклассными, была реорганизована в одноклассные (в Садоне, Тибе, Даллагкау). Сельским обществам предложили изыскать средства на содержание положенных для двухклассных школ штатов²⁵⁶.

Но сам вопрос комплектации двухклассных осетинских школ квалифицированными штатами оставался болезненным. По признанию Владикавказского епархиального учи-

²⁵³ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 16. Л. 22-25.

²⁵⁴ Там же. Д. 15. Л. 1.

²⁵⁵ Там же. Д. 17. Л. 15.

²⁵⁶ Там же. Л. 18, 19.

лишнего совета, при осознании всей «необходимости, пользы и целесообразности» мер по обеспечению школ Осетии «надлежаще подготовленными постоянными учащими лицами», выполнить их совет не в состоянии в виду того, что «данной цели существующие в епархии учебные заведения не отвечают – Духовная семинария дала очень мало желающих посвящать себя учительскому делу, а женское Епархиальное училище, за отсутствием при нем педагогического класса и образцовой школы, затем Осетинский женский приют, как учебное заведение, по учебным планам не превышающее двухклассную школу, выпускают воспитанниц, как показывает опыт, далеко недостаточно подготовленных к педагогической деятельности, – не говоря уже о том, что Осетинский женский приют своим абитуриентам не дает прав учительства даже в школах грамоты»²⁵⁷.

* * *

Частные проблемы осетинских церковно-приходских школ отражали общее состояние не только церковной школы, но и вообще начального образования в России в первом десятилетии XX в. По-прежнему нерешенными оставались вопросы как материального, так и кадрового обеспечения низшей ступени образовательной системы. Извечный российский дефицит средств лишал доступа даже к элементарному образованию огромное число детей школьного возраста. В Кавказском учебном округе в 1908-1909 гг., по свидетельству его попечителя Н. Ф. Рудольфа, «число обучающихся определится цифрой 471.231 человек, что при 1.000.000 населения Кавказа и при 880.000 детей школьного возраста далеко не удовлетворяет потребности в доступном начальном образовании, так как около 46% детей школьного возраста остаются без обучения». И для того, чтобы с уверенностью говорить о том,

²⁵⁷ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 19.

что «школа приобщила эту окраину к русской государственности и внедрила в массу местного населения любовь к Церкви, Царю и Отечеству», необходимо было многократное увеличение наличного числа учебных заведений начального уровня²⁵⁸. Все более очевидной становилась необходимость реформирования начальной школы.

В основу реформы легла правительственная идея о всеобщем начальном обучении в Российской империи, что подразумевало создание сети школьных учреждений, охватывающей детей в возрасте 8-11 лет. В разработке школьной сети широкие права предоставлялись учреждениям местного самоуправления и местному церковно-школьному начальству. Для включения в школьную сеть учебного заведения, рассчитанного на четыре возрастные группы, необходимо было соответствовать ряду критериев: «иметь законоучителя и учителя, обладающего законным правом на преподавание, быть обеспеченным соответствующим школьным и гигиеническим помещением, учебными книгами и пособиями и доставлять детям бесплатное обучение». Нормальной считалась четырехлетняя продолжительность обучения в начальной школе, а нормальным числом детей на одного учителя признавалось 50; одна школа должна была обслуживать «местность с трехверстным радиусом»²⁵⁹. Включенные в школьную сеть церковно-приходские школы финансировались из казны на равных с училищами МНП основаниях; содержание церковно-приходских школ, не вошедших в школьную сеть, обеспечивалось из местных источников.

И хотя соответствующий закон так и не появился, реформа начального образования все же началась. Толчком к ней послужил закон от 3 мая 1908 г. о значительном увеличении

²⁵⁸ Рудольф Н. Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа за пятилетие 1908-1912. Тифлис, 1914. С. 48.

²⁵⁹ О введении всеобщего начального обучения в Российской империи // Документы XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/1638>

казенных ассигнований (почти 7 млн. руб. в год) на нужды начального образования. В документе оговаривались положения реформы, определяющие материальное положение учителей, число учеников 8-11 лет в одной школе, деятельность органов местного самоуправления по организации школьного образования. Особо подчеркивался бесплатный характер обучения в начальных училищах²⁶⁰.

Что же касается церковно-приходской школы, то в Св. Синоде пришли к заключению о необходимости приближения ее к современным условиям. Для обсуждения вопросов управления церковно-приходскими школами, их учебно-воспитательной деятельности, «особливо же в виду участи церковных школ в осуществлении задачи всеобщего обучения в России», в мае 1910 г. состоялось чрезвычайное собрание синодального Училищного совета²⁶¹. Епархиальному начальству предлагалось «принять под свое особое архипастырское попечение и покровительство» процесс включения церковных школ в формируемую школьную сеть²⁶².

Переход к всеобщему обучению и формирование сети школ, поддерживаемых государством, предполагали существенное повышение требований к начальной школе. Понятно, что далеко не все действующие школы, особенно церковно-приходские, как правило, находившиеся в плачевном материально-техническом положении, соответствовали принятым критериям, что лишало их права на государственную поддержку. В Осетии, например, при некотором увеличении числа церковных школ во втором десятилетии XX в. (с 53 в 1912 г. до 62 в 1917 г.²⁶³) ни одна из них в школьную сеть так и не попала. Это означало, что содержание школ полностью ложи-

²⁶⁰ ПСЗ-III. Т. XXVIII. Ч. 1. № 30328.

²⁶¹ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству Православного исповедания за 1910 год. СПб.: Синодальная типография, 1913. С. 305-315.

²⁶² Там же. С. 308.

²⁶³ Материалы по истории осетинского народа. С. 200, 229.

лось на «местные источники», т. е. сельские общества и саму епархию, что лишало церковную школу каких бы то ни было перспектив. Окружной наблюдатель Андриевский по этому поводу с сожалением констатировал: «...материальные условия здесь неблагоприятные, народ (жители) несостоятельный и воздвигать школьные здания на свой счет не найдет в себе ни сил, ни средств <...> Рассчитывать на местные средства нет никакой возможности. Их нет. Если же где и есть, то это средства не постоянные – пожертвования, добываются они с большим трудом, и не малыми скорбями»²⁶⁴. Не выполняли свою роль и «прописанные» при церковно-приходских школах ремесленные классы, хотя именно за практическими навыками и шли в школу горские дети. Тот же Андриевский отмечал, что имеющиеся в школах станки и инструменты «лежат без всякой пользы и употребления»²⁶⁵.

Проблема финансирования реформы начальной церковной школы в Осетии тесно связывалась с проблемой ее обеспечения преподавательскими кадрами. И дело было даже не столько в том, что подготовленных должным образом учителей катастрофически не хватало – даже те, кто работал в церковно-приходской школе, стремились перейти на службу в школу ведомства МНП.

И материальные условия существования церковной школы, и дефицит кадровых ресурсов вели к тому, что к 1917 г. в осетинских школах, подведомственных Владикавказскому отделению епархиального училищного совета, обучалось всего 5130 человек (в том числе и учащиеся владикавказских начальных учебных заведений духовного ведомства), из которых лишь 444 ученика считались окончившими полный курс, причем только десятая часть их (42 человека) окончили двухклассную школу²⁶⁶. Очевидно, что церковная школа не могла самостоятельно справиться с решением образовательных задач.

²⁶⁴ Там же. С. 229, 232.

²⁶⁵ Там же. С. 233.

²⁶⁶ Там же. С. 225-228.

В июне 1917 г. Временное правительство определило почти все церковно-приходские школы, включенные в школьную сеть и пользующиеся государственной поддержкой, изъять из ведения Св. Синода и передать их МНП. Однако осетинские церковно-приходские школы продолжали оставаться под началом епархиального училищного совета. Первый Всеосетинский учительский съезд, состоявшийся во Владикавказе 10-16 июля 1917 г., постановил все церковно-приходские школы Осетии преобразовать в общеобразовательные народные и управление всеми школами возложить на Северо-Осетинский Училищный Совет, учрежденный на съезде²⁶⁷. Созданный Училищный совет обратился к епархиальному совету с требованием «по делам школ Северной Осетии сноситься с упомянутым училищным советом и ему же по примеру дирекции учебных заведений Терской области пересылать прошения о назначениях и др.». Пытаясь отстоять свои позиции в деле начального обучения, местные духовные власти не признали это требование правомочным. В сентябре того же года епархиальный училищный совет постановил рекомендовать своему окружному отделению, чтобы оно «впредь до распоряжения о передаче церковно-приходских школ в ведение М. Н. просвещения, руководствовалось существующими законоположениями и подчинялось подлежащей епархиальной власти и, в чем следует, епархиальному училищному совету»²⁶⁸.

Постановление СНК от 11 (24) декабря 1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению» окончательно ликвидировало церковную школу как специфический институт начального образования в России.

²⁶⁷ См.: Кобахидзе Е. И. Первый Всеосетинский учительский съезд и задачи осетинской начальной школы // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 30 (69). С. 147-174.

²⁶⁸ Материалы по истории осетинского народа. С. 233.

Представляя равноценную альтернативу школе государственной, церковная школа долгое время оставалась единственной институциональной формой организации элементарного образования для горского крестьянства. Ее эволюция отражала смену политических и идеологических установок представителей высших государственных ведомств и в полной мере соотносилась с изменениями в государственной образовательной политике, ориентированной на унификацию образовательного пространства страны и централизацию управления образовательным процессом. Признавая приоритет духовного ведомства в сфере начального образования, государство фактически перепоручило ему организацию начальной «народной» школы в качестве низшей ступени в системе народного просвещения, устраняясь от целого комплекса возникающих при этом проблем. Отсутствие государственной поддержки лишало церковную школу возможности эффективно конкурировать со светскими учебными заведениями. Кроме того, даже в попытках адаптироваться к быстро меняющимся условиям пореформенной России, Св. Синод стремился через школу реализовать прежде всего миссионерские цели и задачи, являвшиеся неотъемлемой частью государственной национальной и конфессиональной политики, что делало второстепенными собственно просветительские функции школы.

Приходская школа в Осетии отражала общее состояние сферы начального церковного образования в Российской империи, находившегося в ведении Св. Синода. На национальных окраинах империи церковная школа служила прежде всего миссионерским целям, а само православие в контексте государственной национальной и конфессиональной политики рассматривалось как фактор, обладающий весомым интегрирующим потенциалом в процессе «слияния» «инородцев» с русским населением страны.

Но задачи, возложенные Синодом на начальную школу, здесь выполнялись с трудом ввиду отсутствия достаточных финансовых и кадровых ресурсов. Тем не менее, к концу XIX в. отмечается некоторое оживление церковной школы, что связано с двумя тенденциями: прежде всего, в самой местной среде сформировался мощный запрос на образование, которое служило одним из адаптивных механизмов более или менее успешной социализации местных обществ в общеимперском пространстве. С другой стороны, внимание государственных ведомств к начальному образованию подталкивало местные власти (как духовные, так и светские) к поощрению сельских обществ устраивать у себя начальные школы.

Все вместе взятое свидетельствует об амбивалентном значении церковной школы: с одной стороны, она являлась единственной доступной формой распространения грамотности в широких слоях горского населения; с другой же стороны – образовательные задачи школы редуцировались в результате политико-идеологической заданности самого учебного процесса, в котором на первый план выходили миссионерские задачи Русской Православной Церкви как сакрального ядра Российской империи.

И со временем образовательные запросы горцев оказались шире, чем предложенная церковной школой программа, что уже в начале XX в. привело к падению ее авторитета и переориентации населения на школу «министерскую», т. е. светскую. Тем не менее, нельзя отрицать ту огромную роль, которую сыграла начальная церковная школа в процессе русификации северокавказской окраины и освоения русского языка ее населением, демонстрировавшего готовность к принятию иной культуры как своеобразной формы адаптации к изменившейся социальной реальности.

Кадровый кризис начальной церковной школы

По-своему уникальное положение в региональном образовательном пространстве занимала духовная семинария, открытая в с. Ардон Владикавказского округа Терской области и сыгравшая значительную роль в развитии образовательного и более того – социокультурного потенциала всего Северного Кавказа конца XIX – начала XX в. Предназначенная для подготовки учительских кадров в осетинских церковно-приходских школах и священнослужителей для приходов Владикавказской епархии и Южной Осетии, Александровская миссионерская духовная семинария органично влилась в региональную систему народного просвещения в качестве ее среднего звена, предоставив выходцам из низших сословий доступ к получению среднего образования и расширив возможности удовлетворения значительно возросших образовательных потребностей местного населения.

Широко известно, что в процессе формирования системы народного просвещения в Российской империи самое деятельное участие принимало ведомство православного исповедания, изначально отвечавшее за организацию начальных ступеней образования, предназначенного для широких слоев населения страны. Особенно очевидной роль учреждений Св. Синода была в окраинных регионах империи, населенных преимущественно «иноверцами» и «инородцами», где сугубо просветительские функции православной церкви тесно переплетались, а порой и замещались миссионерской деятельностью церковных институтов. Миссионерская активность Русской Православной церкви всецело поддерживалась государством, внутренняя политика которого по отношению к окраинному населению была направлена на его как можно более полную интеграцию в общегосударственный организм как в политико-правовом, так и в социокультурном отношениях. Этой же задаче отвечала и государственная полити-

ка в сфере народного просвещения, поскольку образование как специфический социальный институт рассматривалось в качестве одного из наиболее эффективных инструментов распространения идей российской государственности и общегражданской идентичности среди нерусских народов империи.

Правительственная образовательная политика на Северном Кавказе, эволюционируя в течение всего XIX века, исходила прежде всего из необходимости противостояния мусульманскому духовенству, роль которого еще более усилилась на завершающих этапах Кавказской войны. Кроме того, сказывалась и этноконфессиональная специфика населения региона, подавляющую часть которого составляли народы, исповедующие ислам. В этих обстоятельствах миссионерское значение православной церкви заметно повышалось, а образовательные функции церковных учреждений наполнялись ясно читаемым идеологическим содержанием. Наибольшее значение в деле распространения идей российской государственности имели школы «для народа», организацией которых занимались как Министерство народного просвещения, так и духовное ведомство.

Роль православного духовного ведомства в организации начального образования заметно повысилась после реформы начальной церковной школы 1884 г., что обусловило изменения в социальном предназначении образования. Одновременно изменились требования к преподавательскому составу – он должен был формироваться из представителей местного духовенства. Изменения коснулись и начальной церковной школы в Осетии. Если прежде учительствовать в такой школе помимо выпускников Владикавказского духовного училища направлялись также светские лица, преимущественно из тех, кто окончил годичные курсы при Александровской учительской школе в Тифлисе и Владикавказский Ольгинский осетинский женский приют, то теперь преподавать в церковно-приходской

школе должны были лица духовного звания – местные священники и другие члены причта.

Но если и прежде учебных заведений, которые готовили бы учителей для начальной церковной школы, не хватало, и число их выпускников не покрывало кадрового дефицита, то новые требования усугубили и без того острую проблему учительских кадров для церковно-приходских школ. Другая проблема заключалась в нехватке и самих священнослужителей. Задача обеспечения православных приходов Осетии подготовленными священнослужителями еще более актуализировалась после приобретения Владикавказской епархией автономного статуса (1894). Поэтому отдельным направлением в образовательной деятельности Русской православной церкви становится подготовка миссионеров для служения на кавказской окраине, желательного происхождения из местной среды. Для пополнения числа священнослужителей и учителей церковно-приходских школ Осетии, находившихся в ведении ОВПХ, были открыты специальные учебные заведения – Александровское осетинское духовное училище и на его базе – Александровская миссионерская духовная семинария.

Миссионерское духовное училище, расположенное в селении Ардон Владикавказского округа, возникшее по указу Св. Синода от 29 марта 1887 г. по представлению Совета ОВПХ, предназначалось именно для подготовки священнослужителей и учителей церковно-приходских школ Осетии, находившихся в ведении ОВПХ. При этом подчеркивалось, что набираться в училище должны представители осетинского населения, так как они хорошо знакомы с местными условиями и им проще будет выполнять обязанности, связанные с будущей проповеднической и преподавательской деятельностью²⁶⁹. Учебный курс в Ардонском Александровском осетинском духовном училище был трехклассным с двухлетним прохождением каждого класса. Поскольку главная цель учи-

²⁶⁹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 71. Л. 36.

лица заключалась в подготовке воспитанников «к успешному прохождению священной обязанности служителя алтаря и проповедника слова божия на осетинском языке»²⁷⁰, этому языку в учебном курсе уделялось особое внимание. С учетом того, что осетинский язык, значась в качестве предмета обучения в учебных планах начальных приходских школ, фактически в них не преподавался (на что были свои объективные причины – очевидная нехватка учителей, одинаково хорошо владеющих и осетинским, и русским языком и, как следствие, отсутствие в школе речевой педагогической практики, ощутимый недостаток учебных и методических материалов на осетинском языке и т.п.), духовное училище было практически единственным учебным заведением в Осетии, где изучался осетинский язык. В училище могли приниматься и дети «магометанского исповедания Северной и Южной Осетии, обнаруживающие любовь к христианству, с целью привлечения их к оному»²⁷¹.

Однако училище не оправдало надежд, которые на него возлагались: за почти десятилетний период своего существования оно выпустило всего 39 человек, из которых только пятеро посвятили себя служению церкви²⁷², остальные же предпочли продолжить образование либо обратились к светским занятиям. Задача комплектования осетинских приходов служителями и учителями местных церковно-приходских школ так и осталась нерешенной.

Для разрешения сложившейся проблемы, Св. Синодом в августе 1895 г. был издан особый указ о преобразовании училища в Александровскую миссионерскую духовную семинарию, открывшуюся в 1895-1896 учебном году. Ее целью становилась подготовка служителей в осетинские приходы, находящиеся как в самой Владикавказской епархии,

²⁷⁰ Материалы по истории осетинского народа. С. 244.

²⁷¹ Там же. С. 247.

²⁷² НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 74. Л. 10.

так и в Южной Осетии, и обеспечение учителями осетинских церковно-приходских школ²⁷³. В указе особо подчеркивалось, что семинария имеет миссионерский характер и создается «в целях приготовления достойных пастырей церкви в Осетинские приходы и сведущих миссионеров для проповеди слова Божия среди иноверного населения Кавказских гор и для устранения тех неудобств в учебно-воспитательном отношении, какие неизбежны при трехклассном устройстве учебного заведения с двухгодичными курсами»²⁷⁴. Миссионерское предназначение Ардонской семинарии определило специфику ее учебно-воспитательной деятельности и по-своему уникальное положение: так же, как и осетинский женский приют, семинария по своей программе и по своему направлению оказалась «исключительным во всей России учебным заведением»²⁷⁵, будучи единственной миссионерской среди всех 58 православных семинарий империи, в число которых входило 14 «инородческих» семинарий синодального ведомства.

Семинария предназначалась преимущественно для абитуриентов из Осетии, окончивших местную церковно-приходскую школу или духовное училище во Владикавказе, но в нее могли попасть юноши и из других кавказских регионов, в том числе неправославного исповедания, к примеру, в 1898 г. среди воспитанников семинарии было шесть мусульман²⁷⁶. Для таких кандидатов при семинарии действовала подготовительная школа и выделялось 15 стипендий по 60 руб. Подавляющее большинство учащихся были осетинами, но в се-

²⁷³ ПСЗ-III. Т. XV. № 11999.

²⁷⁴ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. СПб.: Синодальная типография, 1898. С. 321.

²⁷⁵ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.

²⁷⁶ Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880-1901. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1903. С. 298.

минарии учились и русские, и выходцы из других кавказских регионов: например, в том же учебном году среди воспитанников было 106 осетин, 39 русских, четверо грузин и один кабардинец²⁷⁷. Более того, из 150 учащихся семинарии лишь небольшая часть была представлена выходцами из духовного сословия, остальные же воспитанники происходили из крестьян, ремесленников, казаков²⁷⁸.

Стать абитуриентами семинарии могли юноши 14-18 лет, окончившие церковно-приходскую школу ведения ОВПХ или духовное училище. Плата за обучение была относительно невысокой, составляя 20 руб. в год. Кроме того, Св. Синодом и Советом ОВПХ в равных долях субсидировались казенные вакансии, на которые определялось по шесть человек «из русских» и «из туземцев» – это должны были быть лучшие ученики из самых необеспеченных семей. С 1897 г. в семинарии при Покровской семинарской церкви существовал институт «попечительства о бедных воспитанниках». В 1899 г., например, основной капитал попечительства составлял 2141 руб., из которого на нужды учеников было израсходовано 386 руб.²⁷⁹ Для привлечения в семинарию возможно большего числа горцев ОВПХ в 1900 году ходатайствовало перед Синодом о передаче в распоряжение Совета Общества 15 казеннокоштных стипендий для отличившихся выпускников церковно-приходских школ: «по преимуществу детей горских народов – хевсур, пшавов, тушин, сванов, абхазцев и др., не исключая и детей священно-служителей горских приходов...»²⁸⁰

²⁷⁷ Там же. С. 297-298.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год. СПб.: Синодальная типография, 1902. С. 187.

²⁸⁰ Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880-1901. С. 317-318.

Ардон. Александровская миссионерская духовная семинария

Рассчитанная не на три (как в училище), а на шесть классов (причем на каждый класс отводилось по одному году), программа семинарии несколько приближала ее к светским средним учебным заведениям. Основную учебную программу составляли богослужебные дисциплины, общеобразовательный цикл включал исторические и математические дисциплины, педагогику, дидактику с основами психологии и логики, пение и т. п. В отдельный блок входили языковые предметы – русский и осетинский (преподаваемым сверх учебной программы) языки, при этом осетинский проходил всеми учениками безотносительно к национальной принадлежности, поскольку он рассматривался как предмет «миссионерский». Занятия осетинским языком с учениками русскими, грузинами и «вообще не-осетинами» начинались с 3-4 классов и заключались в чтении осетинского Евангелия, которое, как считалось, при надлежащем старании могло помочь в освоении осетинской разговорной речи. Для семинаристов-осетин преподавание языка начиналось с 1-го класса: сначала с чтения букваря и выучивания некоторых молитв, а с 3-го класса – богослужебных книг и стихов осетинских поэтов. Чтение дополнялось «поучениями на разные случаи и между прочим по поводу

некоторых обычаев и ненормальных явлений, сохранившихся у осетин от времен язычества»²⁸¹. В старших классах все воспитанники уже практиковались в самостоятельном составлении и произнесении проповеди на осетинском языке. Будущие священнослужители знакомились и с основами ислама как особым «миссионерским» предметом – для ведения «противомусульманской полемики» (этот предмет преподавался, кроме Александровской, также в Оренбургской, Таврической – с января 1908 года – и Уфимской семинариях²⁸², а при прохождении курса всеобщей истории особое внимание уделялось вопросам, касающимся мусульманской религии. Среди учебных дисциплин числился также краткий курс анатомии и физиологии (изучаемый еще лишь в Рижской и Витебской семинариях) и, как предмет обязательный, – гигиена (проходила только в восьми семинариях). Уровень учителей семинарии, ведущих светские дисциплины, был довольно высоким, и здесь преподавали выпускники всех четырех высших духовных учебных заведений православного ведомства Российской империи: Московской, Санкт-Петербургской, Казанской и Киевской духовных академий²⁸³. Для обучения воспитанников практическим ремесленным навыкам семинария имела свои мастерские – столярную с точильным станком и переплетную, что тоже было не типичным явлением для духовных семинарий: столярно-токарному ремеслу, кроме Александровской, обучали еще только в четырех семинариях, а переплетному делу – в 13²⁸⁴.

²⁸¹ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 годы. СПб.: Синодальная типография, 1910. С. 192-193.

²⁸² Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 годы. СПб.: Синодальная типография, 1911. С. 452.

²⁸³ См., например: Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880-1901. С. 287-297.

²⁸⁴ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода

Однако даже при относительно широкой учебной программе семинарии ее миссионерский статус предполагал значительное сокращение предметного перечня общеобразовательного цикла и исключение из него обязательных в нормальных духовных семинариях иностранных языков, в том числе греческого и латинского. Кроме того, воспитанникам не преподавались и специальные богословские дисциплины: изъяснение Священного Писания Ветхого Завета, история русского раскола и пр. Таким образом, даже будучи достаточно обширным, но адаптированным к конкретным задачам подготовки миссионеров для служения в осетинских приходах, учебный курс семинарии не обеспечивал среднего духовного образования, что ограничивало ее выпускников в возможностях продолжить обучение в высших учебных заведениях (исключение составляли Казанская духовная академия и Юрьевский ветеринарный институт). Но особая миссия, которая возлагалась на семинарию как духовное учебное заведение, готовившее миссионеров для служения на «инородческой» кавказской окраине, обусловила то особое внимание, которое уделялось изучению осетинского языка и основ ислама. С другой стороны, определенная ущербность учебного курса и, как следствие, – отсутствие полноценного среднего богословского образования лишали воспитанников семинарии дальнейших карьерных перспектив. Более того, семинаристы не именовались студентами, как это было в нормальных духовных семинариях. Правление учебного заведения, понимая, что подобное положение негативно влияет на общие настроения и престиж заведения, ходатайствовало перед Св. Синодом, чтобы окончившие семинарию по первому разряду (т. е. на отлично) могли удостоиваться звания студента. Еще в 1898 г. в соответствии с решением Св. Синода звание студентов Александровской миссионерской семинарии присваивалось лишь «перворазрядникам», выдержавшим специальные экзамены «по тем предметам

К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год. СПб.: Синодальная типография, 1902. С. 209.

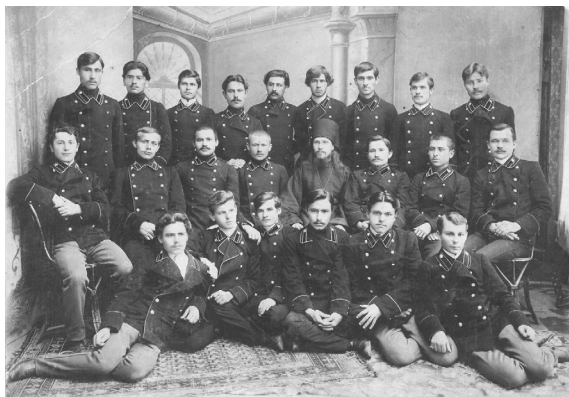
богословского и общеобразовательного курса, которые совсем не изучаются в названной семинарии, именно: по изъяснению Св. Писания Ветхого Завета, истории и обличению русского раскола, обличительному богословию, алгебре, логике, психологии и древнему языку»²⁸⁵. Но и в случае удовлетворительного прохождения испытания выпускник не получал аттестата, дающего право поступления в университет, а в его свидетельстве об окончании семинарии лишь делалась особая пометка.

Подобное положение семинаристов и тех выпускников (в том числе и уроженцев Осетии), которые никак не связывали свое будущее со служением в осетинских приходах, не могло не вызывать недовольство, усилившееся на фоне общих волнений 1905-1907 гг. И 30 сентября 1908 г. Ардонская Александровская миссионерская духовная семинария высочайшим повелением была преобразована в нормальную духовную семинарию²⁸⁶. В указе Св. Синода от 4 августа того же года говорилось, что преобразование «желательно в целях представления местным, как русским, так и осетинам, возможности получения нормального среднего духовного образования во всей его полноте и со всеми его правами»²⁸⁷. Став нормальной, семинария приблизилась по статусу к средним учебным заведениям, соответствуя светским гимназиям. Семинария содержалась на средства ОВПХ, размер которых не менялся (11125 руб.), а дополнительные расходы (до 5-6 тыс. руб.) несла Владикавказская епархия. Подготовительная школа, выпустив учеников 1908-1909 уч. г., закрывалась, и в будущем желающие поступить в семинарию должны были направляться в духовное училище во Владикавказе, куда переводились и имеющиеся для абитуриентов-осетин 15 стипендий ОВПХ. Переход к учебной программе нормальной семинарии осуществлялся постепенно и полностью завершился в 1914 году.

²⁸⁵ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 год. СПб.: Синодальная типография, 1901. С. 164-165.

²⁸⁶ ПСЗ-III. Т. XXVIII. Отд. 1-е. № 31032.

²⁸⁷ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

Воспитанники Александровской духовной семинарии. 1909 г.

Но и в новом качестве Александровская духовная семинария сохраняла миссионерскую направленность, и в ее программе остались осетинский язык и «противо-мусульманская полемика»²⁸⁸. Изменения коснулись порядка прохождения этих предметов. Так, обязательность изучения осетинского языка сохранилась лишь для воспитанников-осетин и только в старших классах – 5-м и 6-м. Взамен мальчики-осетины освобождались от изучения древних и новых иностранных языков, обязательных для всех остальных воспитанников. Греческим мальчики-осетины могли заниматься факультативно, чтобы сдать по нему экзамен и получить права окончивших нормальную духовную семинарию²⁸⁹.

Повышение статуса семинарии и относительно невысокая плата за обучение сделали ее еще более привлекательной, что объяснялось не столько стремлением поступающих к получению духовного образования и будущей миссионерской деятельности, сколько тягой к удовлетворению собственных образовательных потребностей. Однако далеко не все желающие могли попасть в это учебное заведение. Во-первых, свою роль играла ограниченность средств, которыми располагало

²⁸⁸ Там же. Л. 6.

²⁸⁹ Материалы по истории осетинского народа. С. 259.

ОВПХ на содержание семинарии, хватавших лишь для обучения не более полутора сотен воспитанников²⁹⁰. Во-вторых, к поступающим стали предъявляться и более высокие требования, и абитуриенты из местной горской среды, за плечами которых была лишь церковно-приходская школа, дающая весьма ограниченный объем знаний, не могли им соответствовать. В результате семинария недобирала учащихся, а основной контингент поступающих стал формироваться из т. н. «иноепархиальных», то есть выходцев из других епархий, что не соответствовало планам церковного начальства готовить служителей исключительно для Осетии. Впрочем, уже с 1912-1913 учебного года семинарии разрешалось принимать абитуриентов из других регионов Северного Кавказа. Однако этот шаг не привел к желаемым результатам: из-за расширения общеобразовательного цикла, последовавшего после повышения статуса семинарии, воспитанники получали право покинуть ее после четвертого класса и продолжить обучение в светских учебных заведениях. Этим правом охотно пользовались не только те учащиеся, которые прибыли в семинарию из разных уголков Терской области и других областей Кавказа, но и местные воспитанники. В результате Ардонская Александровская духовная семинария, даже став нормальной, не справлялась со своим миссионерским предназначением, поскольку мало кто из ее выпускников посвящал себя духовному и учительскому поприщу на службе в приходах Осетии и школах при них. Основная их часть стремилась продолжить образование в высших учебных заведениях России и Кавказа, пополняя впоследствии ряды молодой национальной интеллигенции. И лишь наиболее способные из тех 15 воспитанников, которых семинария выпускала ежегодно, направлялись для работы в осетинские церковно-приходские школы²⁹¹.

Ардонская Александровская духовная семинария просуществовала вплоть до революции 1917 г. Вместе с другими

²⁹⁰ Там же. С. 162, 164.

²⁹¹ Там же. С. 162.

церковными учебными заведениями постановлением СНК от 11 (24) декабря 1917 г. она была передана в ведение Народного комиссариата просвещения. Декретом Народного комиссариата просвещения Терской области во второй половине 1918 г. Александровская духовная семинария была преобразована в Осетинскую общую гимназию²⁹².

* * *

Роль Ардонской духовной семинарии в развитии социокультурного потенциала Осетии трудно переоценить. Ориентированная на достижение миссионерских целей среди населения края, представлявшего не слишком многочисленный и недостаточно устойчивый в вопросах веры²⁹³ православный анклав в иноконфессиональном окружении, семинария за двадцать лет своего существования так и не решила задачи, поставленные при ее создании – подготовка учительских кадров для осетинских церковно-приходских школ и священнослужителей для приходов Владикавказской епархии и Южной Осетии. Результаты деятельности семинарии проявились в другом – «она сыграла, вопреки воле и желанию своих организаторов, выдающуюся роль в создании первых кадров осетинской интеллигенции, разношерстной по своему классовому происхождению и политическим убеждениям»²⁹⁴. Безусловной была роль этого учебного заведения как в распространении русского языка – языка обучения, так и упрочении социальных позиций осетинского языка – языка богослужения.

²⁹² Сланов И. А. Ардонская духовная семинария (к 100-летию основания). Владикавказ: Проект-Пресс, 1999. С. 116.

²⁹³ Среди осетин были и мусульмане, преимущественно представители традиционной социальной элиты, имевшие значительное влияние на горское крестьянство. Мусульманским было и население Дигории – западной части Осетии.

²⁹⁴ Черджиев Х. С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1958. С. 11.

ГЛАВА 3.

ПАРАДОКСЫ «РУСИФИКАЦИИ»

Терская периодика начала XX века о путях развития осетинской «народной» школы

Образовательные реформы 70-х гг. XX в. создали устойчивые предпосылки для развития системы народного просвещения в Российской империи, нижние уровни которой заняли начальные школы, ставшие самым распространенным типом образовательных учреждений для подавляющего большинства податного населения. На северокавказской периферии, как и в Центральной России, большая часть начальных школ курировалась духовным ведомством, ориентированным прежде всего на воспитание учеников в духе православной веры и достижение миссионерских целей в среде «инородческого» и «иноверческого» местного населения, подавляющую часть которого составляли мусульмане. Тенденция на всеобщую клерикализацию образования, заданная реформой начальной приходской школы середины 80-х гг. XIX в., лишь усилила это направление в учебной практике церковно-приходских школ в начале XX в., хотя и в ущерб собственно просветительским задачам. Ощутимые изъяны церковного образования, все более обостряющаяся проблема преподавательских кадров для церковно-приходских школ и очевидная недостаточность самих школ, нехватка финансирования образовательных учреждений духовного ведомства на фоне заметных вливаний казенных средств в школы ведения Министерства народного просвещения, активизировавшего свою деятельность по их открытию к концу девятнадцатого столетия, уже в начале XX в., после некоторого оживления 1890-х гг., привели церковно-приходскую школу в состояние глубокого упадка.

Вместе с тем, все нарастающая в местной среде потребность в получении хотя бы элементарных начальных знаний,

обусловленная в первую очередь практическими соображениями адаптации к новым социально-экономическим реалиям, настоятельно требовали существенных изменений в подходах к структурным и содержательным компонентам низшей ступени системы народного просвещения. В духовном ведомстве всерьез задумались о реорганизации своей начальной школы, которая должна была адекватно отвечать требованиям времени.

Средством, которое, как считали в Св. Синоде, должно было вывести церковную школу из кризиса, стала крупная организационная реформа 1902 г. Принятое тогда же новое Положение о церковно-приходских школах ведомства православного исповедания предлагало иные подходы к устройству начальной церковной школы, учитывающие как запросы общества в расширении ее общеобразовательного цикла, так и потребности самой церковной школы в подготовленных учительских кадрах²⁹⁵.

Эффективность реформы, однако, оказалась не столь впечатляющей – сам институт церковной школы на Северном Кавказе, как и в России в целом, не выдерживал конкуренции со светской («министерской») школой, поскольку та предлагала своим выпускникам более широкие перспективы социального и экономического роста, подготавливая их к жизни в новой реальности. Духовное начальство сетовало, что горцы идут в церковно-приходскую школу не за духовным знанием, а с целью продолжить образование и занять должность, объясняя эту тенденцию «высоким практичным умом осетина» и «практическим складом народа» в целом. Факт отсутствия в Осетии начала XX в. особых симпатий к церковной школе с ее миссионерским характером представителями епархиального духовенства признавался как очевидный в связи с тем, что, «смотря на все по преимуществу с точки зрения выгоды и права, осетины отдают своих детей в школу с одною целью, – подготовить их к поступлению в какое-либо среднее учебное

²⁹⁵ ПСЗ-III. Т. XXII. Ч. 1. № 21290.

заведение». Жалуясь на «практичный ум» горцев, они напоминали, что церковная школа предназначена не для подготовки детей в гимназии и реальные училища, а для их православного просвещения, с тем чтобы дать Осетии грамотных людей, не теряющих связи со своей родной средой – «в России простой народ именно так и смотрит на школу и никогда не думает о том, чтобы дети их поступали в средние и высшие школы»²⁹⁶.

Таковыми же соображениями о практической пользе образования руководствовались и воспитанники Александровской миссионерской духовной семинарии в с. Ардон Владикавказского округа Терской области. Как уже было сказано, семинария создавалась с целью обеспечить осетинские приходы церковнослужителями из местного населения, одинаково хорошо владеющих как родным (осетинским), так и русским языком, и решить, наконец, задачу пополнения церковно-приходских школ Осетии учительскими кадрами²⁹⁷. Однако практика показала, что к духовной семинарии абитуриентов привлекал именно ее статус среднего учебного заведения, позволявший выпускникам продолжить образование. Это обстоятельство тоже вызывало сожаления у духовного начальства: подчеркивая, что семинария как специальное учебное заведение никак не связана с Осетией материально и что миссионерство не сочетается с «материальным прибытком», священнослужители с явным раздражением констатировали, что в представлениях народа «семинария является... только средством к тому, чтобы на даровые деньги пробраться или в высшие учебные заведения, или на должности, ничего общего с миссионерством не имеющие»²⁹⁸. Действительно, лишь небольшая часть воспитанников соглашалась на учительское либо священническое поприще. Подавляющее их большинство в приходы не шло,

²⁹⁶ И. Алексий. Школьное дело в Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости (ВЕВ). Часть неофициальная. 1906. 1 января 1906 г. № 1. С. 17-18.

²⁹⁷ ПСЗ-III. Т. XV. № 11999.

²⁹⁸ И. Алексий. Указ. соч. С. 18.

и многие семинаристы, руководствуясь карьерными перспективами, стремились продолжить обучение в высших учебных заведениях страны и региона, повышая таким образом свой социальный статус и укрепляя материальное положение. В результате своей деятельности семинария дала Осетии и в целом Терской области намного больше представителей светской национальной интеллигенции, чем священнослужителей. Безусловно, это обстоятельство позитивно сказалось на развитии общей социокультурной ситуации в Осетии, но не снизило остроты проблемы преподавательских кадров для осетинской церковной школы.

В результате усилия церковных властей Владикавказской епархии по восстановлению прежних позиций церковной школы в образовательном пространстве региона и разрешению ее насущных проблем так и не привели к ожидаемым результатам, а сам институт церковной школы постепенно утрачивал доминирующий статус, уступая лидерство светским учебным заведениям начального уровня – т. н. «министерским» школам, полнее удовлетворявшим возросшим образовательным потребностям населения региона.

* * *

Борьба двух тенденций в устройстве начальной ступени системы народного просвещения нашла отражение на страницах региональной периодики конца XIX – начала XX в. – как светской, так и церковной (газ. «Терские ведомости», «Кавказ», «Терек», «Казбек», «Северный Кавказ», «Владикавказские епархиальные ведомости» и др.). Активными участниками дискуссий о путях развития народного образования в Осетии стали представители местной учительской интеллигенции (духовной и светской), публицисты, должностные лица, представители учебной и церковной администрации: Х. Уруймагов, Г. Цаголов, А. Кодзаев, М. Гарданов, К. Хетагуров, С. Фарфоровский и др.

Дискуссия в печати велась по нескольким направлениям, каждое из которых, фокусируясь на наиболее болезненных проблемах начальной школы, имело острое социальное звучание²⁹⁹. Прежде всего это касалось качества образования, которое напрямую зависело от цели начальной школы, а она в свою очередь определяла будущность учеников. Новые реалии настоятельно требовали от горцев скорейшей адаптации к сложившимся экономическим условиям рыночной экономики и, соответственно, овладения навыками ведения прибыльного хозяйства, что в принципе отличало капиталистическую экономику от традиционных хозяйственных моделей и практик, нацеленных на простое воспроизводство имеющихся ресурсов. Нужно сказать, что начальная приходская школа на Северном Кавказе в том виде, в каком она функционировала еще в первые пореформенные десятилетия, учитывала эти потребности горцев, что на первых порах и определяло успехи школьного дела – горцы шли в приходскую школу за практическими навыками, и даже языковой барьер не останавливал сельчан в их стремлении к образованию, овладению русским языком и, таким образом, получению хотя бы элементарных сведений из практической плоскости – в сельском хозяйстве либо ремесле. И многие устраивавшиеся в селах приходские школы были оборудованы столярными или слесарными мастерскими, имели небольшие садово-огородные участки, где ученики знакомились с основами садоводства и огородничества, а средства от продажи продукции шли на поддержание школы – ремонт, закупку пособий и учебников и т. п.³⁰⁰ Началам ремесла в столярной и переплетной мастерских обучали даже в Ардонской

²⁹⁹ См., например: Айларова С. А., Тотаева Д. Э. Дискуссия о церковно-приходских школах в терской печати (нвч. XX в.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2019. № 4. С. 12-18.

³⁰⁰ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 73. Л. 10.

духовной семинарии³⁰¹. Да и самому населению было по большому счету безразлично – в церковной или «министерской» школе будут учиться дети, главное – чтобы они овладели грамотой и необходимыми в дальнейшей профессиональной жизни навыками, в перспективе обеспечивающими юное поколение более устойчивыми и более выигрышными стартовыми социальными позициями.

Характерно, что и в высшей администрации Терской области понимали практический интерес местных жителей к школе, который, как там полагали, необходимо было поддерживать всеми возможными средствами, в том числе путем открытия новых учебных заведений «для народа», поскольку именно «народная школа, приспособленная к характеру и потребностям населения, является одним из могущественнейших орудий культуры и водворения гражданственности»³⁰².

Наступление нового столетия обострило уже обозначившуюся к концу XIX в. проблему – приходская школа перестала отвечать запросам горцев и уже не являлась «школой для народа». И в начале XX в., отмеченного революционными настроениями, проникшими в самые отдаленные регионы Российской империи, начальная школа сделалась «самым чувствительным нервом общественной жизни»³⁰³, а вопросы ее текущего положения и возможного будущего оказались в центре общественного внимания. Общее мнение по поводу современного состояния церковной школы на страницах епархиального издания выразил Михаил Гарданов – известный в Осетии публицист и педагог. Имея значительный опыт

³⁰¹ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб.: Синодальная типография, 1905. С. 209.

³⁰² Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 год. Владикавказ: Тип. обл. правления Терск. обл., 1894. С. 58.

³⁰³ Кодзаев А. К учащим церковных школ Северной Осетии // ВЕВ. Часть неофициальная. 1 января 1906 г. №1. С. 12.

работы именно в церковных школах Владикавказской епархии, М. Гарданов констатировал, что они, «нынешние школы», постепенно «приняли какой-то отвлеченный характер» и «сделались односторонними, лишеными жизненного интереса; из источника жизни превратились в мертвую букву циркуляра или программы», потеряв таким образом всякую связь с реальной горской действительностью. Поэтому первым требованием, предъявляемым к современной школе, становилось ее «сближение с народом»³⁰⁴. В «новой» – народной – школе были заинтересованы и учителя церковно-приходских школ, недовольные ни их учебными программами с устаревшей методикой, ни скудным материальным вознаграждением своего труда, ни отсутствием каких бы то ни было жизненных перспектив³⁰⁵. Характерным явлением в жизни церковной школы стали переходы учителей в школы ведения Терской дирекции народных училищ, т. е. светские³⁰⁶.

Лейтмотивом публицистических выступлений, посвященных проблемам начальной народной школы, звучало требование приблизить ее к современным потребностям экономического развития края, которое могло бы обеспечить его быстрый хозяйственный и культурный прогресс и преодолеть таким образом отсталость и нищету. По общему мнению, выраженному на страницах печати, школа должна заниматься вопросами экономического благосостояния народа. Что этому препятствует и каким образом достичь желаемой переориентации школы и составляло основное содержание публикаций оппонентов. Единственное, в чем сходились участники дискуссий, – это признание назревшей необходимости глубоко-

³⁰⁴ Гарданов М. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // ВЕВ. 15 марта 1909 г. №6. С. 203.

³⁰⁵ Айларова С. А. Осетинское учительство: самосознание и повседневность (конец XIX – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 42 (81). С. 21-31.

³⁰⁶ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 55-56.

го реформирования начальной школы за счет расширения ее общеобразовательной составляющей и формирования у учеников «полезных» в реальной жизни практических навыков. Что же касается ее направления – миссионерского либо светского, – то мнения, высказанные на страницах периодической печати, заметно разнились, и на вопрос – какой все же быть поистине «народной» школе – церковной (миссионерской) или светской? – давались разные ответы.

В принципе, спор о характере и типе начальной школы шел в русле давнишнего противостояния Св. Синода и Министерства народного просвещения. Понятно, что как само духовное ведомство, так и его представители, в том числе и в среде осетинской учительской корпорации, отстаивали необходимость сохранения в регионах с нехристианским населением миссионерского характера своей школы с ее, хотя и довольно скудной, но выверенной соответственно миссионерскому предназначению программой: Закон божий, языки (русский и осетинский), арифметика, кое-где – география с русской историей и церковное пение (во второклассных школах); иногда в курс вводилось церковно-славянское чтение³⁰⁷. Настаивая на необходимости сохранения миссионерской направленности школы, в Ардонском отделении Владикавказского епархиального училищного совета утверждали, что в отличие от школы, действующей в России и предназначенной для русских учеников, школа на Кавказе – это «миссионерский стан, откуда единственно... распространяется свет веры Христовой, и в то же время школы в ауле единственное просветительное учреждение, откуда распространяется широкое знакомство с русской речью и влияние на улучшение нравов... министерская (т.е. светская. – *Авт.*) школа в Осетии будет парализовать миссионерское дело»³⁰⁸. Поэтому, как были убеждены в Ардонском отделении, «ника-

³⁰⁷ Там же. Д. 73. Л. 6.

³⁰⁸ Там же. Д. 7. Л. 29-30.

кую другую, как строго церковную [школу] нужно насаждать в Осетии... И учителя поэтому здесь должны быть со строго церковным образованием и настроением»³⁰⁹.

Но в начале XX в. миссионерское значение церковных школ перестало отвечать духу времени, исчерпав свой потенциал: школа уже не давала своим ученикам не только гражданского, но и «религиозного воспитания»³¹⁰, – к такому неутешительному выводу пришли в училищном совете Владикавказской епархии. Очередная ревизия церковно-приходских школ показала их плачевное (за немногими исключениями) положение, и, хотя на поддержку начальных учебных заведений отпускались немалые деньги (как отмечалось в отчете о результатах ревизии), «преподавание или вовсе не велось, или кое-как», а сами школы «брошены на произвол судьбы»³¹¹.

Состоянием школы было обеспокоено не только епархиальное начальство, но и сами педагоги, констатирующие факт несоответствия современной церковной школы Северной Осетии своему назначению и ее неспособности удовлетворить требования современного горца, «ищущего спасения в школе как от внешнего мирского давления, так и от религиозного падения», не давая никаких убеждений и твердых познаний в области религии³¹². А в одной из полемических заметок в региональной газете ее автор, яркий публицист и поэт Г. Цаголов, даже предсказывал осетинским церковно-приходским школам печальную будущность в связи с их полным опустошением. Цаголов сетует, что наблюдать за упадком народного образования еще больнее от того, что Осетия выдвинулась далеко вперед по сравнению со своими соседями по количеству школ и числу

³⁰⁹ Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1942. Т. V. С. 164.

³¹⁰ Там же. С. 186.

³¹¹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

³¹² Уруймагов Х. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Терек. 7 мая 1909 г. № 3425.

людей, имевших не только начальное, но и среднее и высшее образование. Автор подчеркивает, что в Осетии не осталось селения или прихода, где бы не имелось школы, а в некоторых селах действовало даже две-три. Кроме того, наряду с мужскими здесь действовали и женские школы. Автор предлагает отвлечься от количественных показателей и обратить внимание на качественные характеристики народного образования, и тогда очевидным становится, что оно оставляет желать много лучшего. Публицист выделяет два, по его мнению, особо крупных недостатка народного образования в Осетии: «игнорирование родного языка и затем неподходящий тип учебных заведений». Не останавливаясь на первом, Цаголов анализирует второй и приходит к выводу о том, что церковно-приходская школа значительно уступает министерской по целому ряду критериев, в числе которых «непроизводительность» учебного процесса в церковной школе и несоответствие самих ее «основ и духа» народной жизни. Не высказываясь напрямую о необходимости преобразования церковно-приходской школы, Цаголов предлагает расширить сеть министерских школ за счет открытия новых³¹³.

Деградация миссионерского значения церковной школы тревожила и христианских публицистов, поскольку имела следствием отсутствие в Осетии религиозного чувства и самосознания, причем не только христианского, но и мусульманского, в результате чего народ оказался «в религиозном заблуждении»³¹⁴.

Впрочем, подобная точка зрения была не единственной: к примеру, А. Кодзаев, служивший тогда наблюдателем церковно-приходских школ Осетии, горячо отстаивал идею незаменимости для христианской Осетии школы православного ведомства, подчеркивая ее историческую роль в распространении

³¹³ Цаголов Г. К вопросу о народном образовании // Казбек. 1903. № 1625.

³¹⁴ Гарданов М. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // ВЕВ. 15 марта 1909 г. № 6. С. 201-202.

нии грамотности среди горцев³¹⁵. Он с жаром писал о прогрессе школьного дела в Осетии, что подтверждалось как увеличением числа школ (с 53 до 69, включая 20 двухклассных), так и введением в школьную практику новых форм общественного контроля в виде «школьных советов» и открытием корпоративного «общества взаимопомощи учащим»³¹⁶. В качестве примеров, однозначно свидетельствующих в пользу оживления церковной школы в начале XX в. и ее ориентации на народные нужды, Кодзаев перечислял проекты создания центральной школы художественного женского рукоделия с курсами домоводства и должности специалиста по сельскому хозяйству, введения в школьную программу занятий гимнастикой для «телесного развития» детей, расширения обязательной школьной программы по типу двухклассных школ (в них курс дополнялся сведениями из истории, географии, черчением и иногда рисованием) и, главное, – перехода от устаревшего «переводного метода», на который в методическом плане опирались начальные школы, к современному «натуральному методу», позволяющему ученикам составить более полное представление об изучаемом предмете. О внимании к школе и внешкольному образованию, по мнению автора, говорили и такие факты, как организация внеклассного чтения школьников и устройство народных чтений «с помощью волшебного фонаря»³¹⁷.

* * *

Как бы то ни было, задача «перевоспитания туземцев» и распространения в горской среде «гражданственности и культуры» посредством начальной школы оставалась по-прежнему трудноразрешимой: «Во-первых, – писал в своем отчете

³¹⁵ Терские ведомости. 1903. № 146.

³¹⁶ Кодзаев А. К учащим церковных школ Северной Осетии // ВЕВ. 15 декабря 1905. № 24. С. 497.

³¹⁷ Там же. С. 498-500.

начальник Терской области, – мусульмане не доверяют русской школе, опасаясь, что она будет способствовать переходу учеников из ислама в христианство; во-вторых, большинство горцев и до сих пор не убеждено в полезности школьного образования, так как не видит наглядных доказательств его, и, наконец, в-третьих – в существующие начальные горские школы (за исключением осетинских) приходится назначать учителей, совершенно не знакомых ни с языком своих учеников, ни с бытовым укладом их родителей. Иных учителей взять решительно негде, в виду почти поголовной безграмотности всех горских племен, кроме осетин»³¹⁸.

Проблема преподавательских кадров для церковно-приходских школ сама по себе была достаточно острой. И дело было даже не столько в том, что учителей катастрофически не хватало в силу целого ряда объективных обстоятельств (как, впрочем, не хватало и самих школ, особенно в горных районах, о чем отдельно говорили в епархиальном училищном совете), сколько в слабой подготовке большей их части к собственно педагогической работе. Положение о церковно-приходских школах 1902 г. прописывало требования к учительскому персоналу: преподавать в церковно-приходских школах имели право лица, окончившие средние и высшие учебные заведения либо имеющие свидетельство на звание учителя или учительницы начальных школ; если же «правоспособных» кандидатов на замещение учительских должностей не хватало, то дозволялось принимать и выпускников второклассных школ, готовивших учителей в школы грамоты, либо тех, кого местное отделение епархиального училищного совета признает способным к преподавательской деятельности³¹⁹. Иными словами, по закону учителями в церковно-приходские школы могли назначаться лица, получившие хотя бы минимальную профессиональную подготовку. Однако в Осетии это условие соблюсти было слож-

³¹⁸ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

³¹⁹ ПСЗ-III. Т. XXII. Ч. 1. № 21290. С. 209.

но в силу явно недостаточного числа профессиональных учителей: подготовленную часть учительства от церковно-приходской школы отвращали тяжелые материальные, правовые и бытовые условия (особенно в горных приходах), и люди искали себе лучшее место работы. В школах же духовного ведомства оставались те, у кого не получилось выйти в другую область деятельности³²⁰, и на учительские должности могли назначаться выбывшие по каким-либо причинам из Александровской миссионерской семинарии, воспитанницы Осетинского женского приюта или женского епархиального училища во Владикавказе, в целом мало отличавшиеся по уровню подготовки от простого школьника. К примеру, в 1901 г. из 81 преподавателя осетинских церковно-приходских школ и школ грамоты было только 49 правоспособных, т. е. имевших звание учителя³²¹. Что касается предметов богословского цикла, то велись они приходскими священниками либо членами причта, не получавшими вознаграждения за дополнительную (учебную) нагрузку и не слишком заинтересованными в качестве преподавания.

Профессиональная непригодность и низкий уровень общекультурной подготовки учителей и самих священников, отталкивающие население от церковной школы, признавались и епархиальными властями. Даже среди выпускников Александровской миссионерской семинарии, состоявших учителями в церковно-приходских школах Осетии, по признанию ректора семинарии и председателя Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета К. Токаева, «вполне правоспособных и достойных» чувствовался «крайний недостаток»³²². Более определенно на страницах «Владикавказских епархиальных ведомостей» высказывался М. К. Гарданов: «И школы и церкви поручены большей частью лицам, стоящим невысоко в умственном и культурном

³²⁰ Габеев А. Я. Основные этапы развития народного образования в Осетии. С. 23.

³²¹ Там же.

³²² Материалы по истории осетинского народа. С. 162.

отношении. Потому народ не верит этим представителям русской гражданственности и церковности, не с охотой посещает церковь и не с охотою поручает судьбу своих детей русской церковной школе...»³²³. По мнению Гарданова, работавший в школах контингент учителей и священников-заведующих был не в состоянии оправдать надежды на возрождение школы и ее «сближение с народом», поскольку «и священник, и учитель считают себя рожденными не для этой темной среды, не для осетинских детей. Эти дети слишком грязны и суровы, потому и подальше от них»³²⁴. Работа в школе, как уверял публицист, для подавляющего числа учителей была тяжелой повинностью. Впрочем, автор не исключал того творческого потенциала, который несет в себе «нравственная сила школьных работников», их безусловная преданность своему делу, «но ведь таких людей мало...», – с сожалением заключает Гарданов.

Задумываясь о будущем церковной начальной школы (а учитывая то обстоятельство, что, за немногими исключениями, в Осетии практически все учебные заведения начального уровня для горцев были церковными, оставаясь первой и последней ступенью образования, – и о будущем осетинской школы в целом), Гарданов выступает в епархиальной печати с собственным проектом реформирования осетинских церковно-приходских школ. Возродить «миссионерский дух» школы и вернуть ей доверие со стороны населения могли бы специально организованные второклассные школы и церковно-учительские семинарии, открытые в горной Осетии для подготовки учителей – именно это, по мысли Гарданова, отстаивающего необходимость и даже незаменимость церковной школы для Осетии, и могло бы приобщить к христианству горное население края, «прозябающее в религиозном

³²³ Гарданов М. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // ВЕВ. 29 марта 1909 г. № 7. С. 231.

³²⁴ Гарданов М. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // ВЕВ. 15 марта 1909 г. № 6. С. 203.

невежестве», и оживить саму школу³²⁵. Напомним, что второклассные школы были созданы по инициативе синодального Училищного совета «в виде опыта и проекта» в 1896 г. и распространились главным образом в Центральной России (хотя единичные открывались и на Северном Кавказе), а затем в соответствии с Положением о церковно-приходских школах ведомства православного исповедания 1902 г. они стали низшим звеном в системе церковного педагогического образования, предназначаясь для подготовки учителей в школы грамоты и воскресные школы и получив широкое распространение в силу своей доступности как для детей, так и для взрослых, желающих овладеть грамотой. Выпускники второклассных школ учительского звания не получали – для этого требовалось окончить церковно-учительскую школу, приравненную по программе к учительской семинарии. В Осетии ни второклассных, ни церковно-учительских школ не появилось, хотя школ грамоты вместе с единичными воскресными насчитывалось почти три десятка, и учительствовали в них выпускники церковно-приходских школ, воспитанницы Владикавказского Осетинского женского приюта, а иногда занятия велись учениками старших классов церковно-приходских школ – т. е. лицами, в общем-то не имеющими права вести педагогическую деятельность в церковно-приходских школах.

О настоятельной необходимости учреждения в Осетии специального педагогического учебного заведения, которые бы «хорошо и основательно» готовило учителей для церковных школ, еще ранее говорилось и в епархиальной учебной администрации. Там всерьез были обеспокоены не только общим крайне неудовлетворительным состоянием местных церковных школ, но и «просто невозможным с педагогической точки зрения» учительским персоналом – «едва ли в какой губернии России есть учителя церковных школ с столь малой

³²⁵ Гарданов М. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // ВЕВ. 29 марта 1909 г. № 7. С. 230.

подготовкой, как в школе осетинской», – отмечалось в заметке, опубликованной в епархиальном издании³²⁶. Решение насущной проблемы виделось в создании церковно-педагогического училища взамен существующей в Ардоне духовной семинарии, которая не могла дать хороших учителей и выпускники которой видели перед собой «более широкие перспективы жизни, чем трудовая жизнь школьного учителя»³²⁷.

Идея Гарданова об открытии специальных педагогических учебных заведений в Осетии была по-своему оригинальной, особенно если учесть, что их предлагалось устраивать в горной части края, где и начальных-то школ было чрезвычайно мало, да и те, что имелись, посещало не более 2% «из всего полустотысячного горского населения». Ввиду их неэффективности публицист полагал и существующее число школ избыточным и считал возможным сократить их количество, а высвободившиеся средства направить на финансирование сети второклассных школ. В предлагаемой им организационной модели начальные церковно-приходские школы выполняли бы функции подготовительных для второклассных учительских, руководство которыми должно было быть возложено на освобожденного от церковной службы «бескорыстного миссионера-священника», занятого лишь учебным процессом во вверенном ему учебном заведении. «Тогда цель церковной школы будет достигнута полнее: вместо настоящих, плохо-обставленных, жалких школ горной Осетии, на которые тратит и Св. Синод, и Совет Общества (восстановления православного христианства на Кавказе. – *Авт.*) и сами горские общества довольно солидную сумму, можно содержать меньшее число многолюдных, хорошо-обставленных окружных школ, где бы окончившие курс учения в одноклассных школах горной и плоскостной Осетии (двухклассные церковно-приходские школы тогда не нужны) пополняли свои познания по ведению сель-

³²⁶ И. Алексий. Указ. соч. С. 19.

³²⁷ Там же.

ского хозяйства и укрепляли бы свои созревающие детские убеждения по религии», – аргументировал свое предложение Гарданов³²⁸. Очевидно, что, говоря о возможности сокращения числа церковных школ, он озвучивал точку зрения, уже сформулированную в среде епархиального духовенства. Так, об этом же ранее шла речь в заметке, посвященной школьному делу в Осетии, где автор, иеромонах Алексей, предлагает уменьшить число имеющихся школ наполовину, а средства направить на материальное обеспечение оставшихся³²⁹.

Иеромонах Алексей

Доказывая рациональность своего предложения об открытии в горах Осетии педагогических учебных заведений, Гарданов указывает на потенциальную возможность решить таким образом проблему с преподавательскими кадрами для школ, расположенных в горских приходах, поскольку обучаться во второклассных школах стали бы «по преимуществу дети горцев вдали от городского шума», знакомые с нуждами «своей дымной сакли», поэтому, будучи «меньше избалованы»,

³²⁸ Гарданов М. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // ВЕВ. 29 марта 1909 г. № 7. С. 231-232.

³²⁹ И. Алексей. Школьное дело в Осетии. С. 19.

они «покорно пойдут учителями и причетниками в родной народ...»³³⁰.

Развивая свою идею, Гарданов предлагает также организовывать при второклассных школах однодневные учительские съезды, на которых давались бы образцовые уроки с последующим их разбором, благодаря чему педагоги могли повысить свою квалификацию и поднять на должный уровень методику преподавания в церковно-приходских школах³³¹.

Несмотря на признанный педагогический авторитет Михаила Кайтуковича Гарданова, который считался одним из лучших учителей в Осетии, его непримиримый оппонент Харитон Александрович Уруймагов, тоже известный в Осетии педагог и талантливый публицист, последовательно отстаивавший идею о светском характере начального образования, относился к выдвинутым предложениям с нескрываемым сарказмом. «Не могу постигнуть, – пишет он, – каким образом тогда школа делается полною жизненного интереса и сблизится с народом, который... задает школе такой вопрос: “Молиться богу? Да это мы и без того знаем, что молиться богу хорошо. Научите нас чему-нибудь другому, – как землю пахать, столик смастерить или печку сложить, или скотину без греха кормить”...»³³²

Соглашаясь со своим оппонентом в том, что церковная школа перестала отвечать своему назначению, Уруймагов видел причины создавшейся проблемы совершенно в другом свете. Именно то, что начальная школа имела церковный, миссионерский характер, и привело ее к плачевному состоянию – утверждали сторонники светского образования. «Я убежден, – подчеркивает Уруймагов, – что осетинские школы потеряли свой *сколько-нибудь* (выделено в тексте. – *Авт.*) жизненный характер с тех пор, как они перешли из ведомства кав-

³³⁰ Гарданов М. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // ВЕВ. 29 марта 1909 г. № 7. С. 232.

³³¹ Там же.

³³² Уруймагов Х. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Терек. 9 мая 1909 г. № 3427.

казского учебного округа в распоряжение св. Синода. Постепенная дегенерация их началась тогда (с 1885 г.), когда жизнь их была свернута с прежнего более нормального пути и потекла по руслу, вырытому для русской церковной школы бывшим обер-прокурором св. Синода Победоносцевым... та система воспитания и обучения, которой держится ведомство, обратила... начальную школу в церковную прислужницу одной *только* (выделено в тексте. – *Авт.*) церкви»³³³. И если еще каких-то 20-25 лет назад (т. е. в 70-х гг. XIX в.) школа все же пыталась учитывать реальные потребности горцев в прикладных знаниях для успешного (т. е. обеспечивающего прибыль) ведения сельского хозяйства или занятия ремеслами, то теперь занятия эти школа забросила «как предметы мало церковные...», деградировав до состояния ведомственного орудия для достижения исключительно миссионерских целей³³⁴.

Харитон Александрович Уруймагов

Аргументируя требование переориентации начальной школы в сторону светского образования, Уруймагов подчер-

³³³ Там же.

³³⁴ Там же.

квивает, что именно такая школа, свободная с точки зрения ее направления и устроенная на более разумных началах, отвечающих духу времени, требованию народа и здоровой педагогики, может обеспечить «развитие всех способностей человека, а не исключительно тех или иных»³³⁵.

Эту мысль Х. Уруймагова развивает и С. Фарфоровский, через несколько лет написавший, что осетинская школа, отойдя со временем от собственно просветительских задач и став «ведомственным орудием в руках духовно-учебного начальства», должна «воспитывать человека в полном смысле этого слова, гармонически развивать его ум, сердце и волю, воспитывать в нем ясное чувство любви к России и понимание собственного блага»³³⁶.

Отвечая на критику Х. Уруймагова, М. Гарданов уточняет, что и он в принципе не против светской школы, но озабочен положением школы именно церковной и стремится к сближению ее с народом «на почве культуры и труда». Что же касается развития в Осетии школьного дела в целом, то требования «о свободной, бесплатной, светской школе вообще народ, в том числе и осетинский, предъявляет не к церкви, а к государству, союзу всех русских граждан»³³⁷.

* * *

Как видно, общественное мнение, сложившееся в Осетии в начале XX в. по поводу современной церковной школы и путях ее дальнейшего развития, выразителями которого стала передовая интеллигенция, было крайне неоднородным. Соглашаясь по существу с плачевным положением церковных

³³⁵ Там же.

³³⁶ Фарфоровский С. Народное образование у осетин // Терек. 1917. № 5709.

³³⁷ Гарданты М. К школьному вопросу Северной Осетии (Письмо в редакцию) // Терек. 1909. № 3437.

учебных заведений начального уровня, представители разных идейных направлений, подвергая предметной критике состояние образования среди горцев, горячо дискутировали по принципиальному вопросу: какой быть настоящей «народной» школе – миссионерской или светской? Сторонники сохранения миссионерского предназначения церковной школы ссылались на ее заслуги в приобщении горского населения к христианству и общероссийской «гражданственности» в противостоянии с влиятельным мусульманским духовенством. Узкоклерикальный, миссионерский характер начальной школы подвергался резкой критике со стороны прогрессивно настроенной интеллигенции, ставившей во главу угла Знание как самоценность и в то же время как необходимое средство выживания в новой реальности. Тем не менее, определенного консенсуса оппоненты все же не достигли, и ни в том, ни в другом лагере так и не было выработано единого подхода к разработке концепции начальной образовательной ступени в региональной системе народного просвещения. Вопрос об организации национального образования оставался открытым и стал центральным в повестке дня I Всеосетинского учительского съезда, состоявшегося в июле 1917 г., на котором был поставлен вопрос о реорганизации и национализации народной школы на основе родного языка, причем не только низшего звена системы народного просвещения, но и среднего³³⁸. И Михаил Гарданов, и Харитон Уруймагов были в числе делегатов, и именно Х. Уруймагов выступил на съезде с программным докладом, задавшим тон всей работе съезда и определившим содержание ведущихся на нем дискуссий.

³³⁸ См. подробнее: Кобахидзе Е. И. Первый Всеосетинский учительский съезд и задачи осетинской начальной школы // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 30 (69). С. 147-174.

Владикавказская Осетинская женская школа как социокультурный проект

Знакомство с материалами газетной периодики, издававшейся в Терской области в конце XIX – начале XX в., выявило в качестве одной из приоритетных тему народного образования в Осетии, интерес к которой был определен как общим ходом развития региона, активно включившегося в процессы освоения социально-культурного и экономического пространства Российской империи, так и общественными запросами, обусловленными вызовами времени и политической конъюнктурой.

Это обстоятельство побудило нас обратиться к сюжету, уже достаточно традиционному для осетиноведческой историографии и рассматриваемому главным образом в контексте формирования в Осетии системы женского образования. Речь идет о Владикавказской Ольгинской девичьей школе (с 1891 г. Осетинский Ольгинский женский приют), которая по устоявшейся в историографии традиции обозначается как первая в Осетии школа для девочек и которая оказалась одним из наиболее востребованных женских учебных заведений в крае. Но нас в данном случае интересуют не вопросы становления и развития в Осетии женского образования (они достаточно хорошо изучены и представлены в историографии, в том числе диссертационными исследованиями³³⁹), а положение школы в региональной системе народного просвещения и ее роль

³³⁹ См., например: Дзалаева К.Р. Развитие женского образования в Осетии как закономерный процесс российско-осетинского культурного взаимодействия во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 54-56; Воротникова М.В., Шаламов В.В. Образование женщин на территории Северного Кавказа во второй половине XIX – нач. XX вв. // Педагогическое образование в России. 2015. №2. С. 6-12; Кайтукова З.М. Аксо Колиев и проблемы женского образования в Осетии во второй половине XIX – начале XX веков: Дисс. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2000. 152 с., и др.

в формировании нового для региона социально-культурного пространства. Изучение архивных и публицистических материалов позволило объяснить причины популярности школы и показать ее значение для развития общей социокультурной ситуации в Осетии конца XIX – начала XX в.

* * *

Начало 60-х гг. XIX в. на Северном Кавказе отмечено целым рядом событий, определивших его прогресс во многих сферах экономической, политической и общественной жизни. Результатом крупных административных реформ стало появление на карте региона новых областей, Терской и Кубанской, и новых городов, преобразованных из бывших крепостей. Центром Терской области стал город Владикавказ, преобразованный из крепости в 1860 г. и очень скоро превратившийся в очаг распространения в крае урбанистической культуры и связанных с ней форм деятельности и соответствующей инфраструктуры.

Близившееся окончание Кавказской войны позволило обратиться к проблемам экономического развития края, что в свою очередь выдвинуло в повестку дня в качестве первоочередных задачу распространения грамотности среди горцев. Как известно, решалась она силами духовного ведомства и его главного в регионе института – Общества восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХ), созданного в первую очередь для обеспечения миссионерских целей РПЦ в регионе, большая часть населения которого исповедовала ислам. Благодаря Обществу на Северном Кавказе, преимущественно во Владикавказском округе Терской области, были открыты начальные школы для горского крестьянства, создававшиеся в православных приходах, имеющих церкви. Все это были церковные учебные заведения, устройством которых занималось духовное ведомство и его институты, профильное же уч-

реждение – Министерство народного просвещения – было сосредоточено на организации системы светского образования, особое место в которой в это время заняли женские школы.

Вопрос о женском образовании в Российской империи особую остроту получил накануне проведения Великих реформ, когда в 1858 г. под давлением общественного мнения было принято специальное Положение о женских училищах ведения Министерства народного просвещения³⁴⁰, дополненное новой редакцией 1860 г.³⁴¹ Суть нововведений заключалась в том, что женское образование, бывшее прежде делом исключительно частной и общественной инициативы, получило наконец государственную поддержку и правовое оформление, перейдя за узкословные рамки. Многие из открывавшихся женских школ первого и второго разрядов (с шести- и трехклассным курсом обучения соответственно, причем на прохождение каждого класса отводилось два года) впоследствии стали базой для прогимназий и гимназий.

На церковные школы эти акты не распространялись, поскольку относились к светским учебным заведениям. Между тем, общая тенденция к развитию женского образования в стране была очевидна, и общественность Владикавказа активно включилась в деятельность по организации женских школ. В июне 1861 г. в городе за счет благотворительных средств открылась элементарная школа для девочек из необеспеченных семей горожан. В 1867 г. школа была преобразована в Ольгинское женское училище второго разряда с трехклассным курсом³⁴². В 1874 г. Ольгинское женское училище стало

³⁴⁰ ПСЗ-П. Т. XXXIII. Отд. 1-е. № 33221.

³⁴¹ ПСЗ-П. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35780.

³⁴² Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Изд. 2-е. Владикавказ, 2002. С. 116; Габеев А. Я. Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740-1917 гг.) // Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1942. Т. V. С. 18.

1-й женской гимназией, а в 1893 г. при ней открылись педагогические курсы.

Что же касается образовательной деятельности ОВПХ – организации, официально занятой устройством школ для горского крестьянства, – то программа распространения грамотности среди горцев, предложенная Обществом вскоре после его учреждения³⁴³, открытие женских школ не предусматривала вовсе, и среди начальных школ Владикавказского округа Терской области, как уже существовавших, так и открывавшихся силами Общества в начале 1860-х гг., не было женских. И хотя во Владикавказе начала функционировать первая в Осетии женская школа, она все же предназначалась для горожанок – представительниц разных этнических групп и конфессий. Пестрым был и социальный состав учениц этой школы: к примеру, среди ее 74 воспитанниц в 1864 г. было 25 девочек из семей владикавказских чиновников, 6 – из казачьего сословия, 6 – из купеческого, 17 – из среды владикавказских ремесленников и 20 – из семей нижних чинов³⁴⁴. К тому же, школа, существовавшая поначалу за счет общественной благотворительности, вскоре перешла в казенное ведение, получив статус государственного образовательного учреждения. Преподавание в школе в соответствии с Положением о начальных народных училищах 1864 г. велось на русском языке как во всех начальных учебных заведениях страны разной ведомственной принадлежности³⁴⁵.

В планах ОВПХ также было создание на Кавказе начальных учебных заведений, подобных российским приходским школам, и в учебных программах, специально разработанных для приходских школ на территории Кавказского учебного округа инспектором училищ ОВПХ Е. Стрелецким в начале 1860-х гг., «имелось в виду создать на Кавказе школу рус-

³⁴³ См.: Материалы по истории осетинского народа. С. 115-116.

³⁴⁴ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 43. Л. 21.

³⁴⁵ ПСЗ-П. Т. XXXIX. Отд. 1-е. №41068. С. 614.

скую, дабы учившиеся в ней осетины, самурзаканцы, абхазцы и др. впоследствии могли примкнуть к цивилизации русской, выработавшейся по европейскому образцу гражданственности...»³⁴⁶. Родной язык учеников мог использоваться на первом году обучения, а начиная со второго года языком преподавания становился русский. Полный курс двухклассной школы включал «Закон Божий, русский язык, туземные языки, арифметику с начатками геометрии, мироведение с начатками естествоведения, географии и истории, письмо, черчение, пение светское и церковное, гимнастику, садовые работы, рукоделия (женские школы), ремесла (мужские школы)»³⁴⁷.

Инициативу создания в Осетии школы для девочек-осетинок с преподаванием на *осетинском языке* предложил настоятель Осетинской церкви Рождества Пресвятой Богородицы во Владикавказе, протоиерей Аксо Бесаевич (Алексей Виссарионович) Колиев. Вскоре после учреждения ОВПХ, воспользовавшись благоприятной для реализации образовательных проектов ситуацией, Аксо Колиев уже в декабре 1861 г. просил архимандрита Иосифа (И. И. Чепиговского) – управляющего осетинскими приходами и духовно-учебными заведениями Владикавказского округа – о ходатайстве перед Комитетом Общества по поводу открытия во Владикавказе «в виде опыта» осетинской женской школы³⁴⁸. По замыслу Колиева, школа поначалу должна была ориентироваться на минимальную по объему учебную программу, включавшую осетинский язык и основы христианства. Содержание школы планировалось за счет средств самого священника и Осетинской церкви³⁴⁹.

³⁴⁶ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

³⁴⁷ Там же. Л. 5.

³⁴⁸ Там же. Д. 63. Л. 25-26.

³⁴⁹ Там же. Л. 25.

В будущем, если опыт школы окажется успешным, Колиев планировал увеличение численности ее воспитанниц до 20, назначение в школу учителя и учительницы рукоделия с жалованием от казны и расширение учебного курса по типу двухклассной начальной приходской школы³⁵⁰, однако с ведущей ролью в обучении осетинского языка. «Родной язык, – считал просветитель, – должен стоять как при оценке познаний, так и при изучении его, степенью выше... Русский язык должен быть более или менее как вспомогательное средство к развитию»³⁵¹. В качестве учебника по осетинскому языку предполагалось использовать «Осетинский букварь» архимандрита Иосифа, второе издание которого готовилось в Тифлисе.

Сам архимандрит Иосиф был горячим сторонником становления в Осетии национального образования и распространения «между осетинами грамотности на их родном языке»³⁵². Изучив осетинский язык, он уже в 1861 г. подготовил осетинский букварь на основе грамматики А. Шёгрена для приходских школ, а в 1884 г. издал свой капитальный труд «Русско-осетинский словарь с краткою осетинскою грамматикой». В числе его ближайших сподвижников находился и Аксо Колиев, чье бескорыстное начинание было поддержано архимандритом.

Первая осетинская школа для девочек открылась во Владикавказе 10 мая 1862 г.³⁵³ Это знаковое для социокультурной ситуации в Осетии событие определило судьбу женского образования не только в отдельном регионе, но и на всем Северном Кавказе. Хотя поначалу школа имела частный характер

³⁵⁰ Там же. Д. 64. Л. 5-7.

³⁵¹ Цит. по: Гостиева Л.К. Православие в Осетии. Очерки о православном духовенстве второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 75.

³⁵² Цит. по: Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 36.

³⁵³ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

и располагалась на дому у священника, а посещало ее всего 10 учениц³⁵⁴, школа, как провидчески оценивал ее роль сам организатор, действительно имела «важное значение в деле общественного образования осетин»³⁵⁵.

Вскоре А. Колиевым был предложен проект усовершенствования школы и открытия при ней пансиона за казенный счет, и при поддержке архимандрита Иосифа в январе 1966 г. устав Владикавказской осетинской женской школы утвердил Комитет ОВПХ³⁵⁶.

После скоропостижной смерти Колиева в августе 1866 г. школа как особое учебное заведение для девочек-осетинок была сохранена: по ходатайству архимандрита она перешла в ведение Владикавказского Горского окружного училища и стала содержаться за счет средств, выделяемых ОВПХ³⁵⁷. Теперь это было трехклассное учебное заведение (включая подготовительный класс) с пансионом, рассчитанное на 25 учениц. Тогда же Осетинская девичья школа была названа Ольгинской в честь супруги кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, покровительствующей женским учебным заведениям на Кавказе. В своем обновленном виде Владикавказская Ольгинская девичья школа открылась 20 ноября 1866 г. Она обслуживалась штатом профессиональных педагогов из пяти учителей Горской школы во Владикавказе, работавших в ней в порядке совмещения: «1. Штатный смотритель, надворный советник Андрей Павлович Анойкин. 2. Учитель русского языка коллежский секретарь Александр Денисович Буцулло. 3. Учитель математики, состоящий в XII классе Николай Егорьевич Шрейдер. 4. Учитель истории и географии коллежский секретарь Виктор Власьевич Чечелев.

³⁵⁴ Там же. Л. 3.

³⁵⁵ Там же. Л. 6.

³⁵⁶ Гостиева Л. К. Указ. соч. С. 75.

³⁵⁷ Габеев А. Я. Указ. соч. С. 18.

5. Учитель приготовительного класса, состоящий в XII кл., Иван Васильевич Немульченко»³⁵⁸.

В следующем году в штате школы появляется должность самостоятельного смотрителя, впервые которую занял священник М. Сухийев – соратник А. Колиева и один из ближайших сподвижников архимандрита Иосифа, руководивший ею до конца 1868 года и служивший в ней законоучителем.

Ученицами Владикавказской Ольгинской девичьей школы были девочки их разных социальных слоев. К примеру, в 1867 г. среди 30 ее воспитанниц (включая приготовительный класс) были дочери священнослужителей (в том числе дочь благочинного Владикавказской Осетинской церкви М. Сухийева Надежда), представителей мещанского сословия, чиновничества, милиции, казачества, горского крестьянства. Школу посещали как горожанки, так и жительницы осетинских сел. К примеру, в том же 1867 г. в приготовительном классе школы состояло семь учениц (одна из Владикавказа), пять были приходящими – выходцы из с. Ольгинское, с. Нар и уроженки Владикавказа, в первом классе обучалось 15 девочек из Ардона, Ольгинского, Владикавказа, ст. Алагирской, во втором классе – три девочки из Ольгинского, Владикавказа, Ардона. Подавляющую часть учениц представляли девочки-осетинки (25 человек)³⁵⁹.

В 1868 г. в связи с реорганизацией Владикавказской горской школы в реальную прогимназию Ольгинская девичья школа по распоряжению кавказского наместника была передана в непосредственное ведение инспектора прогимназии Стоянова³⁶⁰. Финансирование школы оставалось за ОВПХ.

Двухклассная образовательная программа школы выделяла ее среди начальных приходских школ, открывавшихся ОВПХ главным образом в плоскостных селах Осетии, поскольку сре-

³⁵⁸ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 43. Л. 26.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Там же. Л. 27.

ди них пока не было двухклассных. Появление же в структуре учебного плана школы дополнительного подготовительного класса соотносилось с пунктами Положений о женских училищах ведения МНП 1858 и 1860 гг., в которых говорилось о создании в училищах подготовительных классов для изучения русского языка там, где это было необходимо, поскольку именно русский являлся языком преподавания. Ведущая роль русского языка в начальных учебных заведениях закреплялась уже упомянутым Положением о начальных народных училищах 1864 г. Для приходских школ ОВПХ в 1863 г. были разработаны особые Правила, утвержденные кавказским наместником³⁶¹, в которых определялся порядок обучения русскому языку: «обучение в приходских школах русской грамоте производится после изучения природной грамоты»³⁶². Таким образом, родной язык учеников как язык преподавания в осетинских школах Осетии уступал место русскому.

Перевод обучения в Ольгинской девичьей школе на русский язык и ее местоположение в городе определили смешанный национальный состав ее учениц, где наряду с осетинками учились и представительницы других этнических групп: русские, грузинки, армянки, гречанки и др.³⁶³ Осетинская девичья школа привлекала и их: несмотря на то, что во Владикавказе появлялись и другие женские учебные заведения, в том числе гимназии, обучение в них было обременительно для малообеспеченных семей горожан ввиду довольно высокой по сравнению с Ольгинской девичьей школой платой. Со временем число учениц других национальностей в школе стало даже больше, чем число девочек-осетинок, также возросло и количество уче-

³⁶¹ Правила о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе // Материалы по истории осетинского народа. С. 116-123.

³⁶² Там же. С. 118.

³⁶³ Владикавказская осетинская женская школа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров (ППКО). Цхинвали: Ирыстон, 1991. Кн. 5. С. 27.

ниц из городских сословий. К. Хетагуров, ссылаясь на официальное издание грузинского экзархата (журнал «Духовный вестник») и Отчеты ОВПХ, приводит эти цифры: например, в 1888 г. среди 89 учениц было всего 36 осетинок, в 1886/87 учебном году среди того же числа воспитанниц 59 были горожанками, 45 – русскими, 31 – осетинками, 12 – грузинками и 1 армянкой; в 1886 г. в школе обучались 84 воспитанницы, из них 45 осетинок, 23 русских (в их числе пять – из мещанского сословия, три – казачьих и солдатских), в 1885 г. в школе училось 43 осетинки из 81 учениц³⁶⁴. В общем к 1890 г. полный курс Ольгинской девичьей школы окончило 69 девушек-осетинок.

* * *

Если вернуться к проекту создания осетинской женской школы А. Колиева, то очевидно, что в его основе лежали две ключевые идеи: сделать родной (осетинский) язык фундаментом национального образования и открыть доступ к образованию (хотя бы элементарному) осетинским девушкам. Как видно, реализовать первую идею оказалось задачей практически невыполнимой в силу действовавшего в сфере образования законодательства, утверждавшего статус русского (государственного) языка как единственного языка обучения. Но другая идея Аксо Колиева была все же воплощена: его «опыт» по организации осетинской женской школы показал ОВПХ перспективу для реализации собственных образовательных целей применительно к горскому населению Осетии. Уже к концу 60-х – началу 70-х гг. в осетинских селах Владикавказского округа среди 19 школ ведения ОВПХ насчитывалось шесть одноклассных женских школ для девочек-осетинок: Алагиро-Салугарданская (1870), Ардонская (1871), Гизельская (1872), Даргкох-

³⁶⁴ Хетагуров К. Владикавказские письма (Маленькая история) // Полное собрание сочинений в пяти томах (ПСС). Владикавказ: Изд.-полиграф. предпр. им. В. А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 76, 78, 79.

ская (1871), Ольгинская (1869), Хумалагская (1869). Несмотря на их малочисленность и довольно ограниченную образовательную программу родители стремились отдать туда своих дочерей, надеясь не только обучить их грамоте, но и познакомиться с основами рукоделия.

Но хотя сельские приходские женские школы оказались востребованы в народе, лидирующие позиции среди них занимала все же Осетинская Ольгинская школа во Владикавказе. И дело даже не в том, что ее учебный курс был шире примитивной программы открытых в Осетии одноклассных приходских школ для девочек, а уровень преподавания на порядок выше за счет специальной педагогической подготовки ее учителей. Изначально предназначенная для осетинок, школа выполняла важную знаковую функцию, став символом новой для Осетии социокультурной ситуации, отмеченной всеобщей тягой горского крестьянства к образованию. И если прежде «осетин в серой черкеске не понимал значения женского образования»³⁶⁵, и жители горной полосы Осетии «не допускали даже и мысли о том, чтобы где-нибудь учили и девочек», то с открытием колиевской школы и в целом появлением женских школ в Осетии в ее жителях пробудилось «сознание пользы образования женщин»³⁶⁶. Главная же заслуга школы заключалась в том, что именно она дала Северной Осетии образованных женщин – матерей семейств и достойных «воспитательниц нарождающегося поколения», став, по оценке К. Хетагурова, «насущной потребностью всего народа».

Обучаясь в школе, девочки знакомились с основами хозяйства, помогали наемной кухарке в приготовлении пищи, шили

³⁶⁵ Дигорон. К вопросу о перенесении Владикавказского Ольгинского осетинского женского приюта // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 83.

³⁶⁶ Уруймагов Х. Женские школы в Осетии // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 98.

одежду и т. п. Все эти хозяйственные навыки требовались воспитанницам для того, чтобы они не «усваивали вредных привычек горожанок» и «имели любовь ко всем работам домашней семейной жизни»³⁶⁷ после окончания учебы и возвращения в родные села. Школа давала девочкам начальное образование, воспитывая их в духе христианской морали и православия, и никак не была ориентирована на педагогическую подготовку своих воспитанниц; соответственно, выпускницы школы не имели официального права заниматься педагогической деятельностью – для этого требовалось окончить как минимум средне-профессиональное учебное заведение – учительскую семинарию либо гимназию – и получить разрешение, дающее право на преподавание в начальной школе. Однако многие из выпускниц посвящали себя учительству, становясь ближайшими помощницами своих мужей – учителей приходских школ, причем бывало и так, что «муж обучает в школе мальчиков, жена – девочек из тех же осетин»³⁶⁸. К концу 80-х гг. более 20 девушек, выпускниц Ольгинской школы, работали в селах Осетии в качестве народных учительниц, занимались частными уроками или даже открывали собственные частные школы³⁶⁹. Так, «по требованиям и обстоятельствам времени» Ольгинская школа постепенно сделалась «женскою учительскою семинариею»³⁷⁰.

Результатом истории с закрытием школы в 1891 г., всколыхнувшей всю Осетию и вызвавшей гневное возмущение осетинской интеллигенции³⁷¹, стало преобразование школы

³⁶⁷ Хетагуров К. Владикавказские письма (Маленькая история). С. 80.

³⁶⁸ Владикавказская осетинская женская школа. С. 27.

³⁶⁹ Хетагуров К. Владикавказские письма (Маленькая история). С. 83-84.

³⁷⁰ Хетагуров К. Развитие школ в Осетии // ПСС. Владикавказ: Изд.-полиграф. предпр. им. В. А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 233.

³⁷¹ См., например: Хетагуров К. Владикавказские письма (Маленькая история); Хетагуров К. <Обер-прокурору Синода> // ПСС. Владикавказ:

в Осетинский Ольгинский женский приют, предназначенный для осетинок. Попечительницей школы стала супруга начальника Терской области Ю. Каханова³⁷². Затем почетной попечительницей приюта стала М. П. Толстова – супруга следующего начальника Терской области. В 1901 г. приют перешел из ведения ОВПХ и в учебно-воспитательном и хозяйственном отношении был подчинен ведению епископа Владикавказского и Моздокского Владимира (Сеньковского).

Новая структура учебного плана приюта предполагала трехклассный курс обучения с добавлением подготовительного класса с двумя отделениями (младшее и старшее), на прохождение каждого класса, включая приготовительный, отводилось по два года. Но теперь приют получил педагогическую направленность, дополнив свою программу предметами педагогического цикла (педагогика, дидактика, методика). Основу учебного курса составляли русский язык, арифметика, география, гражданская история, физика, чистописание, рисование, пение, рукоделие (которым, впрочем, занимались только с пансионерками и которое ограничивалось обучением навыку ведения обычных домашних дел – шитье, вязание, починка белья и одежды и т. п.)³⁷³.

В приют поступали девушки, окончившие приходские школы, а в подготовительный класс шли девочки, не учившиеся в приходских школах – их задачей было изучение русского языка, освоение элементарных правил арифметики и знакомство с основами христианского вероучения. Популярность этого учебного заведения была необычайно высока. Лишь немногие

Изд.-полиграф. предпр. им. В. А. Гассиева, 2000. Т. V. С. 373-377; Гостиева Л. К. Борьба осетинской интеллигенции за сохранение Владикавказской Ольгинской женской школы в конце XIX века // Коста и мировой историко-культурный процесс. Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 64-72.

³⁷² Гостиева Л. К. Борьба осетинской интеллигенции... С. 67.

³⁷³ Материалы по истории осетинского народа. С. 170-172.

девушки, окончившие приходские школы в плоскостных селениях Осетии, поступали в женские гимназии, большинство же стремилось попасть в Осетинский женский приют во Владикавказе, поскольку по своей учебной программе и направлению подготовки он несколько приближался к женским учительским семинариям и таким образом обеспечивал девушкам среднее образование. Многие жители селений перебирались во Владикавказ, занимаясь в городе извозом, поденными работами и пр., чтобы иметь возможность устроить в приют своих дочерей на казенную вакансию, поскольку осетины, по распоряжению ОВПХ, от платы за право учения освобождались. Нередко жители горных сел, где не было женских школ, отдавали своих детей в села, имеющие школы, либо помещали их в мужские школы своего села. Бывало и так, что горянки учились в школах на плоскости, хотя это и требовало от родителей определенных расходов. «Осетинский женский приют, это пока единственное учебное заведение, снабжающее Осетию подготовленными учительницами, через каждые два года осаждается массой девочек из сельских школ, желающих попасть в его теплые, душу и ум возвышающие объятия», – отмечал Х. Уруймагов³⁷⁴. К примеру, в начале 1901-1902 учебного года в приют было подано 109 прошений о принятии девочек на обучение, но поступило туда только 40 человек, остальным пришлось отказать «за великовозрастием, или по недостаточной подготовленности, но главным образом за неимением в училище свободных вакансий (в виду тесноты занимаемого приютом помещения)»³⁷⁵.

Особой наполненностью отличались оба отделения приготовительного класса первого года обучения и первый класс первого года обучения: к примеру, в 1898-99 учебном году среди 80 учениц школы в приготовительном классе состояло 34 девочки, и 27 из них находились на первом году обучения,

³⁷⁴ Уруймагов Х. Женские школы в Осетии. С. 98.

³⁷⁵ Материалы по истории осетинского народа. С. 172.

в первом классе – 26 учениц, из которых 22 девочки – на первом году обучения³⁷⁶.

Основной контингент учениц в приюте составляли осетинки, но среди них были и девочки других национальностей – в том же 1898-99 учебном году среди 80 воспитанниц четыре были грузинками, восемь – русскими. Примерно такое же соотношение учениц по этническому составу отмечалось и в другие годы³⁷⁷.

Воспитанницы Владикавказского Осетинского женского приюта

Несмотря на востребованность Владикавказского Осетинского женского приюта, как постановка его учебной части, так и его положение в системе средних учебных заведений вызывала серьезные нарекания со стороны осетинской интеллигенции. Как и Ардонская духовная семинария, приют был в сво-

³⁷⁶ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 74. Л. 20-27.

³⁷⁷ Материалы по истории осетинского народа. С. 172.

ем роде уникальным учебным заведением, не отличавшимся ни широкой программой, ни правами. Прежде всего обращала на себя внимание невнятность статуса приюта как среднего учебного заведения, предназначенного для подготовки учительских кадров для начальной школы. Обучение в нем велось по программам, временно утвержденным Советом ОВПХ в 1893 г., не соответствовавших программам женских учительских семинарий. В результате девушки, оканчивающие полный курс, не имели прав «начальной учительницы». Соответственно, требовалось пересмотреть устав и программу по всем предметам училищного плана³⁷⁸, расширив при этом курс рукоделия и введя программы знакомства с различными отраслями женского труда³⁷⁹.

Но был и еще один важный аспект: именуясь по-прежнему «осетинским», приют не имел в педагогическом составе людей, близко знакомых с домашней жизнью своих воспитанниц и «их душевными запросами» (Г. Дзасохов), знающих осетинский язык и быт народа. Отсутствие в школе учителей-осетин затруднял процесс обучения детей, не владевших русским языком. К. Хетагуров отмечал, что в приюте по этой причине крайне низкий уровень преподавания, и на прохождение трехклассного курса вместо шести уходит по 8-10 лет³⁸⁰. О необходимости замещения всего учительского персонала приюта, включая его начальницу, лицами, владеющими осетинским языком, весьма определенно высказывался Г. Дзасохов. Как и многие другие представители молодой национальной интеллигенции, публицист отстаивал позиции родного языка в осетинской школе в качестве основного языка обучения³⁸¹, возрождая базовые принципы национального образования, сформулированные полвека назад Аксо Колиевым.

³⁷⁸ Там же. С. 174.

³⁷⁹ Хетагуров К. Развитие школ в Осетии. С. 234; Уруймагов Х. Женские школы в Осетии. С. 99-100.

³⁸⁰ Хетагуров К. Развитие школ в Осетии. С. 234.

³⁸¹ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 54-55.

Вопрос о положении родного языка в школьной программе стоял настолько остро, что стал предметом обсуждения на съезде учителей церковно-приходских школ, состоявшемся в Ардоне в августе 1905 г., по итогам которого на имя Владикавказского епископа Гедеона была направлена петиция. Речь в ней шла главным образом о мерах, необходимых, по общему мнению, выработанному на съезде, для улучшения школьного дела в Осетии. Осетинский язык, правда, предлагалось ввести в школьный курс лишь в качестве обязательного предмета, остальные пункты петиции касались изменения учебной программы в соответствии с требованием переименования осетинских церковно-приходских школ в «народные школы»³⁸².

На волне общих реформаторских настроений 1905 г. и сами воспитанницы Владикавказского Осетинского женского приюта выступили с петицией, ряд пунктов которой повторял требования учительского съезда: «...преобразовать приют, изменив и расширив в нем программу... ввести родной осетинский язык как необходимый для правильного нашего развития и в будущей деятельности учительства в начальных осетинских школах... значительно сократить программу по закону божьему и отменить изучение молитв и текстов на славянском языке и заменить изучением на родном языке...»³⁸³

Статус полноценного среднего учебного заведения педагогического профиля Владикавказский Осетинский женский приют получил лишь в 1916 г., когда указом Св. Синода от 31 марта он был преобразован в женскую второклассную учительскую школу с предоставлением права ввести в курс обучение рукоделию, сельскому хозяйству и домоводству. Единственным осетином в составе ее преподавателей был председатель школьного совета и законоучитель Харлампий Цомаев. Математику преподавала Е. Кудрявцева, литературу – М. Спи-

³⁸² Материалы по истории осетинского народа. С. 175-176.

³⁸³ Там же. С. 177.

ридонова, историю и географию – Н. Михайлова, рукоделие вела С. Богданова³⁸⁴.

Спустя два года на ее базе возникла Осетинская учительская семинария, которая в августе 1920 г. вместе с Учительским институтом, Терской учительской семинарией и Фребелевскими курсами вошла в состав новообразованного Терского института народного образования (после образования Горской АССР – Горский педагогический институт)³⁸⁵.

* * *

Сложная, противоречивая и неоднозначная судьба колиевской школы все годы ее существования, в разном качестве и статусе, была вписана в общий контекст эпохи, отмеченной и либеральными устремлениями, и откровенно реакционными проявлениями. Появившись в начале 1860-х гг. в условиях, благоприятных для реализации в Северной Осетии образовательных и в целом культурных инициатив, и основываясь на сформулированных тогда же принципах, ключевых для развития национальной культуры, школа со временем уступила давлению внешних обстоятельств, отойдя от того идеала, которого желал достигнуть ее основатель. Из стен школы, предназначенной для девочек-осетинок, ушел их родной язык – то главное, что составляет ядро национальной культуры и национального образования. Именно это обстоятельство более всего тревожило представителей национальной интеллигенции, неравнодушных к дальнейшей судьбе своего народа, вовлеченного в стремительно протекающие процессы «огосударствления» и «русификации» и оказавшегося перед угрозой потери своего «национального лица» на пути к формированию гражданского

³⁸⁴ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 43. Л. 28.

³⁸⁵ Цибиров Г. И., Гутиева Э. Ш. Научная и образовательная инфраструктура в Северной Осетии в эпоху ранней советской модернизации (1917 – конец 1920-х гг.) // *Kavkaz-Forum*. 2022. Вып. 10 (17). С. 100.

универсума. Вопросы сохранения родного языка в осетинской школе занимали одно из центральных мест в региональной периодической печати (Х. Уруймагов, Г. Дзасохов, К. Хетагуров и др.). Но все же коллиевская школа осталась в национальной памяти именно как школа осетинская, заняв, как и ее идейный организатор, высокие позиции в ценностно-символическом пространстве осетинской культуры нового времени и став знаковым феноменом социокультурной ситуации в Осетии второй половины XIX – начала XX в., отмеченной, с одной стороны, всеобщим стремлением к получению образования и, с другой – кристаллизацией в общественном сознании необходимости сохранения родного языка как центрального ядра национальной культуры, фундаментом которой должна была стать национальная школа.

«Языковой вопрос» в правовом и общественном дискурсе

Одним из ключевых инструментов реализации государственной национальной политики Российской империи являлся государственный (русский) язык, исполнявший также важные консолидирующие функции, объединяя разнородное население страны в едином социальном и культурном поле. Однако отсутствие у государства устойчивой языковой стратегии обуславливало достаточную вариативность культурно-языковой политики и ее зависимость от целого ряда сопряженных социально-политических и этнодемографических факторов. И если в отдельных окраинных провинциях империи распространение русского языка связывалось с насильственной «русификацией» и культурно-языковой ассимиляцией, то на Северном Кавказе этот процесс привел в конечном итоге к формированию в местной среде позитивных мотиваций к усвоению государственного языка, наиболее очевидных в Осетии как регионе с более высоким по сравнению с другими северокавказскими областями уровнем развития образования. Активное внедрение русского языка в повседневный быт местного социума инициировало различные виды социальной активности – от осознания и формулирования в публицистическом пространстве ряда вопросов, возникших в процессе распространения в регионе русского языка, до участия разных групп населения в формировании социокультурной инфраструктуры на русской культурно-языковой основе (библиотеки, музеи, культурно-просветительские общества, читальни, театры и пр.).

Совершенно особое место в процессе языковой русификации населения Северного Кавказа занимала начальная школа. В региональной периодической печати конца XIX – начала XX в. живо дискутировались проблемы начальной школы в Осетии. Среди всего комплекса вопросов, касающихся шко-

лы, наиболее болезненным был вопрос о положении родного языка в учебной программе, широко и горячо обсуждавшийся передовой осетинской общественностью.

* * *

Прежде чем говорить о рефлексии осетинской интеллигенции на сложившуюся в Осетии культурно-языковую ситуацию, как в капле отразившуюся в местной начальной школе, кратко остановимся на характеристике правовой базы, обеспечившей русскому языку доминирующие позиции в сфере образования, в частности в ее северокавказском сегменте.

Впервые приоритет русского языка в процессе преподавания в местных учебных заведениях не только среднего, но и начального уровня, был закреплен «Положением о Кавказском учебном округе» 1853 г., разработанным с учетом пожелания императора Николая I о необходимости сближения региональной образовательной системы с общероссийской³⁸⁶. Следующий акт – «Положение о начальных народных училищах», – принятый 14 июля 1864 г., узаконивал порядок преподавания на русском языке во всех начальных образовательных заведениях страны независимо от их ведомственной принадлежности³⁸⁷.

По инициативе наместника вел. кн. Михаила Николаевича новый закон был адаптирован для Кавказа в 1867 г. в виде особого «Положения об учебной части на Кавказе и за Кавказом»³⁸⁸, подтвердившего намерение правительства унифицировать систему народного просвещения в регионе в соответствии с общероссийской и введившего в учебные программы русский язык в качестве языка преподавания, местные же языки («природные») значились в программах в качестве отдельной учебной дисциплины. В первый год обучение велось на родных языках,

³⁸⁶ ПСЗ-П. Т. XXVIII. Отд. 1-е. № 27646.

³⁸⁷ ПСЗ-П. Т. XXXIX. Отд. 1-е. № 41068. С. 614.

³⁸⁸ ПСЗ-П. Т. XLII. Отд. 1-е. № 44748.

чтобы дети, ознакомившись с азами грамоты родной речи, могли переходить к освоению русского языка и таким образом, посредством языка, приобщаться к русской культуре и усваивать основные «гражданские» понятия. Именно образованию горцев наместник придавал значение одной из самых важных и самых радикальных мер, ведущих к «прочному нравственному скреплению горских народностей с Россиею», полагая, что «только духовное оружие может довершить и скрепить окончательно покорение всякой народности»³⁸⁹.

Реформы в сфере образования первой половины 1870-х гг. создали условия для формирования в стране унифицированной многоступенчатой системы народного просвещения, для каждого из уровней которого Министерством народного просвещения (МНП) были приняты соответствующие Уставы (1871-1873). Их реализация в Кавказском учебном округе регламентировалась специально принятыми Правилами о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих училищных уставов Министерства народного просвещения (1873)³⁹⁰. В соответствии с этим документом на низшие казенные, общественные и частные учебные заведения (в том числе и церковно-приходские школы иноверческих вероисповеданий) распространялось действие общего закона относительно обязательности преподавания русского языка, а также русской истории и географии на русском же языке в тех из них, где эти предметы были предусмотрены образовательными программами. Церковные школы, находившиеся в ведении Св. Синода и его институтов, под прямое действие этого закона не попадали, однако их работа основывалась на учебных программах, утвержденных МНП. Это значило, что образовательная практика школ строилась в соответствии с приоритетами, обозначенными государством, в том числе касающимися

³⁸⁹ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб.: Воен. тип., 1870. С. 98-99.

³⁹⁰ ПСЗ-П. Т. XLVIII. Отд. 2-е. № 52808.

роли русского (государственного) языка в учебном процессе. Для кавказских начальных школ, находившихся в ведении Общества восстановления православного христианства на Кавказе, уже в следующем, 1874 г., были специально приняты «Правила начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе», в которых подчеркивалась необходимость распространения русского языка³⁹¹, что принципиально отличало их от аналогичных Правил редакции 1863 г., где «природный язык» еще значился языком начального обучения³⁹². Таким образом, правовая база государственной образовательной политики на Северном Кавказе, сформировавшаяся во второй половине XIX в., обеспечила русскому языку доминирующие позиции в начальной школе уже в 70-х гг., что можно считать одним из наиболее весомых результатов реализации в крае образовательных реформ.

Последним в девятнадцатом столетии актом, разработанным для образовательной сферы и имеющим обязательную силу, стало издание в 1897 г. Министерством народного просвещения примерных программ дисциплин, преподаваемых в начальных училищах, в которых подтверждались позиции русского языка как единственно возможного языка обучения даже на начальных уровнях³⁹³. Тогда же, на основании отдельного закона, русский язык стал обязательным для преподавания и в школах для «иностранных колонистов», на родном же языке разрешалось преподавание лишь богослужебных дисциплин³⁹⁴.

³⁹¹ Материалы по истории осетинского народа: Сборник материалов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1942. Т. V. С. 134-137.

³⁹² Там же. С. 118.

³⁹³ Миропиев М. О применении школьной системы Н.И. Ильминского на Кавказе // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев/Под ред. А. С. Будиловича. СПб.: Тип. Э. Л. Порошчиковой, 1905. С. 227.

³⁹⁴ См.: ПСЗ-III. Т. XVII. № 13792. С. 86.

Наступление XX века существенных изменений в кавказскую школу не принесло – ее деятельность строилась на основе правовой базы, сложившейся в предшествующие десятилетия, а проблема языковой «русификации» региональной образовательной среды практически исчезла из правового поля. В результате законодательного закрепления приоритетных позиций русского языка как единственного языка обучения была сформирована жесткая матрица для становления общегражданской наднациональной идентичности у всех граждан единой империи, в том числе и на ее национальных окраинах.

Но, как показал анализ материалов законодательно-правового характера, опубликованных в различных документальных сборниках (главным образом, в Полном собрании законов Российской империи (3 собрание), ведомственных изданиях (Сборниках постановлений по Министерству народного просвещения, Сборниках распоряжений по Министерству народного просвещения и др.) и относящихся к концу XIX – первому десятилетию XX в., вопросы, связанные с функционированием русского языка в общеимперском пространстве, по-прежнему занимали законодателя. В этот период статус русского языка укреплялся главным образом в официально-деловой сфере за счет унификации и профессионализации языка делопроизводства, выработки стандартов деловой коммуникации³⁹⁵ и расширения пространства функционирования путем включения в него северо-западных регионов Российской империи.

Но если в предшествующие десятилетия мероприятия властей по укреплению позиций русского языка имели, скорее, спонтанный характер, а сам статус языка по существу никак не определялся (его значение как языка государственного лишь подразумевалось как само собой разумеющееся условие принятия общегражданских ценностей и идей российской го-

³⁹⁵ См. подробнее: Акишин М. О. Государственный и юридический языки Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 56-73. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20707

сударственности всеми жителями империи), то уже в начале нового века положение русского языка в системе маркеров российской государственности было, наконец, закреплено законодательно: ст. 3. Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. декларировала его общегосударственный статус и обязательность употребления во всех государственных и общественных учреждениях страны одновременно с ограничением практики использования в официально-деловой сфере местных языков³⁹⁶. Уже с конца XIX в. русский язык вводился в качестве языка делопроизводства в административных учреждениях и в образовательную практику высших учебных заведений на всей территории Российской империи, включая прежде относительно автономные в языковом отношении территории Северо-Западного края. Утверждение русского языка как общегосударственного завершило процесс законодательного оформления его государственного статуса, и с 1907 г. вопросы, касающиеся его функционирования в официальном дискурсе, теряют свою актуальность.

* * *

Понятно, что протекционистская политика государства в отношении русского языка обеспечивала ему безусловные доминирующие позиции в образовательном процессе, особенно на его начальных уровнях, что было predetermined прежде всего его государственной (социально-политической) миссией. Значение государственного языка обретал в силу его функционирования в качестве средства распространения в окраинной иноэтничной среде начал «государственности» и «гражданственности», способствуя таким образом включению местного «инородческого» населения в государственно-правовое пространство империи. С другой стороны, русский язык рассматривался как некое связующее начало, обеспечивающее едине-

³⁹⁶ ПСЗ-III. Т. XXVI. Ч. 1. №27805. С. 456.

ние пестрого в социокультурном отношении «инородческого» населения страны с русским народом, в чем таким образом выражались его консолидирующие функции. Наконец, русский язык был языком православного «ядра» империи и на «иноверных» окраинах служил для распространения и утверждения в местной среде начал христианского вероучения. Вот почему и школа для горцев Кавказа задумывалась как школа русская, «дабы учившиеся в ней осетины, самурзаканцы, абхазцы и др. впоследствии могли примкнуть к цивилизации русской, выработавшейся по европейскому образцу гражданственности, так как вследствие сложившихся исторических обстоятельств эти народы должны идти с русскими людьми, оставив в стороне свою жалкую особенность»³⁹⁷.

Помимо общей установки на определяющую роль русского языка в учебном процессе в кавказских школах существовали и иные факторы, не позволявшие детям учиться на родном языке даже несмотря на некоторые послабления в этом вопросе в 60-70-х гг. XIX в., когда, к примеру, в осетинских школах ведения Общества восстановления православного христианства на Кавказе первый год-полтора для учеников, еще не освоившихся с русской грамотой, в качестве языка обучения вводился родной язык – осетинский. Во-первых, сложно было найти достаточное количество подготовленных учителей, одинаково свободно владевших как осетинским, так и русским языками. Во-вторых, свою роль играло и то обстоятельство, что осетинский язык долгое время был бесписьменным.

Первая печатная книга на осетинском языке «Начальное учение человекам, хотящим учиться книг Божественного Писания» увидела свет лишь в 1798 г., представляя собой осетинский перевод краткого катехизиса и заповеди, переведенные со старославянского с параллельным русским текстом. Сборник включал наставления для лиц, обращаемых в христианство, с кратким изложением основ вероучения в форме вопро-

³⁹⁷ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

сов и ответов и содержал осетинский букварь на кириллице. Первый алфавит осетинского языка на кириллической основе был разработан А. Шёгреном, изложившим результаты своего почти десятилетнего изучения осетинского языка в знаменитом труде «Осетинская грамматика», опубликованном в 1844 г. Его работа имела решающее значение в судьбе осетинской письменности, «его азбукой... осетины до сего времени печатают свои книги и пишут. По его грамматике изучало свой родной язык старшее поколение осетинской интеллигенции. Эта же грамматика, с необходимыми поправками и дополнениями, ляжет в основание будущих руководств по осетинской грамматике, если, конечно, таковым суждено когда-нибудь появиться», – так оценивали вклад Шёгрена в развитие национальной культуры осетинские просветители в начале XX в.³⁹⁸ В 1861 г. на основе грамматики Шёгрена архимандрит Иосиф (И.И. Чепиговский), управляющий осетинскими приходами и духовно-учебными заведениями Военно-Осетинского округа, подготовил букварь для приходских школ Осетии. Письменный осетинский язык развивался главным образом за счет переводов богослужебной литературы (с использованием как кириллической, так и грузинской графики), которые использовались при прохождении в школах курса Закона божьего и церковного пения. В 1884 г. «неутомимый Владикавказский епископ» Иосиф издает свой капитальный труд – «Русско-осетинский словарь с краткою осетинскою грамматикой».

Первый официальный учебник осетинского языка для школ появился лишь в 1890 г., а напечатан в следующем, 1891 г. – это был «Осетинский букварь» («Райдиан чиныг») А. Канукова, выдержавший впоследствии несколько изданий. На 90-е гг. XIX в. приходится и публикация первых светских произведений, созданных на осетинском языке – «Æфхæрдты Хæсанæ» А. Кубалова (1897) и «Ирон фæндыр» К. Хетагурова (1899).

³⁹⁸ Цаголов Г. Осетинская письменность (Историческая справка) // Терские ведомости. 1915. № 248.

Даже утвержденный кавказским наместником вел. кн. Михаилом Александровичем в 1881 г. учебный план, рекомендовавший первый год обучения в школе вести только на родном языке учащихся, не мог повлиять на ситуацию в целом – осетинский язык оставался лишь вспомогательным средством для изучения русского языка. Если осетинский язык и проходил в начальных классах, то преподавание его тормозилось отсутствием соответствующих учебников и методических руководств на этом языке. «Больше этого в то время на осетинском языке ничего, действительно, нельзя было делать. Преподавание предметов на осетинском языке не могло вестись, потому что не было осетинского учебника; если же он, осетинский язык, как предмет преподавания, не входил в упомянутый курс, то это нужно объяснять тем, что и литературы на этом языке никакой не было»³⁹⁹, – признавал известный в Осетии педагог и просветитель Х. Уруймагов.

* * *

Интенсивно протекавшие в пореформенный Осетии процессы социально-экономического и культурного развития, проникновение и широкое распространение урбанизированных форм организации социальной жизни вкупе со все возрастающим спросом на образование привели к качественным изменениям в социокультурном пространстве региона, в котором своей активностью выделялась молодая национальная интеллигенция. Вторая половина XIX – начало XX в. в истории Осетии по праву считается эпохой национального возрождения, содержание которой определяли процессы кристаллизации национального самосознания и «интенсивное строительство профессиональных основ национальной культуры»⁴⁰⁰.

³⁹⁹ Цит. по: Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 38.

⁴⁰⁰ Там же. С. 38.

Осознание родного языка как центрального ядра национальной культуры и его ключевой роли в сохранении национальной идентичности стало тем идейным фундаментом, на котором строилась культурная деятельность ее ярких представителей.

Положение осетинского языка, «забытого» в церковно-приходской школе и вытесненного оттуда русским языком как языком обучения и старославянским – как языком богослужения, стало острым сюжетом для широкого общественного обсуждения, в том числе на страницах региональной периодики. Давая ретроспективную оценку языковой ситуации, сложившейся в начальной школе, публицисты, в числе которых находились передовые представители осетинской педагогической интеллигенции, объясняли ее объективно существовавшими причинами, в числе которых не только отсутствие методической базы для успешного функционирования осетинского языка в начальной школе, но и нацеленность государственной образовательной политики на скорейшую «русификацию» «инородцев» на основе русского же языка. Именно в 1880-е гг. школа стала мощным русификаторским фактором, превратившись на Кавказе в «ведомственное орудие для преследования исключительно миссионерских целей»⁴⁰¹. Основное внимание в учебном процессе уделялось Закону божьему, который «из предмета морали превращается в предмет обучения»⁴⁰², из школы «изгоняются» учебники передовых педагогов (например, «Родное слово» К. Д. Ушинского), «осетинский язык в загоне...»⁴⁰³, и, помимо прочего, для детей, еще не освоившихся с русским языком, вводится изучение церковно-славянского.

Организация учебного процесса, в котором чрезвычайно

⁴⁰¹ Уруймагов Х. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Терек. 1909. № 3427.

⁴⁰² Фарфоровский С. Народное образование у осетин // Терек. 1917. № 5709.

⁴⁰³ Цит. по: История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. I. С. 350.

мало времени отводилось на изучение родного языка, и в начале XX в. вызвала резкую критику передовой осетинской общественности, последовательно отстаивавшей необходимость преподавания в школах на родном языке: перевод преподавания на родной язык облегчил бы детям обучение и в целом выравнивал бы ситуацию с начальной школой в Осетии, поскольку «тогда дела пойдут лучше»⁴⁰⁴. Пробудившаяся в народе потребность в просвещении требовала поддержки, которая могла быть обеспечена учебниками и литературой на родном языке. «Грамотность и грамотность на родном языке, “родная книжка”, вот где волшебный ключ к разрешению неразрешенных до сих пор вопросов о разоружении или вооружении горцев, о религии, сословиях, экономии, о разбоях, мести, калымах и других вредных обычаях. Это самое верное, дешевое, скорое лекарство для наших болезней», – именно в этом, по мнению одного из участников публичного обсуждения «языкового вопроса», должны заключаться социальный смысл и настоящая цель образовательной политики по отношению к горцам Кавказа⁴⁰⁵.

Но, как бы убедительно ни звучали слова осетинской интеллигенции в поддержку родного языка в учебной практике начальной школы, из регионального образовательного пространства он уходил. Это не могло не тревожить кристаллизующееся национальное самосознание, поскольку за утерей родного языка виделось обезличивание самого народа. «В родном языке, как воплощении личности нации, каждый народ выражает свое понимание всего существующего, выражает то, что скрывается в недрах народа. В языке видно все содержание духа целого народа», – выражал общее мнение осетинской

⁴⁰⁴ Уруймагов Х. Туземный язык в начальных школах Кавказского края // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 104.

⁴⁰⁵ Саукудз. Кое-что о письменности среди осетин и других горцев Кавказа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 79.

интеллигенции Г. Дзасохов, публицист, педагог и известный в Осетии общественный деятель, горячо отстаивавший необходимость поддержки родного языка и указывавший на его несомненные воспитательные и образовательные функции в подготовке подрастающего поколения к будущей жизни⁴⁰⁶. Аргументируя свои взгляды, Дзасохов обращается к авторитету К. Д. Ушинского как родоначальника научной педагогики. «По словам К. Д. Ушинского, – отмечает публицист, – первоначальное образование надо вести непременно на родном языке, и только после того, когда ребенок станет свободно владеть родным словом, когда он научится мыслить на родном языке, можно ожидать положительных результатов от изучения им чуждого языка... язык каждого народа создан самим народом, а не кем-нибудь другим», и, опираясь на высказанные Ушинским мысли, заключает: «Родной язык – есть и самый первый, и самый великий педагог». Задаваясь вопросом «теряют ли что-нибудь инородцы с потерей своего родного языка?», Дзасохов утверждает: «Да, теряют и теряют очень много»⁴⁰⁷.

Критически подходя к оценке правительственной политики русификации «инородческого населения» Кавказа и ее ясно читаемых результатов, публицисты пишут о ее изначальной ущербности и недальновидности: «обезличивание инородцев» в целях их скорейшего обрусения и приобщения к «русской гражданственности» приведет только к тому, что они, эти «инородцы», «искалеченные» с потерей родного языка, вряд ли смогут составить «здоровый элемент в организме русского государства».

Между тем, сам Г. Дзасохов в общем не возражает против цели «обрусения» – формирования определенного государственного единства, – предлагая «рациональный», по его убеждению, путь для ее лучшего достижения: предоставление

⁴⁰⁶ Дзасохов Гр. Образовательное и воспитательное значение отечественного языка // Казбек. 1904. 27 апреля 1904 г. № 1878.

⁴⁰⁷ Там же.

свободы в изучении родного языка. Только таким образом, «развившись на своей почве», горцы смогут *постепенно* влиться в единый государственный организм. «Цивилизация может объединить воедино и говорящих на разных языках», – заключает Дзасохов. Средством же, способствующим «привитию» горцам гражданственности, автор считает образование⁴⁰⁸.

Голос кавказской интеллигенции был услышан и на верхних этажах кавказской администрации⁴⁰⁹. И. И. Воронцов-Дашков, занявший высшую административную должность в крае после восстановления Кавказского наместничества, выступил с широкой программой реорганизации кавказской школы (предусматривающей в том числе открытие в регионе собственного учреждения высшего образования)⁴¹⁰. Его план «умиротворительной политики», предложенный в 1907 г., содержал конкретные рекомендации по устройству региональной системы народного просвещения на всех ее уровнях и учитывал конструктивный потенциал преподавания в школах на родных языках учащихся в бесконфликтном решении «национального вопроса» на Кавказе. Указывая на принудительный характер обучения русскому языку в местных школах, наместник видит в этом не только проблемы с качеством образования и «понижением умственного развития обучаемых в низшей школе», но – шире – ущемление национального чувства, «которое на Кавказе, в силу особых исторических причин, у всех крайне повышено», и еще более – «угнетение своей национальности и насильственное обрусение»⁴¹¹. Наместник с явным сожалением констатирует, что в результате проводившейся на Кавказе с 1880-х гг. школьной политики, направленной на борьбу с местными языками, школа была скомпрометирована, и убеж-

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ См.: Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1907. С. 115.

⁴¹⁰ Там же. С. 113-120.

⁴¹¹ Там же. С. 107.

дает в целесообразности применения на Кавказе системы Н. И. Ильминского как наилучшим образом отвечающей задаче просвещения «инородцев» и сближения их с русским народом «на началах взаимного уважения и доверия»⁴¹².

Говоря же о движении кавказской интеллигенции в поддержку родных языков и обеспечения им статуса обязательных в учебном процессе, Воронцов-Дашков проводит мысль о необходимости изменения государственной образовательной политики по отношению к Кавказу⁴¹³, к которому, как он убежден, «нельзя применять общего шаблона»⁴¹⁴.

В то же время прогрессивно настроенной осетинской общественностью признавалось решающее значение русской школы и русского языка в движении народа к формированию общероссийской гражданской идентичности. На страницах печати высказывались даже мысли об утопичности идеи развития собственной школы у кавказских народов и недостаточном человеческом потенциале для создания национальной литературы: «Племена кавказские никогда не будут иметь своей школы. Вопрос этот историей уже решен. Над чем же тут еще ломать копья!» – жестко, если не пессимистично, заключает Г. Дзасохов и продолжает: «Отдельные лица, вроде Коста Хетагурова, всегда могут появиться и писать стихи на всех языках. Но для создания литературы творений этих единиц очень мало»⁴¹⁵. Он уверен, что необходимо здраво оценивать действительность и, вооружившись ясно осознанной программой действий, отделять фантазии от осуществимых идей. Главное для народа – это просвещение, а оно в свою очередь заключается в «усвоении русской гражданственности...» Только рус-

⁴¹² Там же. С. 115.

⁴¹³ Там же. С. 115-116.

⁴¹⁴ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1913. С. 33.

⁴¹⁵ Дзасохов Г. К ревнителям просвещения инородцев // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1991. Кн. 5. С. 223.

ская школа и русский язык для инородцев, по мнению автора, – единственный путь приобщения к русской и европейской культуре, а это требует более серьезного внимания к практике преподавания русского языка в инородческой школе⁴¹⁶.

В качестве дополнительных каналов распространения русского языка и достижений современной науки среди кавказских народов Дзасохов предлагает задействовать разнообразные формы организации культурно-просветительской деятельности: воскресные школы, устроенные в каждом селе, тематические народные чтения с «туманными картинками», перевод научно-популярных брошюр по разным отраслям знания на местные языки. Все эти меры, как поясняет Дзасохов, сделают «неизбежную ломку жизни... более безболезненной и продуктивной»⁴¹⁷.

Примечательно, что сам Харитон Уруймагов, ратовавший за возвращение в учебные программы осетинского языка, учительствуя в Дарг-Кохской школе (а Дарг-Кох – это плоскостное селение Осетии), не слишком много внимания уделял преподаванию языка русского – судя по отчету о ревизии школ ОВПХ в мае-июне 1892 г., в обучении русскому языку в школе имелись «промахи»: «В I отделении прием сделан был в январе, у учеников не оказалось книг, стало быть они не учились ничему, в II отделении очень плохо говорят по-русски, в III отделении читают не бойко, навыку мало, в IV отделении знают грамматику, но нет выразительности при чтении и мало понимания. Зато письменные работы выправляются усерднее, чем в других школах, и самое правописание учащихся лучше»⁴¹⁸. Нельзя утверждать, что такая ситуация с преподаванием русского языка была повсеместной: к примеру, в Алагиро-Салугарданской школе, где преподавали учителя Сохиев и Сергеев, осетинские мальчики говорили по-русски даже в младшем отделении,

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Там же. С. 224-225.

⁴¹⁸ НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 73. Л. 15.

а книгой для чтения («вопреки распоряжениям начальства»!) служило «Родное слово» Ушинского.⁴¹⁹ В том же отчете отмечены успехи учеников в изучении русского языка в школе отдаленного селения Даллаг-кау, где уже младшие школьники могли без подготовки читать целые статьи⁴²⁰.

Как ни парадоксально, но положение русского языка как предмета учебного курса в церковно-приходской школе на юге России также не было благополучным, причем не только в школе «туземной», но и собственно русской, предназначенной для казачьего населения, на что обращалось внимание в епархиальной печати. Общая проблема «русской» школы заключалась в обеспечении курса русского языка грамотно составленными учебниками, учитывающими и возрастные особенности учеников, и социально-культурные характеристики их внешкольного быта. При том, что объем курса русского языка в начальной церковной школе был не ниже, чем в министерских или земских школах, единого по содержанию учебника, отвечающего учебным планам, предложено не было. Разработанная для церковно-приходской школы программа прохождения курса русского языка в качестве цели обучения предлагала научить ребенка «правильно, бегло и толково читать... писать без грубых звуковых и этимологических ошибок... передавать содержание прочитанных статей»⁴²¹. Однако, помимо указанных практических целей, повышение эффективности преподавания русского языка должно было способствовать решению и более широких задач, соотносенных с государственной конфессиональной и образовательной политикой на окраинах империи. Поставив на первое место преподавание основных начал христианства, церковно-приходская

⁴¹⁹ Там же. Л. 20.

⁴²⁰ Там же. Л. 22.

⁴²¹ Светозоров Е. Вступительное чтение по русскому языку на педагогических курсах учителей и учительниц церковно-приходских школ Владикавказской епархии // ВЕВ. Часть неофициальная. 1898. № 16. С. 289.

школа, по замыслу ее организаторов, «вносила гуманные, человеческие, основанные на религии начала в жизнь народа»⁴²², и в этом безусловно важная роль отводилась русскому языку в качестве главного средства закрепления в сознании ребенка основ православия как государственной религии. Кроме того что язык был носителем православия, он выполнял и другую социальную (или даже цивилизационную) миссию: «...поступающих в наши (церковно-приходские. – *Авт.*) школы детей иных национальностей путем языка, этого мирного завоевателя, приобщить к великому течению жизни русского народа и, таким образом, выполнить государственное назначение школы на окраинах нашего отечества»⁴²³.

С этим императивом социально-культурного развития Осетии соглашались даже наиболее радикальные оппоненты церковной школы: высказываясь в пользу введения в школьную практику родного языка в качестве языка обучения, они также признавали значение русского языка для горцев в приобщении их к «русской гражданственности и жизни» и широко понимаемой деятельности «культурных людей» (К. Хетагуров).

* * *

Таков главный вывод из работы общественной мысли Осетии в начале XX века – аргументация позитивной мотивации горцев к усвоению русского языка. Народы Кавказа самой жизнью оказались поставлены перед необходимостью скорейшей адаптации к сложившимся социально-политическим, хозяйственно-экономическим и социокультурным реалиям, а движение к прогрессу становится возможным только путем приобщения к русской и европейской культуре, формирования общегражданской идентичности на основе русского языка. Но, чтобы не потерять собственное национальное лицо, в этом движении к гражданскому универсуму необходимо сберечь

⁴²² Там же. С. 291.

⁴²³ Там же. С. 290.

родной язык – ядро национальной культуры, хранителя народной души. В условиях отсутствия государственной поддержки сохранение родного языка, возвращение ему воспитательных и педагогических функций в процессе подготовки к будущей жизни подрастающих поколений оказывается императивом культурной деятельности национальной интеллигенции и лейтмотивом публицистического дискурса начала XX в.

ГЛАВА 4.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Формы социальной активности в урбанистической среде

Великие реформы 60-х – 70-х гг. XIX в. подтолкнули Северный Кавказ к коренной перестройке всей социально-экономической системы и ускорили процессы его интеграции в общероссийское и мировое культурное, научное и образовательное пространство. Потребности экономического развития региона выдвигали в качестве первоочередной задачи подготовку достаточного количества грамотных специалистов с уровнем квалификации не ниже среднего, что в свою очередь стимулировало рост числа учебных заведений. Все они обеспечивали низшие категории населения начальным и профессиональным образованием, которое давало возможность включиться в складывающуюся капиталистическую экономическую систему. Естественным следствием этих процессов стало появление светской национальной интеллигенции, ядро которой составляло местное учительство, чиновничество, разночинная интеллигенция, офицерство и т. п.

Прогрессивно настроенное учительство тяготело к получению новых знаний и одновременно – к расширению поля своей профессиональной деятельности, вовлечению как можно большего числа детей и взрослых в образовательный процесс и приобщению их к достижениям русской и мировой культуры, в том числе через просветительские, филантропические, профессиональные и другие негосударственные добровольные объединения и ассоциации. Культурно-просветительская деятельность северокавказской интеллигенции, будучи относительно новым для регионального социокультурного пространства видом социальной активности, лежала в русле общероссийской тенденции к проявлению обще-

ственной и частной инициативы, дополняющей, а порой и замещающей деятельность официальных государственных институтов. В пореформенные десятилетия в стране возникло и функционировало 11040 благотворительных учреждений⁴²⁴. Масштабная практика негосударственных объединений разного профиля в значительной мере способствовала решению важных социальных задач в условиях явно недостаточной поддержки социальной сферы со стороны официальных ведомств. И уже в начале XX в. на волне революционного общественного подъема и возрастания политической активности и в продолжение Манифеста 17 октября 1905 г. верховная власть в законодательном порядке утвердила прежде потенциальную возможность создания общественных организаций, превратив ее тем самым в законное право. Именной высочайший Указ «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. регламентировал порядок их создания, юридической регистрации, функционирования и в то же время определял границы свободы в собственной деятельности и во взаимоотношениях с органами государственной власти⁴²⁵. Обеспечив общественную инициативу правовой базой и поставив ее под государственный контроль, правительство таким образом легитимировало их деятельность, достигнув при этом двоякой цели: соблюдение государственных интересов и соответствие вызовам времени, требующего модернизации всей общественной системы.

Всплеск социальной благотворительности рубежа XIX-XX в. на Северном Кавказе происходил главным образом в городах, где складывалась особая социокультурная среда, характеристики которой определялись полиэтничным и поликонфессиональным составом их населения. Именно в северо-

⁴²⁴ Туаева Б.В. Особенности формирования северокавказского поликультурного общества в пореформенной России: народно-образовательный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5 (60). С. 207.

⁴²⁵ ПСЗ-III. Собрание 3-е. Т. XXVI. Ч. 1. № 27479.

кавказских городах появлялись инновационные проекты, через них транслировались российские и мировые культурные тренды, создавались современные площадки для разноплановой светской деятельности, в которой одинаково активное участие принимали населявшие их разные этнические группы. Их усилиями открывались начальные образовательные учреждения и создавались иные институциональные формы организации повседневной жизни, появлявшиеся, как правило, вокруг духовно-религиозного центра и позволявшие минимизировать болезненные последствия адаптации к иноэтничной среде в урбанистическом пространстве⁴²⁶.

Социокультурная мозаика северокавказских городов добавляла образу Кавказа, формируемому в российском общественном сознании сквозь призму художественного восприятия региона, «ориентальности», неповторимой самобытности. Между тем, численно и культурно доминирующим на Северном Кавказе этносом уже в пореформенные десятилетия стал русский, а русский язык оказывался языком консолидации и межэтнического общения, все более расширяя поле своего функционирования, перешагнув из сугубо делопроизводственной сферы в сферу обыденности, городской повседневности и приобретя особо престижный статус в качестве «пропуска» в иной мир – мир бизнеса, культуры, политики.

Русское население северокавказских городов считалось не только опорой власти в регионе, априори являясь носителем и проводником идей российской «гражданственности» и «законности», – оно несло с собой действительно мощный культуртрегерский потенциал, задавая жизненные ритмы, укореняя в местной среде традиции городской культуры и неся с собой особую ментальность, менявшуюся, впрочем, под воздействием местной (поли)этнической среды. Таким образом

⁴²⁶ См. подробнее: Канукова З. В., Гутиева Э. Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 71-82.

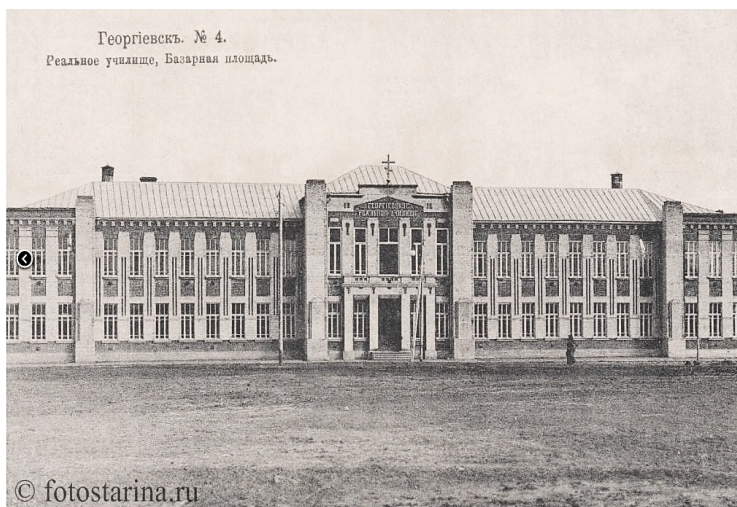
постепенно возникал феномен северокавказского города, где, как в лаборатории, «вырабатывался некий общий для местных и русских жителей “обиходный” стиль жизни»⁴²⁷, отличный от образа жизни и в городах Центральной России, и в древних городских центрах Закавказья.

Однако, отличаясь от городских поселений Российской империи по стилю и образу жизни, северокавказские города выступали все же как полноценные урбанистические системы с необходимой для их функционирования хозяйственно-культурной инфраструктурой. По мнению исследователя городской культуры Л. В. Кошман, «культурная среда города определялась состоянием образовательных и культурно-просветительских учреждений, функционированием в городе школ, библиотек, театров, музеев и картинных галерей, развитием печати, сети книжной торговли»⁴²⁸. В данном контексте северокавказские города вполне соответствовали критериям городской культуры – здесь уже во второй половине XIX в. стали появляться образовательные и культурно-просветительские учреждения, деятельность которых в значительной мере дополнялась системой общественных организаций благотворительного характера, являвшихся неотъемлемой частью социокультурного городского ландшафта. Значительное количество культурно-просветительских учреждений разного профиля – от благотворительных до профессиональных – к началу XX в. уже имело свою историю. К примеру, к 1900 г. в Терской области насчитывалось более 25 благотворительных, просветительских и профессиональных обществ, большей частью находившихся во Владикавказе, но также и в других городах региона: Пятигорске, Моздоке, Георгиевске, Нальчике, Грозном⁴²⁹.

⁴²⁷ Русские в Евразии XVII-XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. Тула, 2008. С. 319.

⁴²⁸ Кошман Л. В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки истории русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 31.

⁴²⁹ Адрес-календарь // Терский календарь на 1901 г. 1900. Вып. 10. С. 43-47.

*Георгиевск. Реальное училище. Источник:
<http://fotostarina.ru/georgievskiy-rayon/>*

*Грозный. Женская гимназія.
Источник: <http://fotostarina.ru/groznyu/>*

Наиболее значительным как по масштабу деятельности, так и по результативности не без оснований считалось Общество по устройству народных чтений в г. Владикавказе и Терской области, проработавшее вплоть до 1920 г. Тот факт, что оно было основано в конце 1890-х гг., свидетельствовал о чрезвычайно возросшей потребности в просвещении, возникшей в северокавказском социуме (особенно в Осетии) к концу девятнадцатого столетия, которую не могли удовлетворить существующие учебные заведения. Жизненные обстоятельства и культурные приоритеты среды ставили людей перед необходимостью расширения кругозора и знакомства с достижениями мировой науки, культуры и просвещения. И филантропически настроенная интеллигенция, хорошо сознавая издержки государственной системы народного просвещения (а многие из ее представителей были выходцами из учительской среды), по-своему откликнулась на этот запрос.

Институт народных чтений возник в России на волне либерализации общественного сознания в ходе проведения буржуазных реформ. Признавая высокий образовательно-воспитательный потенциал публичных лекций «для народа», правительство в 1870-х гг., практически одновременно с проведением комплекса образовательных реформ, взяло их под контроль как одну из форм внешкольного просвещения низших слоев населения страны и действенный механизм влияния на «народную нравственность», посредством которого в массы транслировалась не просто социально значимая информация, а государственная идеология в ее основных компонентах. Поэтому и сам порядок проведения публичных чтений, и их содержательная составляющая довольно жестко регламентировались.

Правилами для устройства народных чтений от 24 декабря 1876 г. разрешалось организовывать их «по просьбам обществ и частных лиц» лишь в губернских городах, причем только

в помещениях городских школ или училищ, а тексты для лекций извлекались из изданий, прошедших через Ученый комитет Министерства народного просвещения или Св. Синод. Представители учебного или духовного ведомств обязывались непосредственно контролировать подобного рода публичные мероприятия, неся за них личную ответственность⁴³⁰. Уставы обществ по проведению народных чтений утверждались Комитетом министров⁴³¹. И только в 1896 г. народные чтения было разрешено устраивать и вне губернских городов – в уездных городах и селениях, но всякий раз по согласованию с министрами народного просвещения и внутренних дел и обер-прокурором Св. Синода, при этом «нравственная и политическая благонадежность» организаторов этих мероприятий должна была быть «надлежащим образом удостоверена»⁴³².

В начале XX в. были допущены некоторые послабления как в организации народных чтений, так и в выборе лекционного материала. Новые правила о народных чтениях, утвержденные 28 января 1901 г.⁴³³, признавали сами эти мероприятия «одним из средств начального народного образования» и разрешали устраивать их также фабриками и заводами для своих рабочих. Лекции могли проводиться не только в помещениях, но и вне их. В ходе самой лекции допускалось не зачитывать тексты, а пересказывать их, и при выборе лекционного материала обращаться не только к изданиям, перечисленным в каталогах, утвержденных МНП, но и к другим сочинениям, впрочем, только с одобрения директора народных училищ учебного округа. Для проведения чтений требовалось ходатайство директора народных училищ, надзорные обязанности

⁴³⁰ ПСЗ-П. Т. LI. Отд. 2. № 56762.

⁴³¹ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Первое пятилетие. 1867-1871. Тифлис, 1891. С. 708.

⁴³² ПСЗ-П. Т. XIV. № 10993.

⁴³³ ПСЗ-П. Т. XXI. Отд. 1. № 19619.

возлагались на губернатора. Через год, в марте 1902 г., особым циркуляром МНП «в целях расширения материала для публичных народных чтений» разрешалось пользоваться изданиями, включенными в каталог для бесплатных народных читален, сформированный Ученым комитетом МНП⁴³⁴.

Во Владикавказе публичные лекции, или «открытые чтения», проводились уже с июля 1870 г.⁴³⁵, однако институциональное оформление деятельности по широкой популяризации научных знаний получила лишь в 1897 г., когда в городе начало действовать Общество по устройству народных чтений в г. Владикавказе и Терской области.

Для достижения поставленных целей владикавказское Общество по устройству народных чтений обязывалось по воскресным и праздничным дням организовывать мероприятия с привлечением различных наглядных пособий, использованием кинематографа. Оно имело несколько аудиторий: в женской прогимназии, в городской управе, в мещанском и Николаевском училищах. В 1903 г. была открыта аудитория в Пушкинском училище, в 1906 г. – на Молоканской и Курской слободках. Лекционная деятельность была рассчитана на разные категории горожан. В программу входили чтения по произведениям А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и других русских и зарубежных авторов, беседы на духовно-нравственные темы, лекции по общественно-политическим и экономическим вопросам, по страноведению, по профилактике инфекционных заболеваний и т. п. Правление Общества устраивало чтения и на осетинском языке: врач Беликов на Владимирской слободки читал лекции о чуме и других инфекционных заболеваниях, горожанин Амбалов – о роли кооперативов⁴³⁶. Среди осетин было немало популярных лекторов. Местная пресса опублико-

⁴³⁴ О расширении материала для публичных народных чтений // Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Ч. СССХХХХІ. Июнь. СПб.: Сенатская типография, 1902. С. 99-100.

⁴³⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 468. Л. 16.

⁴³⁶ Терские ведомости. 1914. № 112.

вала восторженные отзывы о лекциях И. В. Баева по биологическим, социально-хозяйственным и нравственно-религиозным аспектам брака, мистицизме, поэзии, сбор с которых шел в пользу «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области»⁴³⁷. По просьбе различных промышленных предприятий читались лекции для рабочих и мастеровых. Общество открыло бесплатную библиотеку-читальню на Базарной площади.

Членами Общества могли состоять в «неограниченном количестве» лица «обоего пола христианских исповеданий», достигшие совершеннолетия. К 1909 г. в списках Общества значился 81 человек⁴³⁸. Это были передовые люди, представляющие разные национальности и социальные слои горожан: предприниматели, купцы, чиновники, архитекторы, врачи, учителя, публицисты, просто состоятельные горожане, глубоко верующие в идеи просвещения и убежденные в необходимости широкой просветительской деятельности, способной оказать благотворное влияние на общий культурный уровень «народных масс». Почетным членом Общества являлся Г. Г. Тер-Барсегов, действительными – М. М. Архангельский, Г. А. Вертепов, Н. Г. Гасумянц, В. Г. Грозмани, М. А. Караулов, А. А. Микеладзе, И. И. Тускаев, Л. А. Сидамонов, Н. Н. Шмидт, Е. И. Попов и др.⁴³⁹

Отчеты о регулярно проводимых мероприятиях Общества печатались в местных печатных изданиях. Так, данные за 1907-1908 гг. фиксируют 79 проведенных «аудиторий» по Терской области, среди которых значатся 25 владикавказских аудиторий; в слободе Нальчик – аудитория Горской школы и церковно-приходской школы; в городе Моздоке – 5-ти классного училища; в городе Георгиевске – резервного бата-

⁴³⁷ Терские ведомости. 1913. № 64; 1916. № 74.

⁴³⁸ Отчет о деятельности Общества по устройству народных чтений в г. Владикавказе и Терской области за 1907-1909 гг. Владикавказ, 1909. С. 25.

⁴³⁹ Там же. С. 24-25.

льона и Горского училища; в городе Кизляре; в Михайловской немецкой колонии; в Пятигорском обществе пособия бедным и в отделении «Союза русского народа»; в городе Грозном; в Кисловодском обществе пособия бедным и в других «станциях, городах, селениях и слободах»⁴⁴⁰.

В трех бесплатных владикавказских аудиториях Общества – женской прогимназии, Пушкинской аудитории и на Курской слободке при Вознесенской церковно-приходской школе – в течение этого периода было устроено «114 чтений: по естествознанию, географии, русской истории, литературе и по брошюрам духовно-нравственного содержания». Одни чтения предназначались для взрослых, другие для детей. Чтения посетили 13700 человек, из них преобладающее большинство составляли дети⁴⁴¹.

Пушкинская народная аудитория

В 1911 г. в читальне и в аудитории Пушкинского училища были установлены сцены для постановки спектаклей с целью «дать народу разумное и дешевое развлечение». Члены Общества ставили пьесы А. Островского, М. Горького, Н. Гоголя и других известных русских писателей.

⁴⁴⁰ Там же. С. 3-5.

⁴⁴¹ Там же. С. 5.

Со временем в структуре Общества сформировалось шесть отделов – духовный, литературный, исторический, географический, естествоведческий и медицинский. В течение 1911-1912 гг. было организовано 1083 мероприятия, привлечших 138566 слушателей из самых разнородных социальных слоев. Столь эффективная деятельность поощрялась субсидиями от администрации. По инициативе Общества было принято решение о строительстве народного дома, в котором бы располагались сцена, аудитория, библиотека, областной музей⁴⁴². Газеты сообщали о закладке здания «народного дома». Свидетелями этой акции были представитель начальника Терской области, его супруга Н. Я. Флейшер, городской голова Г. Баев, директора и учителя местных учебных заведений, представители общественных организаций, горожане; было совершено молебствие и закладка здания⁴⁴³.

В мае 1914 г. Общество обратилось к областной администрации с просьбой внести дополнительный пункт в свой Устав – право приобретать в собственность или аренду движимое и недвижимое имущество. Речь шла о Народном доме, который в случае закрытия Общества должен был перейти Владикавказскому городскому самоуправлению для тех же целей⁴⁴⁴.

Несмотря на то, что лекторы не были вольны в отборе материала для своих выступлений, пользуясь только изданиями, рекомендованными для публичных чтений МНП или Св. Синодом, сами лекции были чрезвычайно популярны среди населения Терской области, вызывая у людей неподдельный интерес. Их тематический охват заметно расширял рамки весьма скудной программы начальной школы, и слушателей особенно интересовали лекции на темы из истории, географии, медици-

⁴⁴² История Владикавказа (1781-1990 гг.): Сборник документов и материалов/Сост. М. Д. Бетоева, Л. Д. Бирюкова. Владикавказ, 1991. С. 305.

⁴⁴³ История Владикавказа. С. 305; Терские ведомости. 1906. № 36; 1915. № 36.

⁴⁴⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 533. Л. 1-3.

ны, литературы, естествознания, а также по вопросам духовного характера.

В отчетах Общества отложилась информация о масштабе охвата публичными лекциями разных слоев населения и населенных пунктов Терской области. Платные и бесплатные публичные чтения, популярные лекции, выставки находили свою аудиторию, но особенно выделялись чтения для детей. Список произведений для детей включал как сочинения русских писателей и поэтов, так и образцы народного творчества: «Розанчик. Сказка; Старшие богатыри. Младшие богатыри. Илья Муромец. Заезжие Богатыри. Новгородские богатыри; Сказка об Иване Царевиче и Сером волке; Короленко. Стар. звон; Гаршин. Сигнал; Жуковский. Сказка о Жар-Птице; Путешествие от Владикавказа до Тифлиса; Где любовь, там и Бог. Гр. Л. Толстого; Где честный труд, там и счастье; басни Крылова; Пропавшая грамота Гоголя» и др.⁴⁴⁵ Численность детской аудитории на одной публичной лекции могла достигать 400 человек.

* * *

Волна по устройству благотворительных обществ культурно-просветительской направленности прокатилась по Северному Кавказу на рубеже XIX-XX вв., вызвав к жизни целый ряд подобных организаций во многих северокавказских городах. Их целью, как правило, было расширение у слушателей представлений об истории, географии и этнографии родного края, его природных и нематериальных богатствах, представленных родным языком и духовной культурой населявших его народов. Культурно-просветительские общества в конце XIX в. возникли в Моздоке, Майкопе и других населенных пунктах Северного Кавказа. Таковы были, к примеру, Общество для из-

⁴⁴⁵ См.: Отчет о деятельности Общества по устройству народных чтений ... за 1907-1909 гг.

учения Северо-Кавказского края в естественно-историческом и антропологическом отношениях (г. Ставрополь), Кружок изучения Северного Кавказа (г. Моздок) и др. Идеями просвещения населения руководствовались и организации, ориентированные на популяризацию новейших сведений и технологий в сельском хозяйстве: например, Кубанское Экономическое Общество (г. Екатеринодар), Терское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности (г. Владикавказ) и др.

Сложившееся в Ставропольской губернии просветительское добровольное объединение, именуемое «Обществом для содействия распространению народного образования» (действовавшее в г. Ставрополе с 1878 г.), как и другие родственные объединения, ставило целью популяризацию истории региона и традиций населяющих его народов, знакомство общественности с новшествами в сельском хозяйстве, начальными экономическими знаниями и т.п., в то же время играя определенную роль в формировании у местного населения российской идентичности.

Несомненная заслуга в организации и проведении народных чтений принадлежала преподавательнице Александровской женской гимназии Марии Осиповне Ясинской. Они предназначались не только для грамотных, но и для тех, кто умел читать, но не мог самостоятельно разобраться в прочитанном. Чтения регулярно устраивались в самом Ставрополе и в некоторых селах губернии. Тематика проводимых мероприятий включала религиозные, исторические, географические вопросы. Чтения играли важную роль в просвещении и идеологическом воспитании населения. В 1899-1901 гг. их посетило около 5000 человек. Народные гуляния с беспроигрышной лотереей обеспечивали пополнение кассы Общества⁴⁴⁶.

⁴⁴⁶ Отчет Общества для содействия распространения народного образования в г. Ставрополе за 1800-1881 уч. год. Ставрополь, 1882. С.2; Отчет общества образования в г. Ставрополе за 1899-1900 уч. год. Ставрополь, 1901. С.41; ГАСК. Ф.101. Оп.4. Д. 3425. Л. 59.

Ставрополь. Женская гимназия св. Александры

Совершенно особый интерес у людей вызывали народные чтения, сопровождаемые показом «туманных картин». Подобного рода просветительские мероприятия устраивались представителями передовой интеллигенции для жителей г. Майкопа. Руководила этим делом специальная комиссия народных чтений, в состав которой входили педагоги, врачи и другие культурные силы города. Руководителем и душой комиссии стал Ф. И. Домашевский⁴⁴⁷.

Несмотря на уездный статус города, именно там появился Майкопский народный университет, в который 3 марта 1908 г. была преобразована комиссия народных чтений. Целью деятельности «народного университета» оставалась все то же распространение знаний среди населения. Менее чем через два года деятельности университета, уже к 1910 г., его лекторами было прочитано 35 лекций, которые прослушало 11050 человек. В этом же году при народном университете были организованы вечерние курсы для взрослых. Однако в скором вре-

⁴⁴⁷ Майкоп: краткий исторический очерк: к 100-летию со дня основания/П. Ф. Коссович, М. З. Азаматова, С. Н. Малых. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1957. С. 31.

мени деятельность народного университета, не получая поддержки, постепенно угасла⁴⁴⁸.

Будучи своеобразным культурным маркером начала XX в., просветительские общества своей активностью охватывали широкий диапазон научной, культурной, хозяйственной, медицинской и т.п. тематики, не касаясь, впрочем, современной социально-политической проблематики, что определяло их как аполитичные объединения. В то же время заинтересованность в повышении культурного уровня сограждан и активная деятельность в этом направлении давали участникам этих объединений – людям, как правило, настроенным прогрессивно, – возможность определенным образом, хотя и опосредованно, влиять на социально-политическую ситуацию в регионе, несколько смягчая или сглаживая ее остроту. Изучение края, народных традиций, распространение полезных знаний в различных областях жизнедеятельности общества: сельском хозяйстве, экономике, медицине и т.п., знакомство с новомодными культурными развлечениями и светским времяпрепровождением – все эти занятия как бы перенаправляли социальную энергию в конструктивное русло и способствовали консолидации широкого круга единомышленников на основе социально значимых потребностей, не касавшихся напрямую политической сферы, но игравших свою роль в распространении и утверждении культурных маркеров российской цивилизации в северокавказском социуме.

Именно таким являлось организованное в Ставрополе «Общество для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом и антропологическом отношениях»⁴⁴⁹. По утвержденному Уставу Общество ставило перед собой цель изучения Северного Кавказа в указанных отношениях и популяризацию естественноисторических знаний. В Общество приглашались лица обоего пола, интересующиеся и занима-

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ На Кавказе. 1910. № 7-8. С. 424.

ющиеся «изучением естественно-исторических наук, географии и антропологии». Не допускались несовершеннолетние, нижние воинские чины, учащиеся нижних учебных заведений. Ежегодный взнос составлял 3 рубля⁴⁵⁰.

Общество изучения Северо-Кавказского края, имея широкую аудиторию в просветительском деле, располагало многочисленными способами донесения информации. Членами Общества устраивались выставки, собрания, благотворительные акции, где заслушивались доклады и сообщения по различной тематике.

Позднее подобное общество возникает в городе Моздоке Терской области, хотя и с меньшим охватом единомышленников. Зарегистрировано оно было как «Кружок изучения Северного Кавказа»⁴⁵¹, инициаторами создания которого стали учащиеся Моздокского реального училища, а его руководителем – преподаватель Г. Коровицкий.

Разнообразные задачи изучения Северного Кавказа в «естественно-географическом, историко-археологическом, культурно-экономическом и этнографическом отношениях края обширного и недостаточно исследованного», могли быть решены Моздокским Обществом только при привлечении и участии «местных исследователей». Для этого члены Кружка обращались к горожанам с просьбой о содействии, где «каждый наблюдатель и исследователь может изучать то, что находит для себя наиболее подходящим и интересным»⁴⁵². Отмечалось, что всестороннее изучения края «подготавливается медленным и кропотливым накоплением фактов». Одной из задач Кружка было намечено создание естественноисторического музея и библиотеки.

Для более плодотворной работы Моздокский Кружок изучения Северного Кавказа свою работу разбил по направлениям:

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ Кружок изучения Северного Кавказа. Моздок. 1917. С. 1-7.

⁴⁵² Там же. С. 2.

а) Естественно-географический обзор родного края, включающий метеорологические наблюдения, геологические наблюдения, ботанические наблюдения и гербарии, зоологические наблюдения и коллекции, географическую номенклатуру (словарь местных названий, книги, статьи, заметки по географии края).

б) Этнографический обзор, включающий народную словесность, описание семейного быта, жилищ, народную медицину.

в) Культурно-экономический обзор, включающий занятия населения, формы и системы землевладения, скотоводство, рыболовство, торговлю и др.

г) Исторический обзор, включающий историю заселения края, исторические события, предания и рассказы о местной старине, археологические изыскания и пр.

Несомненно, Моздокский Кружок самым фактом своего появления, не говоря уже о практической работе, внес существенный вклад в культурно-просветительское дело в регионе, свидетельствуя о значительной популярности такого рода деятельности в крае, всколыхнувшей даже совсем небольшие, «заштатные» города, каким был Моздок на рубеже XIX-XX столетий.

* * *

Отдельно следует сказать о филиалах столичных культурно-просветительских и благотворительных обществ, открываемых в российских регионах и патронируемых императорским двором. Повышенное внимание с его стороны к подобного рода учреждениям на Северном Кавказе лишь подчеркивало неоднозначность отношения власти к новоприобретенной окраине⁴⁵³, а их успешное функционирование требовало уже подготовленной социально-культурной почвы. Значимость та-

⁴⁵³ Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII-XIX вв.). Тула, 2011. С. 199.

ких общественных объединений в новом для Северного Кавказа социокультурном поле, формирующемся под воздействием внешних факторов, подчеркивало то обстоятельство, что возглавляли их первые лица, занимающие высшие должности в системе кавказского управления. Так, например, покровителем Императорского Кавказского Медицинского общества являлся бывший кавказский наместник вел. князь Михаил Николаевич, Кавказскому Отделу Императорского Русского Географического общества покровительствовал главноуправляющий гражданской частью на Кавказе А. М. Дондуков-Корсаков, он же возглавлял Кавказское Общество Сельского хозяйства. Высшие должностные лица на Кавказе, как светские, так и духовные (А. М. Дондуков-Корсаков, С. А. Шереметев, экзарх Грузии Палладий), входили в качестве почетных членов в Кавказское общество истории и археологии (наряду с выдающимися учеными-кавказоведами того времени Вирховым и Шантром), Обществу восстановления православного христианства на Кавказе – поначалу общественной организации, возникшей с миссионерско-образовательными целями, перешедшей в ведение Св. Синода в середине 1880-х гг., – покровительствовала сама вел. княгиня Ольга Федоровна⁴⁵⁴.

И финансовое обеспечение, и масштабы деятельности этих обществ позволяли устраивать не только разовые мероприятия, но и организовывать постоянно действующие музеи, библиотеки, школы и находить иные формы для реализации социальной активности.

Динамично развивались Кавказское и Бакинское Отделения Императорского русского технического общества, Тифлисское Общество покровительства животных, Владикавказское отделение Русского Горного Общества⁴⁵⁵, Владикавказское отделение Императорского русского музыкального общества⁴⁵⁶ и др.

⁴⁵⁴ Адрес-календарь // Кавказский календарь на 1901 г. С. 312-313.

⁴⁵⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 223. Л. 6.

⁴⁵⁶ Там же. Д. 103. Л. 8.

Наличие покровительства и курации двором обществ и их филиалов предполагали регулярную финансовую и другую помощь, а также значительный масштаб охвата населения и проводимых образовательных и просветительских мероприятий.

К началу XX в. перечень культурно-просветительских, благотворительных, досуговых и других добровольных ассоциаций и обществ, возникших в северокавказских городах, возрастает. Значительный пласт архивных данных по Владикавказу за 1909 г. зафиксировал следующие сведения о разнотипности деятельности и многонациональном составе обществ: «1. Осетинское издательство общества «ИР», правление коего помещается в доме №5 по Евдокимовской улице. Состав правления общества: Председатель общества – присяжный поверенный Александр Захарович Кубалов; член общества – врач Лаврентий Борисович Газданов. Цель общества – издание популярных брошюр для народа. <...> 6. Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в Терской области. <...> 8. Владикавказское Политехническое общество. Состав правления общества: председатель общества – Николай Александрович Шлейснер; помощник председателя – Башир Керимович Далгат; члены общества – Дмитрий Дмитриевич Батюшков, Константин Акимович Исакович, Иван Сафронович Текелашвили, Андрей Игнатьевич Духовский; цель общества – распространение знаний научного содержания по новейшей методике. <...> 11. Владикавказская группа «Французского союза» (Alliance Française). Председатель союза – действительный статский советник доктор Николай Николаевич Салтыков; <...> цель союза – распространение французского языка. <...> 18. Владикавказское общество любителей охоты. Состав правления общества: председатель общества – Артур Адольфович Рогалевич; помощник председателя – Алоизий Игнатьевич Борейш; казначей Александр Кириллович Кнапп; секретарь

– Михаил Ульянович Тарабрин; старшины – Стефан Антонович Головач, Николай Никонорович Кукушкин, Всеволод Васильевич Ермаков, Дмитрий Иванович Хадалицкий; цель общества – ведение правильной охоты, согласно высочайше утвержденных правил; борьба с браконьерством и промышленниками; разведение лучших пород зверей и птиц, охрана их от поголовного уничтожения»⁴⁵⁷.

Многие негосударственные добровольные объединения со временем были закрыты либо ликвидированы официальной властью за неисполнением своих обязательств или как неэффективные. Те же, которые смогли проявить себя в актуальном ключе, вписавшись в требования общества и времени, просуществовали вплоть до революционных событий 1917 г., а Общество по устройству народных чтений в г. Владикавказе и Терской области – до 1920 г.

* * *

Одним из наиболее выдающихся общественных объединений на Северном Кавказе, созданных с культурно-просветительскими и образовательными целями, по праву считалось благотворительное Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области (1882). Развитие системы народного просвещения, потребность населения региона, как и в целом Российской империи, в новых знаниях обозначали новые задачи и предполагали работу над недостающими звеньями. Заметная часть острых социальных проблем разрешалась за счет общественной и частной гражданской инициативы. И Общество распространения образования и технических сведений уже со дня своего основания было ориентировано на поддержку развития социально-культурной сферы в регионе, поставив перед собой широкомасштабные цели, сформулированные инициаторами создания этой орга-

⁴⁵⁷ Там же. Л. 6-14.

низации – представителями передовой владикавказской интеллигенции, в числе которых были К. Л. Хетагуров – осетинский поэт, публицист, просветитель, В. Г. Шрёдерс – несколько лет заведующая 1-м Владикавказским двухклассным женским училищем, М. З. Кипиани – управляющий межевой частью Терской области, основатель грузинской школы во Владикавказе, первый председатель Общества, М. М. Далгат – врач, со временем ставший видным политическим и общественным деятелем в Российской империи, будущий депутат Государственной думы и председатель думского комитета по делам национальностей, Дж. Т. Шанаев – присяжный поверенный, этнограф, собиратель осетинских нартских сказаний, а также другие блестящие представители молодой северокавказской интеллигенции, выходцы из разных сословий и разных этнических групп.

Коста Леванович Хетагуров

Варвара Григорьевна Шрёдерс

Михаил Заалович Кипиани

Магомед Магомедович Далгат. Источник: <https://oldvladikavkaz.livejournal.com/139176.html>

Джантемир Текаевич Шанаев

Вес и роль Общества в просветительском движении и в целом в развитии образовательного пространства в Терской области трудно переоценить. Его Устав был утвержден 12 октября 1882 г. в Тифлисе начальником Главного управления генерал-лейтенантом Д. С. Старосельским. В январе 1883 года состоялось первое общее собрание членов общества, где «пригласив на свое собрание, посредством публикации в местных газетах, лиц, желающих принять участие в развитии и преуспении экономической жизни разнохарактерных и разноречных племен, населяющих Терскую область, избрали, согласно 11 пункта своего устава: Председателя, Секретаря, членов Правления и членов ревизионной комиссии»⁴⁵⁸. Председателем правления был избран Михаил Заалович Кипиани, пробывший на этом посту до 1890 г.

Задачи, поставленные Обществом и обозначенные в Уставе, отличались действительной широтой и особой актуальностью:

1. «Общество имеет целью содействовать школьному образованию среди горского населения Терской области и распространять между ними полезные технические и ремесленные знания...Общество оказывает материальное вспомоществование недостаточным из горцев области учащимся в средних и высших учебных заведениях.

2...общество имеет право открывать установленным порядком начальные школы среди горского населения Терской области и по программе, изданной Кавказским учебным округом для туземных школ Закавказского края, с параллельным обучением ремеслам, чтению и письму на русском и на родном языках.

3. По мере возрастания средств, общество может открывать начальные одноклассные, двух или трех классные школы

⁴⁵⁸ Отчет Правления благотворительного общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области за 1883 год. Владикавказ, 1884.

в городах и селах по образцу училищ ведомства Министерства Народного Просвещения, а также подготовительные школы для поступления в средние учебные заведения»⁴⁵⁹.

О практической стороне работы данного общества можно судить по дошедшим до нас ежегодным отчетам и частично по протоколам заседаний.

Пополнение кассы Общества велось из различных источников и разными способами, оговоренными во второй главе его Устава: «1). Из ежегодных членских взносов, 2). Сбор по подписным листам и всякого рода пожертвований. 3). Из платы за право учения в училищах общества детей состоятельных родителей. 4). Из сборов с устраиваемых обществом, на основании существующих правил, с разрешения подлежащих властей, концертов, спектаклей, публичных лекций, народных гуляний, скачек, маскарадов, балов и тому подобных предприятий»⁴⁶⁰. Полученные средства расходовались на основании решений общих собраний Общества. Движение денежных сумм строго фиксировалось и представлялось в ежегодных Отчетах Общества.

Формирование, порядок заседаний и функции общих собраний Общества также оговаривались в Уставе: «11). Общие собрания бывают: обыкновенные и экстренные. Обыкновенные общие собрания назначаются, в мае месяце, один раз в год – для утверждения сметы, годовых и третних отчетов, выбора членов правления, ревизионной комиссии и школьных блюстителей. О дне заседания каждый член извещается председателем общества за один месяц вперед.

Примечание: в ревизионную комиссию избираются общим собранием три члена на один год, на обязанности их лежит ежемесячно ревизовать денежные суммы, документы, а также проверять годовые и третние ведомости.

12). Экстренные общие собрания созываются или по по-

⁴⁵⁹ Устав благотворительного общества для распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области. Владикавказ, 1903. С. 3-4.

⁴⁶⁰ Устав Общества... Владикавказ, 1903. Глава 2. С. 5.

становлению совета, или по заявлению не менее 25 членов общества, имеющих право голоса...

15). Решения общего собрания постановляются простым большинством голосов, за исключением вопросов об изменении и дополнении устава, об открытии и преобразовании школ, об ответственности должностных лиц и прекращении действия общества. Для действительности постановлений по этим предметам требуется присутствие в собрании 2/3 членов общества и согласие не менее 2/3 собравшихся членов.

16). Отчеты Общества, по утверждению их общим собранием, печатаются в местных ведомостях»⁴⁶¹.

Характерно, что членами первого правления стали представители местной интеллигенции – М. Далгат, М. Кипиани, И. и Дж. Шанаевы, А. Урусбиев. Кандидатами в правление были избраны И. Бигаев, отец Михаил (Сухийев), казначеем – А. Берети, секретарем – И. Тхостов. К концу 1883 г. в Общество поступило семь письменных заявлений от желающих стать его пожизненными членами и 53 заявления, подкрепленных определенными денежными суммами, – от тех, кто намеревался попасть в список его действительных членов. Общество могло «состоять из неограниченного числа членов обоего пола; членом общества может быть всякий совершеннолетний, который сделает определенный членский взнос. Члены Общества разделяются:

1). На действительных, обязавшихся ежегодно вносить в кассу общества не менее 10 рублей;

2). Пожизненных, которые одновременно сделают пожертвование в пользу Общества не менее 100 рублей;

3). Соревнователей, внесших в кассу общества не менее 3 рублей в год;

4). Почетных членов из лиц, оказавших Обществу особо важные услуги или сделавших значительные денежные пожертвования»⁴⁶².

⁴⁶¹ Там же. Глава 3. С. 6-7.

⁴⁶² Там же. Глава 1. С. 4.

Начальник Терской области, по своему званию, считался Почетным Председателем совета правления, начальники округов тех местностей, в которых будут открыты Обществом школы, почетными попечителями этих школ. Решающее право голоса в делах Общества имели только члены действительные, пожизненные и почетные; члены-соревнователи имели право совещательного голоса.

Благотворительное общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области с первых дней своей деятельности активно участвовало в деле просвещения. На заседании Общества 17 июня 1884 года было принято решение взять на попечение «заботы о содержании мужской школы в селении Ольгинском», которую Общество восстановления православного христианства на Кавказе предлагало закрыть. В Отчете благотворительного общества говорилось: «... в настоящее время потребность в образовании среди горцев возрастает с каждым днем, а между тем средства... Общества так незначительны, что нельзя рассчитывать на открытие хотя какой-нибудь школы типа, требуемого уставом и на то, что Общество восстановления православного христианства на Кавказе, закрывая свои школы, лишило молодое поколение из горцев последней возможности пользоваться элементарным образованием...»⁴⁶³. За свой счет Общество в 1884 г. содержало четырех мальчиков-горцев во Владикавказском Лорис-Меликовском ремесленном училище⁴⁶⁴. Самый первый сбор был получен с благотворительного концерта-спектакля, в котором приняли участие известный скрипач Султан-бек Абаев и актеры любители. Общество часто устраивало народные гулянья, лотереи-аллегри и другие благотворительные акции «с целью помочь учащейся в различных концах России горской молодежи независимо от нации и религиозной принадлежности»⁴⁶⁵.

⁴⁶³ Отчет Общества... Терские ведомости. 1884. № 49.

⁴⁶⁴ Отчет Общества... Терские ведомости. 1884. № 50.

⁴⁶⁵ Терские ведомости. Неофициальная часть. 1883. С. 40, 45, 134.

В 1897 году Общество лишилось главного источника дохода прежних лет – «лотереи-аллегри, на устройство каковой не последовало разрешения администрации, вследствие циркуляра Его Сиятельства г. Главногоначальствующего Гражданской Частью на Кавказе»⁴⁶⁶.

За период своей деятельности благотворительное Общество оказывало материальную помощь большому количеству учащейся молодежи. Так в 1887 году оказана помощь 16 учащимся; в 1896 году – 31 учащемуся; в 1909 году – 36 учащимся; в 1911-67 учащимся⁴⁶⁷. Денежные средства выплачивались в виде стипендий и как единовременные пособия; или в качестве взаимозачета: «за последние годы в отчете Общества появилась особая рубрика поступлений – возврат пособий, выданных разновременно учащейся молодежи, по преимуществу в высших учебных заведениях»⁴⁶⁸.

26 мая 1900 года, в юбилей А. С. Пушкина, Общее собрание благотворительного Общества для распространения образования и технических сведений постановило открыть для учащихся горцев общежитие в городе Владикавказе, в котором «сосредоточены учебные заведения, дающие выход к более высшему образованию горцам»⁴⁶⁹. Общее собрание, выбрав этот тип учебного заведения, мотивировало это тем, что «только незначительная часть учащихся горцев живет в пансионах учебных заведений, – большинство же пребывает в неподходящей ученической обстановке, что не может не отражаться губительно на их успехах»⁴⁷⁰. Не имея с первых дней школьной жизни «опытного руководства в своих внеклассных учебных занятиях, не имея соответствующих учебных принадлежностей, книг и журналов для чтения,

⁴⁶⁶ Отчет Общества... за 1897 г.

⁴⁶⁷ См.: Отчеты Общества... за 1887, 1896, 1909, 1911 гг.

⁴⁶⁸ Объяснительная записка к денежному отчету Общества... за 1905 г. Владикавказ, 1906. С. 5.

⁴⁶⁹ Отчет Общества... за 1900 г. С. 10.

⁴⁷⁰ Там же.

не зная разумных развлечений, ученики-горцы, при всех своих природных способностях и рвению к образованию, должны поневоле сильно отставать от своих товарищей и очень многие из них принуждены бывают выходить недоучками, несмотря на то, что родители не жалели на их воспитание последних своих средств»⁴⁷¹.

Вслед за постановлением был опубликован Проект о Владикавказском общежитии с подготовительной школой имени А. С. Пушкина, устраиваемое Обществом... среди осетин, кабардинцев, горских обществ Кабарды, ингушей, чеченцев и кумыков. Общежитие и подготовительная при нем школа должны были содержаться на взносы пансионеров и учеников подготовительной школы, на пособия от Общества и взимания арендной платы.

В аренду здание было сдано уже в 1908 году, а в 1909 году здание горского общежития было расширено; были построены и отделаны четыре классных комнаты. До 1916 г. здание достраивалось, что требовало значительных финансовых вложений. Поэтому Общество не раз вынужденно обращалось с просьбой о материальной помощи к населению и организациям. Обращалось Общество и к бывшим своим подопечным: «Сотни юношей, учившихся в высших, общих и специальных, в средних и низших учебных заведениях, пользовались вспомоществованием из средств Общества... Для многих такая помощь служила единственным источником существования и дала им возможность окончить свое образование. Общество никого, конечно, не обязывало... возвращать обратно эти пособия впоследствии при первой возможности. Однако Правление полагает, что на каждом из этих лиц лежит нравственная обязанность по силе возможности возвращать... пособия и этим дать возможность оказывать поддержку новым поколениям учащихся, горцев Терской области»⁴⁷².

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Отчет Общества... за 1900 г. С. 16.

Правление благотворительного Общества старалось увеличить число постоянных членов и членов-соревнователей, а также прибегало к сбору частных пожертвований и «призывает на помощь всех тех, которым дороги интересы наших братьев, нуждающихся в поддержке – призывает выразить свою помощь советом и материальной поддержкой...»⁴⁷³. Благотворительные взносы поступали от частных лиц, от организаций и учреждений, от проведения различных мероприятий или по завещанию граждан. Приведем некоторые примеры этих акций: в 1887 г. в пользу Общества пожертвованы были М. З. Кипиани 10 руб.; в 1888 г. – от княгини С. В. Тархановой, устроившей концерт в Кисловодске в пользу Общества, 190 руб.; в том же году – от осетинской молодежи 42 руб. 32 коп.; от народного гулянья, устроенного 15 августа 1889 г. – 647 руб. 51 коп.; в 1890 г. – по завещанию полковника Бухуно Долгиева поступило 1300 руб.; в 1892 г. – от устроенного кн. С. Тархановой Кавказского вечера в Петербурге перечислено 98 руб. 58 коп.; в 1894 г. – по духовному завещанию от бывшего попечителя Кавказского учебного округа И. М. Неверова поступило 1000 руб.; от А. Г. Ардасенова, собранные от устроенного в г. Боржоме любителями спектакля 27 июля 1900 г. – 302 руб. 61 коп.; в 1915 г. – супругами Мухтаровыми пожертвовано 200 руб., А. и О. Лазаровыми – 20 руб., от сельских обществ Христианского и Эльхотовского поступило 746 руб. и т. д.⁴⁷⁴

Материалы Отчетов и протоколов заседаний с 1883 г. по 1916 г. позволяют представить данные о практической деятельности Общества по вспомоществованию учащимся Терской Области (табл. 2):

⁴⁷³ Отчет Общества... за 1886 г.

⁴⁷⁴ Данные по Отчетам Общества... за эти годы.

Таблица 2

*Сведения о деятельности Общества по вспомоществованию
учащимся Терской Области⁴⁷⁵*

Годы	Денежные поступления от пожертвований, народных гуляний, спектаклей и др.	Расходы на содержание стипендиантов Общества и на учащихся вообще
1883	576 руб. 6 коп.	36 руб. 00 коп.
1884	1190 руб. 53 коп.	160 руб. 85 коп.
1885	1135 руб. 02 коп.	732 руб. 71 коп.
1886	855 руб. 01 коп.	950 руб. 00 коп.
1887	873 руб. 45 коп.	1208 руб. 20 коп.
1888	447 руб. 41 коп.	1499 руб. 67 коп.
1889	817 руб. 81 коп.	1512 руб. 67 коп.
1890	1185 руб. 25 коп.	2428 руб. 80 коп.
1891	1264 руб. 39 коп.	1504 руб. 76 коп.
1892	858 руб. 45 коп.	546 руб. 36 коп.
1893	1185 руб. 88 коп.	988 руб. 44 коп.
1894	2907 руб. 42 коп.	852 руб. 91 коп.
1895	-	1142 руб. 63 коп.
1896	2359 руб. 18 коп.	1362 руб. 11 коп.
1897	1537 руб. 41 коп.	925 руб. 50 коп.
1898	1362 руб. 02 коп.	368 руб. 00 коп.
1899	-	1389 руб. 50 коп.
1900	2521 руб. 64 коп.	1839 руб. 35 коп.
1901	-	1174 руб. 50 коп.
1902	-	837 руб. 85 коп.
1903	-	267 руб. 50 коп.
1904	-	978 руб. 00 коп.
1905	-	474 руб. 00 коп.
1906	7710 руб. 14 коп.	2769 руб. 00 коп.
1907	4167 руб. 57 коп.	2038 руб. 00 коп.
1908	5076 руб. 80 коп.	3487 руб. 23 коп.
1909	24335 руб. 66 коп.	624 руб. 28 коп.
1910	-	1671 руб. 87 коп.

⁴⁷⁵ Данные по Отчетам Общества... за 1894, 1890, 1907, 1909, 1911, 1916 гг.

1911	-	862 руб. 75 коп.
1912	-	-
1913	-	-
1914	-	-
1915	-	-
1916	19093 руб. 29 коп.	160 руб. 00 коп.
1917	-	-

Благодаря «энергии и заботливости» своих членов, поддержке филантропов и просто небезразличных людей, за более чем 35-летний период существования Обществу распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области удалось воплотить в жизнь многие социальные проекты, в числе которых – открытие начальных школ по всей Терской области с обучением началам ремесла, создание специальных подготовительных школ для поступления в учебные заведения среднего звена, издательская деятельность, связанная с публикацией книг и брошюр как на русском, так и на местных языках, и многие другие подобные начинания.

Общество проводило мероприятия по ознакомлению горцев с новой сельскохозяйственной техникой; занималось издательством книг и брошюр на языках горских народов. Так, в 1890 г. на средства Общества была издана книга для первоначального обучения – «Осетинская азбука», составленная Алмахситом Кануковым. В 1903 г. Правление Общества издало краткий Отчет о деятельности общества на осетинском языке для ознакомления населения со своими задачами, что было достигнуто в значительной степени благодаря «Осетинской азбуке»⁴⁷⁶.

Общество сыграло исключительную роль в деле просвещения горцев и подготовке специалистов, а также в формировании горской интеллигенции. За счет Общества горцы учились не только в северокавказских городах, но и Московском уни-

⁴⁷⁶ Объяснительная записка к денежному отчету Общества... за 1905 г. Владикавказ, 1906. С. 51.

верситете, Тифлисском учительском институте, Томском университете, С.-Петербургском лесном институте и др.

Отдельную сторону деятельности Общества составляла финансовая поддержка воспитанников средних и высших учебных заведений – выходцев из социально незащищенных категорий населения. И если поначалу их число было невелико – всего 10-15 человек, то со временем количество учеников, от Общества получивших денежные пособия (либо в виде разовой адресной помощи, либо в виде регулярно выплачиваемых стипендий), значительно возросло: например, в 1908 г. их было уже 115, в 1910 г. – 97⁴⁷⁷. Список учеников, поддержанных Обществом в 1889 г., наглядно демонстрирует охват талантливых детей:

«1) Выдано студенту Тулатову для уплаты за право послушания лекций (*в Московском университете*) и проезд – 135 р.

2) Уплачено за 4 стипенд. Общества в Лорис-Меликова рем. училище – 510 р.

3) Выдано Иналуку Тхостову для уплаты за учение дочери – 58 р.

4) Уплачено за содержание воспитанника реального училища Шамшадинова – 29 р. 67 к.

5) То же уч. Николаевского городского училищ Алиева – 55 р.

6) – Иосифа Хетагурова – 120 р.

7) За право учения в Николаевском городском уч. Хабаева и Алиева – 15 р.

8) – уч. Реального училища Долгиева – 36 р.

9) – то же Аликова – 36 р.

10) Выдано пособие семинаристу Цегоеву для поступления в Томский университет – 208 р.

11) – пособие Элдарханову – 20 р.

12) – студенту Хадарцеву – 150 р.

⁴⁷⁷ Отчеты Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области за 1911 г. (29 год существования). Владикавказ, 1912. С. 2-3.

13) Уплачено за клас. Гимназию за право учения Бориса и Сергея Жантиевых – 40 р.

14) Пособие ученику Александровского института – Газданову – 100 р.

15) Почтовые, типографские и другие мелкие расходы, всего – 33 р. 86 к.

Итого – 1546 р. 53 к.»⁴⁷⁸.

К наиболее значимым результатам работы Общества, конечно же, можно отнести строительство Горского общежития с подготовительной школой им. А. С. Пушкина, Владикавказской осетинской трехклассной женской школы, а также издание «Осетинской азбуки» А. Канукова.

Яркая и плодотворная деятельность Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области в определенной степени повлияла на становление подобных форм общественной деятельности и в соседних регионах. В начале XX в. аналогичное по содержанию работы общество возникло в Нальчике – благотворительное общество для распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа⁴⁷⁹. Заявленные им задачи также были ориентированы на развитие народного образования и просветительства. Но скудные материальные и финансовые возможности сдерживали активность Общества: данные отчетов по деятельности говорят о том, что возможности ограничивались назначением стипендий и выдачей пособий студентам, обучающимся в Нальчикском реальном училище и в учебных заведениях России⁴⁸⁰.

⁴⁷⁸ Отчет Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области за 1889 г. Владикавказ, 1900. С. 3.

⁴⁷⁹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

⁴⁸⁰ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. И-27. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

Вызовы модернизации, перед которыми северокавказский социум оказался на пороге XX в., обусловили появление довольно значительного числа общественных объединений, развивающих свою деятельность в самых разнообразных сферах региональной жизни. Так, в 1917 г. в Терской области функционировало 74 различных общества, в Кубанской области, в Екатеринодаре, – 27, Ейске – 11⁴⁸¹.

Разумеется, филантропическая деятельность добровольных общественных объединений, занимающихся культурно-просветительской деятельностью, не могла охватить всех нуждающихся, особенно если учесть все возрастающий в горском социуме спрос на образование и минимальные усилия со стороны правительственных ведомств по его удовлетворению. Тем не менее, открытие и содержание школ, общежитий, многолетняя поддержка обучающихся разных учебных заведений в разных городах страны, культурно-просветительские и научно-образовательные мероприятия и акции имели знаковый характер, став одной из отличительных характеристик формируемого социокультурного ландшафта Северного Кавказа и находясь в русле общероссийского филантропического движения. Более того, творческий потенциал культурно-просветительских обществ не только способствовал развитию регионального образовательного и социокультурного пространства, но и, безусловно, заметно повлиял на формирование национальной интеллигенции, ускорив процессы ее консолидации на основе осознания собственных национальных интересов в общеимперском поле.

Как показала практика, именно социокультурная сфера оказалась ареалом наиболее интенсивных межэтнических

⁴⁸¹ Туаева Б.В. Особенности формирования северокавказского поликультурного общества в пореформенной России: народно-образовательный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5 (60). С. 208.

контактов в регионе, получивших конструктивный выход в виде целостной инфраструктуры образовательных и культурно-просветительских учреждений, которую в значительной мере дополняли добровольные объединения и ассоциации. Их появление и функционирование стало возможным благодаря эффективному внедрению в регион урбанизированных форм организации повседневности и становлению городской культуры с ее особой системой социальных и культурных практик и ценностей, образом жизни и ориентацией на удовлетворение культурных и образовательных потребностей горожан. Связующим звеном между отдельными этническими анклавами в городах Северного Кавказа стал русский язык, активно распространявшийся не только в экономически значимых сферах, но и в общественной жизни, заняв место основного коммутатора между десятками разноязыких народов⁴⁸². Став нематериальной основой и стимулом для модернизационного развития региона, русский язык обеспечил решение прямо противоположных задач: русификацию населения инородческих окраин Российской империи – с одной стороны, и появление национальной интеллигенции, в среде которой уже к началу XX в. отмечаются процессы кристаллизации национального самосознания на основе родного языка, – с другой. Движение общества к социокультурной модернизации подтверждалось как развитием в регионе светского и конфессионального образования, формированием сети общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, так и зарождением профессиональных форм искусства, литературы, становлением науки как особой сферы интеллектуальной деятельности и т. п.

Совершенно особую роль в становлении и развитии социокультурного ландшафта Северного Кавказа сыграли негосударственные добровольные объединения просветительской

⁴⁸² Русские в Евразии XVII XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. М.; Тула: Гриф и К, 2008. С. 319.

направленности. Главной миссией обществ была филантропическая, меценатская и просветительская, а механизмами ее реализации стали основание школ, художественных, музыкальных и культурно-досуговых учреждений и обществ; научная, образовательная и издательская деятельность; поддержка культуры и активное участие в формировании слоя национальной интеллигенции.

Конечно, не все социальные и культурные задачи можно было решить даже выдающимися усилиями общественных ассоциаций, не все нуждающиеся и талантливые учащиеся могли рассчитывать на действенную помощь в силу ограниченности материальных и людских ресурсов благотворительных обществ. Но благодаря усилиям и инициативам передовой общественности, объединившей свои силы в рамках добровольных ассоциаций, открывались театры, музеи, библиотеки, школы, строились общежития для учащихся, проводились научно-просветительские, культурно-массовые, филантропические мероприятия и акции. Все эти инициативы обеспечивали быстрое продвижение северокавказского социума по пути модернизации и его активное вовлечение в общероссийскую социокультурную среду.

Иммигрантские общины в формировании социокультурного ландшафта региона

В пореформенный период в Российской империи усиливаются экономические, миграционные, демографические, социокультурные процессы, связанные в том числе и с новым этапом урбанизации, появлением новых городов и развитием городской среды. В регионах эти процессы носят специфический характер, но в то же время укладываются в общероссийские рамки. Государствообразующими и интегрирующими факторами в многонациональных регионах становятся русский язык и русская культура.

Полиэтнический и поликонфессиональный Северный Кавказ дает пример реализации интегративной политики государства, встраивания этнических культур в единое социокультурное пространство. Коренные народы, мигранты и иммигранты были включены в процессы формирования единого пространства, внося свой вклад, этнокультурный колорит. Постепенно формируется слой передовой общественности, национальной интеллигенции, происходит подъем гражданской активности, появляются новые формы культурной, экономической и общественно-политической коммуникации, растет потребность в научных знаниях и образовании. Неоценимую помощь в развитии социальной и культурной среды оказывали добровольные негосударственные объединения, которые свою деятельность рассматривали через призму просветительства, благотворительности и социальной поддержки. Немаловажная роль отводилась обществам этнической и конфессиональной направленности. Их основывали представители разных народов, в том числе и из среды мигрантов-европейцев.

Оживление миграционных потоков в направлении Северного Кавказа исследователи связывают с окончанием Кавказской войны и проведением буржуазных реформ второй половины

ХІХ в.⁴⁸³ Прибывающие компактными группами и отдельными семьями мигранты переселялись как из центральных российских губерний, так и Закавказья, ближнего и дальнего зарубежья.

Официальные данные за 1866 г. фиксируют численность проживающих в регионе как местных, так и прибывших этнических групп, осевших в Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областях (табл. 3).

Таблица 3

исленность основных этносов Северного Кавказа (к 1866 году)⁴⁸⁴

Этнические группы	Ставропольская губерния	Кубанская область	Терская область
Русские	367881	963318	197308
Немцы	1358	10142	4265
Армяне	5039	6129	15548
Грузины	47	*	8017
Осетины	*	*	58926
Кабардинцы	*	14540	65117
Чеченцы	*	*	15139
Ингуши	*	*	44365
Кумыки	*	*	23015
Евреи	676	2492	4833

* – нет данных

Среди оседлого населения выделялись мигранты-европейцы, большая часть которых осваивала на Северном Кавказе городское или близлежащее к нему пространство. Так, в г. Владикавказе Терской области статистические данные отмечают наличие среди колонистов лютеран (немцев) в 1852 г.

⁴⁸³ См. подробнее: Кобахидзе Е. И. Переселенческая политика России на Северном Кавказе как средство «упрочения русской культуры и гражданственности» // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. №2. С. 45-57.

⁴⁸⁴ Таблица составлена по материалам: Осетия. Историко-этнографический справочник. СПб. – Владикавказ, 1998. С. 38-39.

– 27 чел., в 1897 г. – 498 чел.; греков в 1897 г. – 487, в 1914 г. – 463; католиков (поляки) – в 1852 г. – 154 чел., в 1897 г. – 901 чел.; французов в 1910 г. – 75 чел.⁴⁸⁵

За короткий период в Северо-Кавказском регионе возникли десятки иностранных, главным образом немецких поселений. В Ставропольской губернии переселенцами были заложены колонии Николаевская, Константиновская, Александровская, Орбелиановская, Форстендорф. Со смешанным населением, где проживали немцы, швейцарцы, итальянцы, были колонии Каррас и Св. Николая⁴⁸⁶. В Терской и Кубанской областях возникли колонии Вольдемфюрст, Александрфельд, Темнельгоф⁴⁸⁷.

Российским законодательством были закреплены льготы, права и обязанности для колонистов. Для вновь прибывающих из Германии иммигрантов в начале XIX в. гарантировались «права и преимущества», в частности: «Свобода веры... Свобода от платежа податей и от всяких повинностей на десять лет ... по истечении льготы повинны колонисты нести наравне с теми Российскими подданными, между которыми водворены будут, исключая постоев... Свобода от воинской и гражданской службы...»⁴⁸⁸

Пользуясь льготами, колонисты осваивали новые районы, адаптируясь не только к климатическим, но и экономическим, социальным вызовам, при этом сохраняя черты традиционного этнокультурного уклада.

⁴⁸⁵ Данные по материалам: Первая Всеобщая переписи населения Российской империи 1897 года. LXVIII. Терская область. 1904. С. 150-154; Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ: Ирстон, 2002. С. 48-49.

⁴⁸⁶ Цориева И. Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. С. 217.

⁴⁸⁷ Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. С. 42.

⁴⁸⁸ Доклад Министра внутренних дел о правилах приема и поселения колонистов, утвержденный Александром I // Немцы: 250 лет в России. Т. II. Документальная история. М.: Гриф и К., 2012. С. 79-82.

Колонисты ходатайствовали перед официальными органами об отведении им земель под сельскохозяйственные колонии. Первым немецким поселением в Терской области стала Владикавказская немецкая колония. Состояла она из выходцев Самарской, Саратовской и Нижегородской губерний. Численность населения росла, пополняясь не только за счет внутренней миграции, но и за счет иммигрантов. И если в 1876 г. численность колонии составляла 251 чел., в 1882 г. – 220 чел., то в 1899 г. – 510 чел., 1911 г. – 568 чел.⁴⁸⁹

История переселения немцев на Северный Кавказ свидетельствует об их стремлении обосноваться в этом регионе надолго. И если не получившие разрешения поселиться в Ставрополе переселенцы осваивали прилегающие территории, то саратовские и самарские колонисты расселялись на территории Ставропольской губернии и Кубанской области⁴⁹⁰, создавая мелкие и средние по своей численностью образцовые хутора, образующие колонии численностью от 7 до 100 чел. или от 200 до 600 чел.⁴⁹¹

Формирование греческой общины на Кавказе началось с исхода этнических греков из Турции. После присоединения Грузии к Российской империи греки многочисленными группами нелегально прибывали в Грузию в поисках работы и новой жизни, а оттуда перебирались на север. Греческая община быстро росла, и к началу XX в. во Владикавказе, например, уже включала представителей около 150 фамилий (потомки которых и сегодня проживают в Северной Осетии), среди которых Анастасевы, Василиади, Граматикопуло, Георгиади, Димитриади, Михайловы, Тепляковы, Чиплаковы, Панаетовы, Какулиди, Попандопуло и др.⁴⁹²

⁴⁸⁹ ЦГА РСФСР – А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 201. Л. 1.

⁴⁹⁰ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5255.

⁴⁹¹ ГАСК. ФР. 1161. Оп. 1. Д. 1246.

⁴⁹² Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. С. 98.

Российское правительство, учитывая необходимость усиления позиций христианства на Северном Кавказе, оказывало особое покровительство переселенцам христианского исповедания, в том числе и иностранцам. Так, грекам был предоставлен ряд преимуществ относительно других иммигрантов. В частности, им давалась возможность получения по 15 десятин на каждую душу мужского пола; шестилетняя льгота от воинского постоя, за исключением тех случаев, когда войска были поставлены для защиты самих переселенцев; восьмилетняя льгота от платежей, податей и повинностей денежных и натуральных, не распространяя этой льготы на частные их повинности и общественный сбор, с возложением на них обязанности поддерживать в исправности дороги, где они будут устроены собственно для их же сообщения; пожизненные льготы на рекрутскую повинность, не распространяя этого права на их потомство⁴⁹³.

В северокавказском регионе греки стремились селиться преимущественно в моноэтнических греческих поселениях, что было отчасти связано с плантационным выращиванием табака. К 1903 г. Кубанская область занимала первое место среди табаководческих районов России. Основная часть греков была занята в земледелии – 64,2%, в торговле – 19,2% (немцы – 0,9%), в строительстве – 3,9%. В начале XX в. в Ставропольской губернии грекам принадлежало 49 торгово-промышленных предприятий, 84% греков-предпринимателей занимались торговлей зерном: хлебные ссыпки составляли 77,7% общего числа предприятий, принадлежащих грекам, а питейные заведения – 14,2%⁴⁹⁴.

Заметной в социальной, военной и культурной сферах на Северном Кавказе была польская этническая группа. Помимо иммигрантов, на Кавказе служили профессиональные

⁴⁹³ Абрамян Р. А. К вопросу о заселении греками Ставропольской губернии во второй половине XIX века // Материалы научно-практ. конф. Ростов н/Д – Пятигорск: СКАГС, 2009. С. 432-433

⁴⁹⁴ Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. С. 47.

военные поляки-офицеры. Так, впервой трети XIX в. во Владикавказе зафиксирована большая группа поляков-офицеров Черниговского пехотного полка и Литовского пионерского батальона, осужденных к ссылке на Кавказ; среди них было немало членов польских обществ, примыкавших к декабристам, а также сосланных за участие в ноябрьском восстании 1831 г.⁴⁹⁵

Хозяйственная колонизация Северного Кавказа иностранцами влекла за собой процессы их интеграции в другие сферы жизнедеятельности региона. Так, например, в числе поляков были не только военные, но и преподаватели гимназий, инженеры-путейцы, почтовые работники, чиновники губернских учреждений, врачи, священнослужители, купцы, ремесленники, рабочие⁴⁹⁶. Интенсивный механический и естественный прирост, активная социальная позиция членов польской общины привели к тому, что к 1916 г. среди поляков была оформлена диаспорная структура. Сохранность основных признаков этнической самобытности, приверженность к католической религии и родному языку позволяли консолидироваться польскому населению региона.

* * *

Осваивая новые районы для оседлого проживания, мигранты старались сохранить традиционные черты этнической культуры, но в то же время вынуждены были интегрироваться в социально-культурное, экономическое и общественно-политическое пространство региона и страны в целом. Сохранность национального языка, коммуникации, официальное делопроизводство и документооборот, как и консолидирующий статус русского языка как государственного, регламентировались законами империи. В 1897 г. последовало решение Государствен-

⁴⁹⁵ Канукова З. В. Указ. соч. С. 175.

⁴⁹⁶ Там же. С. 177-178.

ного Совета о преподавании на русском языке в колониистских школах, утвержденное Николаем II⁴⁹⁷.

Однако спустя несколько лет, на волне революционных событий 1905-1907 гг. и актуализации «национального вопроса» в империи последовало решение Совета министров о преподавании на немецком языке в колониистских школах, утвержденное императором: «Министр Народного Просвещения 9 апреля 1907 года донес Правительствующему Сенату для опубликования, что высочайше утвержденным в 23 день марта 1907 года положением Совета Министров постановлено:

I. Разрешить в немецких школах с курсом начальных училищ, устраиваемых в селениях бывших немецких колониистов Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Волынской губерний в области Войска Донского и содержащихся на местные средства, преподавать все предметы начального обучения на немецком языке кроме русского языка, а также истории и географии, если последние преподаются как самостоятельные предметы с тем, чтобы означенным учебным заведениям не было предоставлено никаких прав.

II. Уполномочить Министра Народного Просвещения распространять означенную (отд. I) меру и на немецкие школы бывших колониистов в других местах в случае возбуждения ими о сем ходатайстве»⁴⁹⁸. Для сохранения и развития этнической культуры нерусского народа этот указ стал значимым.

Но политическое противостояние ведущих держав, вылившееся в Первую мировую войну, сказались вскоре и на российских немцах, и на статусе немецкого языка. 18 августа 1916 г. император утвердил Положение Совета Министров о запрещении преподавания на немецком языке «во всех учебных заведениях, не исключая частных и содержащихся евангелически-лютеранскими приходами... с изъятием из сего правила преподавания Закона Божия тем лицам евангелическо-лютеранского

⁴⁹⁷ Немцы: 250 лет в России. С. 125-126.

⁴⁹⁸ ПСЗ-III. Т. XXVII. №29016. С. 179.

исповедания, для которых немецкий язык является природным, и собственно немецкого языка»⁴⁹⁹. Таким образом, немецкий язык изгонялся из всех образовательных учреждений всех ступеней системы народного просвещения, и не только в столицах империи, но и в самых отдаленных ее уголках.

Возможность получения образования рассматривалась на Кавказе не только как интеграционный ресурс, но и как фактор встраивания в условия жизнедеятельности индустриального общества. Тяга населения к новым знаниям, науке, грамотности была масштабной, но возможности были разные. Статистические измерения и экспертные мнения подтверждают этот тезис. Согласно Отчету попечителя Кавказского учебного округа, данные за 1908 г. были обнародованы в материале «В какой мере удовлетворяются потребности различных национальностей Кавказа в образовании»⁵⁰⁰. Отмечалось, что «если сопоставить количество учащихся различных национальностей с количеством населения той или иной национальности, то окажется, что в наиболее благоприятных условиях находятся русские: учащиеся русские составляют 59,5% всех учащихся Кавказа, тогда как русское население составляет 32,6% всего населения Кавказа. Количество учащихся грузин составляет 16,3%, количество грузинского населения – 16%. В таких же приблизительно условиях находятся народности... (греки, евреи, немцы, поляки): их обучается 6,6%, а составляют они 6,1% всего населения... В самых неблагоприятных условиях находятся татары и горцы; учеников татар на Кавказе 3,8%, учеников горцев – 2,6%; в то время как татары составляют 18,4%, а горцы – 13,3% всего населения Кавказа»⁵⁰¹.

Своеобразие условий развития социальной и экономической среды, общественно-политическая ситуация, уровень материального благосостояния населения зачастую регламенти-

⁴⁹⁹ Немцы: 250 лет в России. С. 136-137.

⁵⁰⁰ На Кавказе. 1910. № 7-8. С. 386-388.

⁵⁰¹ Там же.

ровали возможность получения образования. В этой ситуации неocenимую и актуальную помощь оказывали многочисленные негосударственные добровольные объединения. В регионе передовой общественностью, включающей представителей разных сословий, интеллигенцию, служащих и чиновников, создавались благотворительные, культурно-просветительские, научные, культурно-досуговые и другие социально ориентированные общества, комитеты и ассоциации. Прогрессивная общественность понимала те трудности, с которыми сталкивались общество и государство в решении вопросов получения образования, лечения, трудоустройства, социальной поддержки малоимущих и нуждающихся.

На рубеже XIX-XX вв. в регионе представителями разных сословий и этнических групп, в том числе и сообществами мигрантов-европейцев, открывались благотворительные организации. Наглядным примером консолидации многоэтничного населения Северного Кавказа может служить успешно функционирующее Владикавказское благотворительное общество. В состав Правления общества входили: А. П. и М. Б. Сви-стуновы, Е. К. Грозмани, Н. Е. и А. Г. Джемарджидзе, Н. А. и М. А. Загю, Ф. А. Кригер, Е. А. и А. М. Смекаловы, В. Б. Фок, В. К. и Г. Х. Якобсон, Н. М. и Н. И. Витковские, С. К. Насвьтевич, А. А. Клопотовкая, С. И. и Н. И. Гросман, Е. П. Штейнгель, Ф. П. Вояковский, И. Г. Болтенков, А. Л. Бирюков, Н. А. Акимов, Н. А. Благовещенский, П. В. Бойчевский, А. К. Виберг, Б. О. Кригер, И. А. Ситов, И. Ф. Семенов, С. Д. Габбаев, Н. Е. Чхеидзе⁵⁰². Помощь, независимо от национальности и сословия, оказывалась вдовам и сиротам умерших либо пропавших без вести солдат, унтер-офицеров, дворян, служащих; регулярная адресная поддержка предоставлялась студентам, немощным и пожилым.

Адресная поддержка обучающимся оказывалась в разных городах и поселениях Северного Кавказа. В г. Ставрополе

⁵⁰² Терские ведомости. Неофициальная часть. 1880. С. 247-395.

Ставропольской губернии в 1903 г. прихожанами-поляками было основано «Римско-католическое общество пособия бедным», которое оказывало помощь нуждающимся «учащим и учившим» при местном костеле Римско-католической школы⁵⁰³.

По инициативе греческой общины в 1913 г. возникло «Владикавказское Греческое Благотворительное Общество». Инициативной группой в лице владикавказского мещанина Аристотеля Панагиотовича Муратандова, жителя сел. Хасаута-Греческого Кубанской области Савелия Константиновича Дебижева, батумского мещанина Георгия Панагиотовича Дмитриади и еще 12 человек было подано Прошение в администрацию Терской области. В качестве цели создаваемого общества было обозначено «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния и к поднятию уровня умственного развития бедных греков, постоянно или временно проживающих во Владикавказе, русского или иностранного подданства, без различия пола, возраста, звания и состояния»⁵⁰⁴. Однако благое начинание было официальными структурами не поддержано, якобы ввиду ненадлежащего оформления Устава общества и упущения или недопущения конкретных пунктов, в том числе: «в №4 указывается, что несовершеннолетние и учащиеся могут быть допущены в число членов общества, в тех случаях, когда это будет признано желательным в виду особых целей, для которых общество учреждается». Принимая во внимание, что законом (ст. 7 врем. прав.) несовершеннолетним и учащимся в низших и средних учебных заведениях воспрещено всякое участие в обществах, приведенное выше указание в №4 устава о допустимости в общество несовершеннолетних и учащихся должно быть совершенно исключено»⁵⁰⁵.

⁵⁰³ ГАСК. Ф. 101. Оп.1. Д. 3451. Л. 16.

⁵⁰⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 261. Л. 11.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 12.

Помимо благотворительных обществ широкое распространение получили культурно-просветительские объединения. Наиболее успешное и масштабное по охвату населения и районов стало «Общество по устройству народных чтений в городе Владикавказе и Терской области», основанное в 1899 г. Общество ориентировалось в своей деятельности на «развитие религиозно-нравственных и патриотических чувств в народе, и также сообщение ему общеобразовательных и полезных сведений по всем отраслям знаний»⁵⁰⁶. Широко используя всевозможные способы просвещения, Общество устраивало чтения прежде всего «1) по книжкам, изданным Постоянной комиссией по устройству народных чтений, утвержденной по Высочайшему повелению в С.-Петербурге; 2) по изданиям С.-Петербургского епархиального братства Пресвятой Богородицы; 3) а также по брошюрам, одобренным и допущенным для этой цели Министерством Народного Просвещения или Святейшим Синодом»⁵⁰⁷. Членство в Обществе не ограничивалось численностью, могли вступать совершеннолетние «обоюго пола христианских исповеданий, за исключением учащихся в учебных заведениях, состоящих на действительной службе нижних воинских чинов и юнкеров, и лиц, ограниченных в правах по суду»⁵⁰⁸.

Востребованность и эффективная деятельность Общества подтверждается регулярными отчетами за определенный период, издаваемые типографским способом. Наиболее полная картина представляется нам за период 1907-1909 г. согласно развернутому отчету Правления общества. К этому времени в официальный список членов Общества входило 81 чел., а охват районов, учреждений и «областных аудиторий» был значительным, расширяясь далее. Так, в 1907-1908 гг. список

⁵⁰⁶ Там же. Л. 7.

⁵⁰⁷ Там же. Л. 9об.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 7об.-8.

мест, где состоялись просветительские мероприятия Общества, пополнился 52 «новыми аудиториями», в том числе в ст. Прохладной в двухклассном училище; в сл. Нальчик в горской школе и церковно-приходской школе; в гор. Георгиевске в резервном батальоне и гор. Училище; на хуторе Тамбовском; ст. Николаевской, Щедринской; Каргалинской, Нагурской, Дубовской, Александрийской, Карабулакской, Подгорной, Воронцово-Дашковской; Михайловской немецкой колонии; Ново-Кременчукском поселке; гор. Грозном и др. Всего было проведено «во Владикавказе 25 аудиторий и 54 по Терской области – в станицах, городах, селениях и слободах»⁵⁰⁹.

Публичные лекции многие годы оставались для аудиторий бесплатными. Но «с первой половины 1907-1908 ак. года в зале Николаевского городского училища велись членами Обва и другими специально приглашенными Правлением лицами еще общеобразовательные лекции по литературе, истории, другим наукам и графическому искусству». Плата взималась как за одну лекцию – 10 коп, так и за курс одного лектора – 1 руб., за все курсы в полугодии – 3 руб. Разнообразие лекционной тематики, квалификация спикеров, большой интерес горожан был отмечен в Отчете, так как «успех их превзошел все ожидания инициаторов», и за два с половиной месяца на них зарегистрировалось 10680 слушателей⁵¹⁰. Лектор Л. А. Калишев читал общий курс физики, В. В. Ермаков – русскую историю, Д. И. Ходалицкий – политическую экономию, В. А. Барт – анатомию и физиологию человека, Э. Т. Шанаев – гигиену, А. А. Микеладзе – государственное право, С. П. Казьмин – технологию производства. Пристальное внимание члены Общества уделяли популяризации русской литературы и приобщению слушателей к русскому литературному языку. Для этого анализировались произведения Гоголя, Тургенева, Пушкина,

⁵⁰⁹ Отчет о деятельности Общества по устройству народных чтений... за 1907-1909 гг. С. 3-4.

⁵¹⁰ Там же. С. 6.

Толстого, Гончарова, Островского, Лермонтова, Достоевского, Бальмонта и др.⁵¹¹

Направления деятельности Общества постепенно позволили сформировать в структурно-организационном плане шесть отделов: исторический, духовный, медицинский, естествоведческий, литературный, географический. Работа членов Общества не только давала серьезный результат в деле просвещения населения региона, но и имела консолидирующий и интеграционный характер, что было отмечено администрацией. Так, по итогам 1911-1912 г. было зафиксировано, что «1083 народных чтений, привлечших 138566 слушателей, вновь возбудило перед министерством финансов ходатайство о выдаче ему субсидий от казны, по усмотрению Министерства, на развитие деятельности общества», и было принято решение о поддержке и «отпущено пособие в размере одной тысячи рублей на усиление средств общества по устройству народных чтений»⁵¹².

Конечно, посредством деятельности благотворительных и культурно-образовательных обществ невозможно было решить все актуальные задачи, стоящие на повестке властей и общества. Но востребованность и значительная результативность таких объединений способствовали развитию региона и формированию прогрессивной социокультурной среды.

* * *

Формирование городского социально-культурного ландшафта в северокавказском регионе шло без отрыва от общегосударственных процессов. Единая система административно-территориального управления способствовала организации жизни народов Северного Кавказа «на прочных государственных началах», развитию между областями и округами разносторонних связей, устранению экономической раздробленности и внутреннему сближению народов края⁵¹³.

⁵¹¹ Там же. С. 6-7.

⁵¹² История Владикавказа. С. 305.

⁵¹³ Туаева Б. В. Город в урбанизационных процессах в России (XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 57-70.

На рубеже XIX-XX вв. в регионе широкое распространение получили негосударственные добровольные объединения различной направленности – этноконфессиональные, благотворительные, научные, просветительские, профессионально-корпоративные, художественные, спортивные и пр. Активное участие в их создании и деятельности принимали представители разных этнических и социальных групп, в том числе и общин переселенцев-европейцев. Как и многочисленные местные этнические группы, мигранты были задействованы практически во всех сферах общественно-экономической и социокультурной жизни региона.

Механизмы адаптации мигрантов, как и включение горских народов в общеимперскую парадигму, были разными по уровню и успешности. Одним из таких механизмов «быстрого включения» был рост слоя национальной интеллигенции и формирование передовой общественности. Связующим звеном между отдельными этническими анклавами в городах Северного Кавказа стал русский язык, активно распространявшийся не только в экономически значимых сферах, но и в общественной жизни, заняв место основного коммутатора между десятками разноязыких народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование было посвящено комплексному изучению процессов вовлечения Северного Кавказа в общероссийское социокультурное поле в конце XIX – начале XX в. Системная трансформация социокультурного пространства Северного Кавказа рассматривалась нами в контексте образовательной политики и культурно-просветительской деятельности, что определило предметное поле исследования: в фокусе анализа находились механизмы и практики, апробируемые правительством в процессе русификации Северного Кавказа, и новая для региона институциональная инфраструктура, сформировавшаяся в социокультурной сфере на основе русского языка при широкой общественной поддержке. В теоретическом плане исследование опиралось на признание высокого интегративного потенциала русского языка, задействованного в процессе реализации «объединительной» политики Российской империи и формирования общеимперской «наднациональной» гражданской идентичности.

Теоретической посылкой исследования для нас стало признание государственного языка в качестве одного из ключевых инструментов «кавказской» политики Российской империи в конце XIX – начале XX в. Предписанные языку социально-политические функции должны были способствовать объединению разнородного населения страны в едином социальном и культурном поле. Каким образом они реализовывались, мы и попытались проанализировать.

Подведем итоги.

Прежде всего нами был рассмотрен комплекс факторов, способствовавших широкому распространению русского языка на пореформенном Северном Кавказе. В их числе – значительное увеличение доли русскоговорящего населения за счет земледельческой колонизации региона; образовательная политика, направленная на закрепление приоритетного статуса

государственного языка в учебном процессе; стремительное развитие городов как центров урбанистической культуры, обусловившее расширение пространства функционирования русского языка.

Проанализирована роль города в процессе распространения русского языка на Северном Кавказе и охарактеризованы наиболее значимые маркеры городского социокультурного ландшафта, связанные с приобщением к культурным ценностям: книготорговля, читальни и библиотеки, музеи. Их появление свидетельствовало об обретении северокавказским городом системных характеристик российской городской культуры. Кумулируя и распространяя социально значимую информацию, библиотеки были включены в сферу государственных приоритетов в качестве важнейших средств народного просвещения, выполняющих функцию трансляции государственной идеологии. Один из крупнейших на Северном Кавказе Музей Терской области стал знаковым институтом социальной памяти, действительным очагом просвещения на Северном Кавказе, предоставившим широким слоям населения возможность овладения ценностями культуры.

Впервые на материалах Осетии в контексте государственной образовательной политики представлен процесс пореформенного развития церковной школы как самого массового института начального образования и основного инструмента распространения начал государственности и православия в среде горского крестьянства; выделены этапы ее эволюции и дана их содержательная характеристика; показана роль русского языка в начальной школе. Миссионерское предназначение церковной школы на национальной периферии отодвинуло решение образовательных задач на второй план. В результате к началу XX в. церковная школа оказалась неспособна адекватно отвечать возросшим образовательным потребностям населения и в борьбе за контингент постепенно уступила лидирующие позиции школе казенной (светской). Вместе с тем, на-

чальная церковная школа сыграла огромную роль в процессе русификации северокавказской окраины и освоения русского языка ее населением, демонстрировавшего готовность к принятию иной культуры как своеобразной формы адаптации к новым социально-экономическим условиям пореформенного Северного Кавказа.

В контексте проблематики исследования рассмотрены кейсы отдельных, уникальных в своем роде, учебных заведений в Осетии, каждое из которых, отличаясь собственной образовательной спецификой, внесло существенный вклад в формирование социокультурного потенциала региона. Ардонская духовная семинария была единственной в Российской империи, имевшей статус миссионерской, что определило постановку ее образовательных и воспитательных задач. Безусловной была роль этого учебного заведения как в распространении в регионе русского языка – языка обучения, так и упрочении социальных позиций осетинского языка – языка богослужения. Осетинская женская школа (приют) во Владикавказе заняла высокие позиции в ценностно-символическом пространстве осетинской культуры нового времени, став знаковым феноменом социокультурной ситуации в Осетии второй половины XIX – начала XX в., отмеченной всеобщим стремлением к получению образования и кристаллизацией в общественном сознании идеи национальной школы как фундамента национальной культуры.

Проанализировано общественное мнение по поводу состояния и путей развития начальной «народной» школы, отраженное на страницах светской и церковной региональной периодики. Показана борьба двух идейных тенденций (клерикальной и светской) в возможном будущем устройстве низшей ступени системы народного просвещения и сделан вывод об отсутствии единой концепции народной школы, которая бы одинаково удовлетворяла оппонентов и была бы применима к реализации.

Впервые рассмотрен комплекс вопросов, связанных с процессом распространения русского языка на Северном Кавказе в исследуемый период: обозначена правовая база, обеспечивающая приоритетные позиции русского языка в региональном образовательном пространстве, обусловленные социально-политическими функциями самого языка и его имманентной значимостью маркера российской государственности; проанализирован публицистический дискурс начала XX в. как одна из форм социальной рефлексии на процессы русификации образовательной среды, где родной язык служил лишь вспомогательным средством освоения языка русского; рассмотрены основные идеи и положения, сформулированные на страницах региональной периодической печати в защиту родного языка и в то же время признающие историческую обусловленность необходимости освоения горцами русского языкового пространства.

Показана специфика развития социальной и культурной жизни Северного Кавказа в институциональном контексте культурно-просветительской и благотворительной инициативы рубежа XIX-XX вв.; доказано, что внедрение в регион институтов, характеризующих городскую культуру с ее особой системой социальных и культурных практик и ценностей, образом жизни и ориентацией на удовлетворение духовных, эстетических и образовательных потребностей горожан, инициировало появление и функционирование здесь множественных форм социальной активности, дополнявших систему казенных образовательных учреждений; на примере ряда крупных обществ проанализирована их просветительская и филантропическая и деятельность, выявлен их вклад в формирование целостной инфраструктуры образовательных и культурно-просветительских учреждений. Их появление и функционирование стало возможным благодаря эффективному внедрению в регион урбанизированных форм организации повседневности и становлению городской культуры. Связующим звеном между отдель-

ными этническими анклавами в городах Северного Кавказа стал русский язык, активно распространявшийся не только в экономически значимых сферах, но и в общественной жизни, заняв место основного коммутатора между десятками разных языков народов.

Проанализирована разноплановая деятельность этнических общин мигрантов-европейцев, сыгравших заметную роль в формировании полиэтничной и поликультурной среды северокавказских городов и поселений. На примере жизнедеятельности немецкой, греческой, польской общин рассматриваются особенности развития и поддержки образовательных, просветительских, социальных и культурных инициатив. Выявлено, что все общественные инициативы и практики на Северном Кавказе соотносились с реформами и социокультурной политикой в целом в стране, а также служили примером результативности проводимых мероприятий по вовлечению региона в общероссийское пространство. Доказано, что особой актуальностью в разноплановой деятельности обществ (благотворительные, этноконфессиональные, культурно-образовательные, художественные, научные) отличались проекты просветительской направленности, предназначенные для распространения научных знаний и приобщения к русской и европейской культуре в широком ее понимании. Важнейшим интеграционным и адаптивным ресурсом выступал русский язык.

Таким образом, изучение и анализ обширного комплекса разноплановых источников дает основание говорить о неприменимости к Северному Кавказу привычных, клишированных определений, касающихся как самой политики «русификации», так и ее результатов. Представляется, что, говоря о русификации национальных окраин империи, и в особенности Северного Кавказа, следует различать процессы «огосударствления» («распространения начал цивилизации» – в терминологии российских администраторов) от процессов ассимиляции, аккультурации и пр. Более того, северокавказская конкретика, подроб-

но рассмотренная нами, ясно доказывает, что простая формула, выведенная для определения типов языковой политики – «ассимиляции», «дифференциации» или «мультикультурализма», – в регионе не работает. Ассимиляция подразумевает процесс уподобления, включения в новую общность, усвоения нового мировоззрения и, что, пожалуй, следует выделить в большей степени, «отсутствие конфликта по вопросам ценностей и власти»⁵¹⁴, аккультурация же связывается с процессом усвоения новых культурных моделей, заимствованных в ходе контактов с другим сообществом, не затрагивая при этом глубинных пластов национально-культурной идентичности. Происходя зачастую в условиях военного и политического доминирования, такая вынужденная аккультурация приобретает выраженный инструментальный характер, становясь одной из форм адаптации, при которой в адаптирующемся социуме формируются стратегии индивидуального и группового поведения, ориентированные по большому счету на перспективу и помогающие как отдельному человеку, так и целой общности наиболее безболезненно осваивать пространство доминирующей культуры, находя в нем приемлемые для себя ниши.

Если в других окраинных провинциях империи распространение русского языка напрямую связывалось с насильственной «русификацией» и культурно-языковой ассимиляцией, то на Северном Кавказе, заметно отличающемся от других российских окраин в силу выраженной социокультурной специфики, русский язык стал мощным ресурсом социализации горских сообществ в общеимперском пространстве, сглаживающим издержки политики имперской унификации. Не встретив здесь активного сопротивления, правительственная языковая политика привела в итоге к формированию в местной горской среде позитивных мотиваций к усвоению русского языка,

⁵¹⁴ Миллер А. И. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // Политическая наука. Национализм – новейшие исследования: Сб. науч. тр./Отв. ред. и сост. А. И. Миллер. М., 2002. С. 58.

что можно расценивать как своеобразную форму адаптации к изменившейся в ходе реформ социальной реальности в условиях унифицирующего пресса государства. Бесконфликтное взаимодействие северокавказского социума с российской государственностью на основе русского языка способствовало не только расширению поля его социокультурного воздействия, но и формированию основ общегражданской идентичности, свидетельствующих об относительно успешной социализации горцев в общеимперском пространстве. Что касается положения русского (государственного) языка в регионе в исследуемый период, то можно уверенно говорить о комплексной и многоуровневой системе исполнявшихся им социальных функций и расширения их диапазона, когда язык выступал и как средство межнационального общения и межкультурной коммуникации, и как главный инструмент формирования новой для региона социокультурной среды, средство освоения исторической перспективы.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Его Превосходительству Начальнику терской области Господину Генерал-Адъютанту и Кавалеру Лорис Меликову

Керчь Еникольского мещанина Николая Данилова Прохорова жительствоющего в 1-й части города Владикавказа

Прошение

Имею часть почтительнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне открыть в гор. Владикавказе библиотеку кабинет для чтения на мои собственные средства и я как собственник библиотеки буду непосредственно ответственным лицом пред законом в случае нарушения мною каких либо правил установленных законом относительно библиотек кабинетов для чтения. Причем имею честь доложить Вашему Превосходительству что газеты, журналы и книги мною будут выписываться по каталогу представленному при прошении Вашему Превосходительству 13го Сентября 1872 года Дмитрием Лавровым, открывшем библиотеку в г. Владикавказе и что газеты журналы и часть книг по тому же каталогу мне будут переданы Лавровым из библиотеки. Дальнейшие же увеличения мною библиотеки я буду производить выпискою новых книг газет и журналов именно тех только, которые не будут воспрещены законом и одобрены цензурой.

Мая 8 дня 1874 года

Керчь-Еникольский мещанин Н. Прохоров [*подпись*]

ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 310. Л. 1-1об.

Начальник Терской области.
По канцелярии
Отделение 1
4 ноября 1864 г. № 8024.
г. Владикавказ

Директору училищ Терской области

Обращая особенное внимание на развивающееся, в течение последних полутора лет, стремление всего туземного населения области к определению детей своих в учрежденных, с этою целию, местные школы, я убедился, что число этих школ в настоящее время далеко уже не соответствует действительной в них надобности, и что, кроме того, весьма многие общества, по значительному удалению их от пунктов, где устроены школы, лишены вовсе возможности давать детям хотя первоначальное образование.

В последнее время, потребность устройства новых школ, в центре главнейших туземных обществ, так сильно уже чувствуется населением, что оно готово само участвовать в необходимых для того издержках, как по возведению помещений, так и по постоянному содержанию школы.

В видах сколь возможно более рационального и согласного с действительными нуждами и желаниями населения устройства таких школ, я покорнейше прошу Вас принять на себя труд посетить, буде возможно, немедленно, главные пункты, где предполагается открыть школы, а именно укрепления: Назрань, Шатой, Ведень и Хасав-Юрт, и совместно с Начальниками Ингушевского, Аргунского, Ичкеринского и Кумыкского округов и Начальником Среднего Отдела, определить:

1) Размер, который необходимо дать школам, как в отношении числа воспитывающихся в них, так и в отношении объема преподавания, и 2) Средства, необходимые для устройства и содержания каждой школы и размер участия, которое может принять в этом население.

Вместе с сим, для определения средств и способов устройства помещений для таких школ, я прошу Г. Начальник Инженеров или лично сопутствовать Вам в этой поездке или же командировать с этой целью кого либо из Инженерных офицеров, наиболее знакомых с условиями возведения в здешнем крае таких помещений.

Генерал-Лейтенант [подпись] Лорис-Меликов
Правитель Канцелярии, Подполковник [подпись]

ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 28. Л. 1-1об.

Список предметов

Объем преподавания учебных предметов в одноклассных первоначальных школах должен быть следующий:

1. Русское чтение и письмо и практическое изучение разговорного Русского языка.
2. Чтение и письмо по татарски.
3. Четыре первых действия арифметики и действие над отвлеченными и именованными числами.
4. Закон божий православного исповедания, т. е. молитвы, краткий Катихизис и краткая Св. История.
5. Закон Божий мусульманского исповедания догматы веры и чтение Корана.

ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

**«Соображения» инспекторов народных
училищ Терской области о введении, всеобщего обучения
в Терской области, представленные попечителю Кавказ-
ского учебного округа.**

30 июня 1908 г.

Вследствие предложения г. попечителя учебного округа от 5-го мая сего года за № 8623 представить соображения относительно способа и порядка выработки для Терской области школьной сети почитаем долгом доложить следующее:

1. Согласно ст.ст. 2-й и 12-й «Основных положений для введения всеобщего начального обучения в Российской империи» выработка школьной сети возлагается на местные самоуправления.

2. Согласно ст. 7-й того же положения в школьную сеть должны быть заносимы те существующие и проектируемые к открытию училища, которые будут иметь законоучителя и учителя, обладающего законным правом на преподавание, будут обеспечены помещением, удовлетворяющим школьным и гигиеническим требованиям, учебными книгами и классными пособиями и доставлять детям бесплатное обучение.

3. Согласно ст. 8-й того же положения и инструкции по подготовке работ по введению всеобщего обучения в России (стр. 6) на каждую одноклассную школу с 50 учащимися министерством народного просвещения проектируется отпустить ежегодное казенное пособие в размере 390 руб.

4. Согласно ст. 9-й того же положения обеспечение училищ школьными помещениями, мебелью, классными учебными пособиями, учебниками и учебными (пособиями) принадлежностями для учащихся, прислугою, отоплением, освещением и проч., а также г.г. учащихся квартирами с отоплением, освещением и водою, или квартирными деньгами возлагается на учредителей училищ, местные общества.

Принимая все вышеизложенное во внимание, а также отсутствие географической карты с обозначением всех населен-

ных пунктов Терской области (карта главного штаба и специальная карта Терской области изданы очень давно и на них не значится массы населенных пунктов области), и что в распоряжении моем нет ни времени, ни каких-либо материальных средств для составления подробной карты района, мы по детальном рассмотрении вопроса о способе и порядке составления школьной сети для введения всеобщего обучения пришли к следующему заключению:

а) списки населенных пунктов Терской области с обозначением в каждом населенном пункте числа жителей, числа детей от 8- до 12-летнего возраста, с обозначением пунктов, где уже имеются министерские училища с указанием в них числа учащихся от 8- до 12-летнего возраста, числа наличных учащихся, а также числа учащихся, которые потребуются при введении всеобщего обучения детей, составляются;

б) по составлении такого списка необходимо будет при содействии учебной администрации епархиального ведомства отметить в списке с указанными выше подробностями все населенные пункты, в которых существуют церковно-приходские школы, удовлетворя [ю] щие п. 2 настоящей записки; нужные сведения от епархиальной учебной администрации дирекция училищ может затребовать заблаговременно;

в) по изготовлении такого списка со всеми необходимыми данными, требуемыми присланными из учебного округа таблицами, необходимо привлечь к работе управления отделов и округов, которые могли бы указать населенные пункты, где при осуществлении школьной сети необходимо будет открыть новые школы без общежитий и с общежитиями, ибо $\frac{3}{4}$ населения Терской области школ вовсе не имеют, если не считать школ мусульманских при мечетях, где дети знакомятся лишь со своей религией на арабском или татарском языке;

г) выполнив все вышеуказанное, необходимо будет поручить той же военно-народной администрации при помощи начальников участков выяснить на месте, в какой мере население

может прийти на помощь своими средствами по постройке новых школьных зданий и общежитий к ним и по расширению существующих зданий для проектирования к открытию школ, к их оборудованию и содержанию;

д) имея в своем распоряжении все перечисленные выше данные, можно будет начертить, хотя приблизительно, верную карту Терской области с нанесением сети школ для введения всеобщего обучения и расчислить, сколько от казны потребуется средств для введения в районах всеобщего обучения.

Изложив требуемые соображения о способе и порядке введения всеобщего образования в Терской области, мы не можем не указать на те препятствия, которые обязательно встретятся на пути осуществления этого доброго дела и на те недоразумения, которые обязательно встретятся при выработке школьной сети для всеобщего обучения детей.

1. Начальным народным образованием ведают два ведомства: министерство народного просвещения и духовное ведомство. Как они должны распределить между собою те училища, которые будут вновь учреждаться? Мы полагаем, что здесь между чинами ведомств могут произойти крупные нежелательные недоразумения, которые крайне необходимо предупредить изданием для руководства на этот предмет особой инструкции.

2. Туземное население Терской области, которого числится более $\frac{1}{2}$ миллиона, за исключением христианской части плоскостной Осетии, относится к русской школе враждебно, что наглядно можно видеть, во-первых, из того, что открытые школы, например, среди кумыков, чеченцев, кабардинцев, мусульман-осетин и караногайцев посещаются слишком ничтожным количеством детей и притом до чрезвычайности неаккуратно, а во-вторых, из того, что жители населеннейших аулов, несмотря на настойчивые и многократные убеждения учебной и военно-народной администрации и обещание дать казенные средства на жалованье учителям, упорно отказываются откры-

вать русские училища, а тем более ассигновать из общественных сумм на содержание их какие-либо средства. Как вводить обязательное обучение среди такого населения? Неужели насильственным способом?

3. Если допустить, что найдутся туземные населения, кроме осетинских, которые пожелают открыть у себя училища на приемлемых для министерства народного просвещения условиях, то кого назначать в эти училища учителями? Русские учителя для туземцев нежелательны, туземцы к ним относятся недружелюбно, да и сами русские учителя, не знающие ни языка туземцев, среди которых им приходится служить, ни их нравов и обычаев, поголовно бегут из туземных училищ, их на местах приходится удерживать силою.

При таком положении дела может ли выйти толк из проектируемых к открытию училищ среди туземного населения?

Не будет ли в населении окончательно подорвано доверие к русской школе? Чтобы не случилось указываемого, не будет ли признано необходимым прежде открытия русских школ среди туземного населения Терской области учредить в области учительскую семинарию, в которой могли бы подготавливаться учителя как для русских, так и для туземных школ в области и только по приговору учителей-туземцев постепенно открывать начальные школы среди туземного населения, пользуясь для того влиянием административного начальства и влиятельных лиц из местных народностей и поощряя открытие училищ установленными правительством ежегодными пособиями на содержание училищ от казны.

Материалы по истории осетинского народа:

*Сборник документов по истории
народного образования в Осетии.*

Орджоникидзе, 1942. Т. V. С. 272-274.

Отчет инспектора дирекции народных училищ Терской области Сорокина о состоянии школ 2-го инспекторского района Терской области

Вступление

Будучи перемещен на должность инспектора народных училищ Терской области с 1-го января 1909 г., я мог прибыть к месту назначения только 21-го января 1909 г.

Так как около 3-х месяцев должность инспектора 2-го района оставалась незамещенною, то по району накопилось много срочной канцелярской работы, исполнением которой в первое время и пришлось заняться. Канцелярская работа поглотила около месяца времени, так что объезд училищ района я мог начать только 26-го февраля и продолжал его, с небольшими перерывами, по 12-е мая, каковым числом и закончился весенний осмотр подведомых мне училищ.

В течение указанного периода времени мною осмотрены 43 училища, а именно: 1) Ардонское городское училище; 2) частное училище 1-го разряда г. Касабиева в сел. Христианском, девять осетинских училищ – Зильгинское, Шанаевское 1-е, Шанаевское 2-е, Карджинское, Ногкауское, Христианское 2-х класс., Эльхотовское, Тулатовское и Заманкульское 2-х клас., – тринадцать училищ станичных и хуторских – Николаевское 2-х клас., Змейское 2-х клас., Котляревское, Александровское, Пришибское, Прохладненское 2-х клас., Прохладненское одноклас. (для иногородних), Солдатское, Государственное 2-х клас., Курское, Архонское 2-х клас., Тамбовское хуторское и Рязанское хуторское, – двенадцать училищ кабардинских – Баташевское, Муртазовское, Исламовское, Ахловское, Хапцевское, Булатовское, Абаевское, Бороковское, Кайсын-Анзорское, Аргуданское, Докшоковское и Тамбиевское 2-е, четыре училища немецко-колонийских – Гнаденбургское, Михайловское, Кановское и Крымское, – два училища железнодорожных – Беслановское и Прохладненское.

Кроме вышеперечисленных училищ, по поручению г. директора народных училищ, я обревизовал во Владикавказе училище союза русского народа и с 16-го по 23-е мая присутствовал на экзаменах: в Николаевском городском училище на двух, в женском 2-х клас. училище на двух, в ремесленном училище графа Лорис-Меликова на одном и в частной прогимназии г. Витовского на одном.

Так как мне приходилось объезжать поименованные училища в первый раз, то внимание мое при осмотре было направлено на всестороннее ознакомление как с материальною, так равно и с учебно-воспитательною частью училищ и их личным составом.

При проверке познаний учащих по отдельным предметам выяснились следующие достигнутые учащими результаты:

Закон Божий

При оценке методов преподавания и результатов, достигнутых училищами в обучении закону божью приходится отметить резкую разницу между училищами христианскими и мусульманскими. В то время как в первых преподавателями являются духовные лица или учителя, в последних преподавание закона божия находится в руках мулл, вышедших из того же простого и темного народа, таких же невежественных, суевверных и неразвитых, как и их прихожане.

В то время как преподавание закона божия в христианских училищах ведется в методическом отношении более или менее правильно, – в мусульманских училищах все преподавание религии сводится к механическому чтению, большею частью наизусть стихов из корана на арабском языке, которого не понимают ни сам учитель, ни ученики, да к усвоению чисто обрядовой стороны.

В общем, из 17-ти осмотренных мною православных училищ в 4-х результаты достигнуты хорошие, в 11-ти удовлетворительные и только в двух (Пришибском станичном и Рязановском хуторском) – слабые. Причиной слабых познаний в двух

последних училищах являются сами учащие – в первом случае священник, а во втором учительница – которые относились к порученному им делу преподавания не с должным вниманием.

Для устранения этого печального явления на будущее время приняты меры: законоучитель в Пришибском училище с нового учебного года приглашен новый, а учительнице сделаны соответствующие указания и внушения.

Главный недостаток преподавания закона божия в православных училищах состоит в том, что о. о. законоучители ведут обучение чисто формально; они стараются сообщить детям возможно больше фактического, главным образом, исторического материала, упуская из виду развитие души ребенка, воспитание в детях религиозного чувства.

Нигде в школах я не наблюдал, чтобы о. о. законоучители вели с детьми нравственно-религиозные беседы, читали бы им и объясняли предпраздничные евангелия.

Объясняют свое упущение в этом отношении о. о. законоучители тем, что они бывают сильно заняты исполнением треб по приходу, так что могут уделять школе немного времени. Этим же они объясняют свои, иногда довольно значительные, пропуски уроков.

Во всех подобных случаях я просил о. о. законоучителей обратить самое серьезное внимание на религиозное воспитание вверенных их попечению детей, так как если с малых лет в детях не будут заложены основы религиозных истин и убеждений, то в более зрелом возрасте этого сделать совершенно будет нельзя, и из подобных детей в лучшем случае выйдут люди, индифферентные к вопросам религии.

Что касается нравственно-религиозного воспитания в мусульманских училищах, то таковое, к сожалению, совершенно отсутствует в виду темноты и невежества самого мусульманского духовенства, и только учителя изредка задевают основы и истины нравственности при чтении подходящих статей из книги для чтения.

Устранить этот недостаток в мусульманских училищах, по моему мнению, возможно только тогда, когда само мусульманское духовенство будет получать достаточное образование и развитие.

Русский язык.

Обучение русскому языку в училищах с русским составом учащихся – станичных и хуторских – в методическом отношении ведется в общем правильно, и достигнутые в обучении результаты надо признать хорошими.

Читают дети как одиночно, так и хором, бегло и выразительно, а чтение многих стихотворений и басен приближается к художественному: пересказывают прочитанное свободно. Разговорная речь детей к концу третьего года обучения начинает значительно приближаться к литературному языку, а в конце 5-го года обучения, в двухклассных училищах, ученики начинают изъясняться вполне литературно.

Грамматические сведения в одноклассных училищах, главным образом, касаются усвоения элементарных правил правописания. Однако, к концу 3-го года обучения большинство из осмотренных мною училищ успели изучить синтаксис простого предложения и элементарные сведения из этимологии главнейших частей речи. В двухклассных же училищах к концу 5-го года обучения ученики свободно разбирают слитное предложение и даже сложное с явным главным и придаточным предложениями.

Из этимологии ученики успели усвоить более подробные сведения о частях речи и правописании их.

В училищах инородческих – осетинских, немецких и кабардинских в обучении русскому языку достигнуты только удовлетворительные результаты, причем успехи в училищах осетинских и немецких стоят гораздо выше, чем в кабардинских.

Причину этого явления следует искать в том, что среди осетин и немцев заметно значительное стремление к школе и об-

разованию, а среди кабардинцев этого стремления пока не замечается. Вследствие сего учение в школах осетинских и немецких начинается и оканчивается своевременно, учебный год имеет нормальную длину, учащиеся посещают училища правильно и аккуратно. В кабардинских же училищах учебный год значительно сокращен, правильное учение начинается в ноябре и оканчивается в апреле, посещают школу дети незначительным числом крайне неаккуратно, а потому и результаты в обучении их достигаются незначительные.

Главными недостатками в обучении русскому языку в иноязычных школах являются слабое умение владеть разговорной русской речью, неправильное, нечистое произношение, в особенности окончаний и неправильная постановка ударений. Для устранения этих недостатков мною при осмотре школ делались учителям соответствующие указания – чаще прибегать к предметным урокам и наглядному обучению по картинам, не оставлять ни одного неправильно произнесенного слова без исправлений, закреплять исправленное слово в памяти при помощи многократных повторений как одиночных, так и хоровых и т. п.

Лучшие результаты в умении владеть разговорной русской речью достигнуты в училищах осетинских; следующую ступень занимают училища немецкие и самую последнюю – кабардинские.

Славянский язык.

На обучение церковно-славянскому языку училищами не было обращено должного внимания, а потому и достигнутые в этом отношении результаты можно признать только удовлетворительными.

Ученики одноклассных училищ в конце третьего года обучения читали по церковно-славянской книжке Гусева довольно бегло, но переводить могли не всегда правильно и близко к тексту. Попадались и между учащими лица с слабою подготовкою и слабым пониманием славянского текста и граммати-

ческих форм. Результаты, достигнутые двухклассными училищами, гораздо выше.

Во всех училищах, где замечалось мною недостаточно внимательное отношение к церковно-славянскому языку, я указывал учащим на важное значение этого предмета обучения, как языка, на котором совершается церковное богослужение и который служит корнем и основой современного русского языка и просил г. г. учителей уделять славянскому языку то серьезное внимание, которое он по своей важности имеет среди других предметов обучения, при чем предупредил г. г. учащихся, что при своих дальнейших ревизиях на успехи по церковно-славянскому языку я буду обращать самое серьезное внимание.

Обучение туземным языкам.

Из 25-ти осмотренных мною училищ среди инородцев только в 4-х из них, немецких, частично применяется положение об училищах для инородцев, т. е. в 1-й год обучение ведется на родном языке, во второй – параллельно на родном и русском языках, а в 3-й год на русском языке, а родной язык изучается как отдельный предмет обучения. В остальных училищах обучение ведется на русском языке, при чем учителя-туземцы пользуются родным языком учащихся только при необходимых объяснениях на уроках русского языка.

Родной язык в училищах осетинских и кабардинских совершенно не изучается, так как ни у осетин, ни у кабардинцев нет на родном языке ни письменности, ни литературы. Созданная же на этих языках искусственная письменность, видимо, не прививается.

Письменные работы и каллиграфия.

В осмотренных мною станичных и железнодорожных училищах в истекшем году практиковались все виды письменных работ, начиная от чисто механических – списывания с книги, диктант и кончая самостоятельными сочинениями на заданные

темы. Со стороны изложения и правописания работы вполне удовлетворительные, а в некоторых двухклассных училищах – Архонском, Прохладненском, Николаевском, Змейском – весьма хорошие.

В училищах инородческих практикуются, главным образом, механические работы, и выполнение их можно признать только удовлетворительным.

На каллиграфическое письмо во всех осмотренных мною училищах обращалось учащими серьезное внимание, и результаты, достигнутые в обучении письму, в общем следует признать вполне удовлетворительными, а в некоторых отдельных случаях у отдельных преподавателей – хорошими. В некоторых инородческих училищах у преподавателей молодых и малоопытных успехи по письму оказались слабыми. В таких случаях я рекомендовал преподавателям устраивать отдельные уроки каллиграфического письма, согласно существующим методам обучения этому предмету.

Арифметика.

Программа арифметики в одноклассных училищах с русским составом учащихся выполнена успешно: ученики 3-го отделения в одноклассных училищах в конце учебного года могли свободно производить все действия с числами любой величины как отвлеченными, так равно и составными именованными; в двухклассных же училищах ученики выпускного класса обнаружили вполне умелое обращение с простыми и десятичными дробями и основательное знакомство со способами решения задач на правила тройные, процентов, учета векселей, товарищества и смешения.

В училищах инородческих, за некоторыми исключениями, познания как в количественном, так и в качественном отношении обнаружены слабее, чем в училищах русских. Причиной этого опять-таки является позднее открытие учебных занятий осенью, раннее прекращение их весной и неаккуратное посещение учениками уроков.

Присутствуя на уроках арифметики, я наблюдал у некоторых молодых учителей недостаточное знакомство с существующими методами решения задач. Всем таким преподавателям мною делались соответствующие руководящие указания.

Геометрия.

Познания по геометрии В двухклассных училищах носили элементарный характер и касались, главным образом, практических приемов обращения с линейкою, транспортиром, циркулем, экером, мерною цепью и лентою, кроме того, учащиеся ознакомлены с практическими приемами измерения площадей. Результаты в обучении детей практической геометрии достигнуты вполне удовлетворительные.

История и география.

Элементарные сведения по отечественной истории и географии в одноклассных училищах сообщаются на уроках объяснительного чтения при прохождении статей исторического и географического характера.

В двухклассных училищах пройден краткий курс отечественной истории в объеме учебника Рождественского или Пущыковича, по географии пройдены краткие общие сведения из физической и математической географии и краткие сведения из географии России.

Познания обнаружены учащимися вполне удовлетворительные. При проверке познаний учащихся по истории и географии рекомендовал преподавателям обращать более тщательное внимание на развитие и воспитание в детях патриотического и национального чувства, для чего советовал пользоваться всякою подходящею статьею, всяким подходящим случаем и примером.

Естествоведение.

Сведения по естествоведению проходились в двухклассных училищах по программе, выработанной на съезде дирек-

торов и инспекторов народных училищ в 1903 г. Проверив познания учащихся по естествоведению, я нашел таковые удовлетворительными.

Пение

Обучение пению светскому и церковному ведется в большинстве училищ самими учителями и только в некоторых училищах обучение ведется посторонними лицами.

В училищах русских – станичных и железнодорожных – обучение пению поставлено хорошо; ученики поют на два и на: три голоса стройно и мелодично как светские песенки, так и повседневные молитвы. В училищах осетинских ученики поют в один, редко в два голоса, а в училищах кабардинских ученики пению не обучаются, так как посещаются училища в незначительном количестве и крайне неаккуратно.

Школьные здания, мебель, библиотеки и учебные пособия.

Из 40 осмотренных мною училищ 36 помещаются в собственных зданиях, 2 училища – Прохладненское и Александровское – кроме собственных занимают еще и наемные здания, а 2 училища – Прохладненское для иногородних и Рязановское хуторское – помещаются в нескольких наемных зданиях.

Из 38 собственных зданий 11 построены с соблюдением гигиенических требований, вполне удовлетворяют своему назначению и по качествам своим могут быть признаны хорошими, 11 можно признать удовлетворительными, а 16 школьных зданий плохи и совершенно не удовлетворяют своему назначению. Из 11 хороших зданий 4 находятся в осетинских селениях (училища Ногкауское, Христианское, Эльхотовское и Тулатовское), а 7 – в станицах (училища Николаевское, Змейское, Пришибское, Прохладненское, Солдатское, Государственное и Архонское).

Училищные здания училищ Эльхотовского, Николаевского и Прохладненского 2-х клас. хотя мною отнесены к числу хороших, но в настоящее время уже не могут вместить всего

количества учеников и требуют расширения или постройки новых зданий. Вследствие тесноты в Эльхотовском училище, имеющем 2 классных комнаты, одна смена учащихся вынуждена заниматься после обеда, а Прохладненское училище кроме собственного здания вынуждено было нанять под классы еще два частных дома, а общество станицы Николаевской постановило строить новое, более просторное здание. В плохих и неудовлетворительных зданиях помещаются, главным образом, кабардинские училища.

Классная мебель в большинстве училищ построена по системе Эрисмана и в качественном отношении удовлетворительна, но есть еще небольшое количество, в которых имеется часть парт старого образца – четырехместных с положительной дистанцией, которые не могут быть признаны удовлетворительными. Остаются эти парты в употреблении, главным образом, потому, что училища не имеют средств для замены их новыми, более совершенными.

Во всех осмотренных мною станичных училищах имеются довольно хорошие библиотеки как фундаментальные, так и детские и, кроме того, имеются особые библиотеки для выдачи книг ученикам, уже окончившим курс учения, а также и посторонним лицам. Библиотеки эти пополняются и обновляются на средства, отпускаемые ежегодно станичными обществами. Точно также большинство станичных училищ снабжено в достаточном количестве необходимыми учебными пособиями – коллекциями, картинами и проч., которые тоже приобретаются на средства станичных обществ. Что касается училищ инородческих, то у большинства из них библиотеки в зачаточном состоянии, точно так же бедны они и учебными пособиями.

О ремесленных отделениях и мастерских.

Из числа осмотренных мною 40 училищ только при одном – Прохладненском 2-х клас. – имеется слесарно-кузнечная мастерская. Для помещения ее построено особое здание, име-

ется необходимый инструмент, но, к сожалению, мастерская не функционирует, так как для содержания ее нет необходимых денежных средств.

О школьных садиках.

Из 40 осмотренных мною училищ при 23-х из них имеются участки земли, для сельскохозяйственных занятий.

Однако, из показанного числа только при 9-ти училищах организованы школьные сады; эти училища: Шанаевское 1-е, Солдатское, Государственное, Курское, Архонское, Баташевское, Бороковское, Тамбиевское 2-е и Михайловское колонийское. При остальных училищах участки находятся в необработанном виде.

Причинами, тормозящими развитие школьных садиков, является, прежде всего, отсутствие необходимых денежных средств на устройство ограды, насаждений и обработку участка. Отведя школе необходимый участок земли, большинство сельских обществ на этом оканчивает свое участие в помощи школе. Участок остается неогороженным, а в таком виде на нем невозможно сделать никаких насаждений.

Наконец, после долгих упрасиваний со стороны учителя и усилий со стороны учебного и административного начальства участок удаётся или окопать канавою или обнести плетневою изгородью.

Начинаются работы по насаждению, но так как работы по подготовке почвы требуют затраты больших усилий, недоступных слабым силам учеников, то работы эти приходится производить при помощи наемных рабочих, необходимый посадочный материал тоже приходится приобретать за деньги. На производство всех этих расходов сельские общества отказываются отпустить необходимые денежные средства, и, таким образом, хорошее дело тормозится или совершенно останавливается. Если же случается, что усилиями учебного персонала школьный сад будет создан и начнет приносить доход, то сельское общество тотчас же заявляет свои права на сад

и, представляя учителям весь труд по уходе за садом, однако, совершенно устраняет их от участия в прибылях, которые приносит сад.

Такой случай произошел в станице Солдатской, где станичное общество совершенно отстранило учителей от участия в продаже урожая школьного сада в 1908 г. и продало таковой за 150 руб., тогда как за сад по заявлению учителя можно было выручить вдвое. Такое отношение станичных и сельских обществ к труду учителей подрывает в последних энергию и является вторым тормозом в распространении этого хорошего дела.

О личном составе училищ

В осмотренных мною 40 училищах дело обучения вели 65 учителей, 9 учительниц и 31 законоучитель и вероучитель. Из числа 65 учителей получили образование в учительской семинарии 15 человек, в духовной семинарии – 8 человек, в городских училищах и педагогических курсах – 8 человек, и получивших учительское звание по испытанию 39 человек. Из 9 учительниц 7 окончило полный гимназический курс и 2 с прогимназическим курсом.

В числе учителей и учительниц имеются уже опытные педагоги, прослужившие на трудном поприще народного учителя не один десяток лет (напр., заведывающий Прохладненским училищем г. Лобов служит уже 35-й год, заведывающий Архонским училищем г. Кикоть и заведывающий Змейским училищем г. Малюга тоже насчитывает свыше... лет учительской службы), но есть и новички, состоявшие всего первый год на учительской службе.

В общем все учителя и учительницы, за малым исключением, относились к порученному им делу добросовестно, исполняя его с надлежащим усердием и прилежанием.

Индифферентное, а тем более небрежное отношение к возложенным обязанностям было замечено мною только в единичных случаях, причем иногда такое отношение вызывалось внешними причинами: несочувствием сельского общества

и сельской администрации, отсутствием достаточного количества учеников (в кабар. учил.) и неаккуратным посещением ими училища.

Количество затраченного учителями труда и достигнутые ими результаты в обучении тоже неодинаковы: учителя, работавшие по несколько лет и обладающие надлежащим педагогическим опытом, при умеренной затрате труда и энергии достигли весьма хороших результатов, а учителя с меньшим педагогическим опытом, несмотря на значительную затрату труда и энергии, достигли только удовлетворительных результатов. Всех малоопытных учителей, я при посещении их училищ, руководил своими советами и указаниями.

Как между собою, так и с сельскими обществами и сельскою администрациею, учителя жили в общем мирно; спор и столкновений, за некоторыми исключениями, не было, в единичных же случаях если таковые возникали, я старался примирить враждующих и старания мои в этом направлении обыкновенно увенчивались успехами.

Особые события, торжества и празднества в училищах.

К числу особых событий и празднеств в истекшем учебном году следует отнести празднества по случаю истекшего 20-го марта сего года столетия со дня рождения Н. В. Гоголя и 27-го июня – двухсотлетия со дня полтавской победы. Первое событие было отпраздновано всеми училищами с особою торжественностью: учащимся были сообщены биографические сведения о Н. В. Гоголе, прочитаны доступные детскому пониманию произведения писателя, розданы брошюры с его биографией и произведениями, а также и портреты писателей.

Второе событие тоже было отпраздновано с надлежащим торжеством, причем учащие ознакомили детей с жизнью и деяниями императора Петра великого, выяснили детям значение полтавской победы и совершаемого торжества, а ученики читали относящиеся к событию стихотворения и пели подходящие песенки.

К числу особых событий следует отнести также образовательную прогулку, совершенную учащими и учениками Слепцовского 2-клас. училища во Владикавказ. Во время этой прогулки ученики были ознакомлены с достопримечательностями города, фабриками и заводами.

О мерах, какие необходимо принять для дальнейшего развития учебного дела в районах

Главнейшим двигателем дела народного образования, без сомнения, является капитал. Если будут иметься надлежащие денежные средства, то это даст возможность снабдить училище хорошим школьным помещением, оборудовать его современною и правильно построенною школьною мебелью, библиотекою и учебными пособиями, а также даст возможность путем лучшего материального обеспечения привлечь к работе в училищах лучших учителей и преподавателей.

При тех скудных средствах, которые отпускаются в настоящее время частью сельскими и станичными обществами, а частью казною, – многого не сделаешь, а потому является вполне естественным, что большинство училищ имеют неудовлетворительные помещения, неправильно построенную школьную мебель, недостаточное количество учебных пособий и скудные библиотеки.

При настоящем скудном жалованьи учителя в 360 руб. в год и при современной дороговизне жизни учительская служба и учительское жалованье привлекают только тех, кому не удалось пристроиться к другой, более выгодной службе, или тех из молодых людей, кому нежелательно отбывать воинскую повинность в рядах армии. Однако, наиболее способные молодые люди недолго остаются сельскими учителями и при первой же возможности переходят на другую службу, дающую им лучшее материальное обеспечение. При такой постоянной смене учителей, чрезвычайно затруднительно подобрать надлежащий контингент народных учителей, преданных своему делу и отдающих ему с увлечением и любовью. Для того, чтобы поднять

училища в материальном отношении, необходимо дать им всем пособие от казны, установленное законом от 3-го мая 1908 г., т. е. по 390 руб. на комплект учащихся в 50 человек.

Такое пособие, прежде всего, по справедливости, должно быть оказано всем станичным училищам, так как училища эти содержатся главным образом на средства станичных обществ, содержащих их иногда с чрезвычайным напряжением своих платежных сил. Пособие от казны даст таким обществам возможность уменьшить несколько свои расходы на содержание училищ или, по крайней мере, не увеличивать их до крайнего напряжения при дальнейшем развитии школьного дела и расширения училищ.

За станичными училищами идут кабардинские, которые тоже целиком содержатся на средства сельских обществ и тоже крайне нуждаются в материальной поддержке правительства. Наконец, некоторые осетинские сельские общества – Христианское, Тулатовское, Эльхотовское, затратившие значительные средства на постройку хороших школьных зданий и содержания училища на свои средства, с трудом выносят расходы по содержанию училища. Общества эти еще в 1908 г. возбудили ходатайство об отпуске им на содержание училища установленных пособий от казны.

Ходатайства, эти, безусловно, заслуживают удовлетворения.

В учебном отношении в области крайне необходимо иметь учительскую семинарию, которая могла бы дать необходимый контингент надлежаще подготовленных учителей, в особенности для инородческих школ, для которых в настоящее время найти учителей, знающих родной язык учащихся, чрезвычайно трудно, а порою и совершенно невозможно.

Инспектор народных училищ 2-го района П. Сорокин.

Материалы по истории осетинского народа:

*Сборник документов по истории
народного образования в Осетии.*

Орджоникидзе, 1942. Т. V. С. 274-283.

ЖУРНАЛЫ

собрания директоров и инспекторов народных училищ и директоров учительских семинарий Кавказского учебного округа в гор. Тифлисе 1-10 июня 1904 года

В заседаниях собрания, под председательством г. Попечителя учебного округа М.Р. Завадского, принимало участие: окружные инспектора Р.К. Шенгер, Л.Г. Лопатинский, А.И. Словинский; директора учительских семинарий: Закавказской М.А. Миропиев, Кубанской Ф.И. Передерей, Эриванской А.М. Зазубович и Кутаисской В.И. Девицкий; директора народных училищ: Елисаветпольской губернии Ф.З. Левитский, Кубанской области Д.Д. Орлов, Бакинской губернии и Дагестанской области А.С. Тхоржевский, Ставропольской губернии В.Н. Серпевский, Эриванской губернии А.В. Чичинадзе, Терской области И.И. Савич, Тифлисской губернии С.Н. Шульгин и Кутаисской губернии П.А. Федоровский; инспектор татарского отделения Закавказской учительской семинарии Ф.А. Смирнов; инспектора народных училищ: Черноморской губернии В.В. Бутыркин, Карсской области А.Н. Лавров, Терской области В.И. Успенский, Кутаисской губернии Н.И. Новоспасский и И.Н. Судаков, Ставропольской губернии А.А. Карамоско, Бакинской губернии и Дагестанской области В.М. Успенской и М.Ф. Коптелов, Эриванской губернии В.Е. Воробьев, Елисаветпольской губернии А.К. Родионов, Тифлисской губернии К.И. Перевозников и М.Х. Леденцов (и. д.) и Кубанской области А.А. Левитский, при секретаре делопроизводителе канцелярии Попечителя учебного округа М.А. Афанасьеве.

Гг. директора и инспектора были приглашены в Тифлис с разрешения г. Управляющего Министерством Народного Просвещения для совместного рассмотрения вопросов по народному образованию, касающихся в том или ином отношении как учительских семинарий, так и начальных училищ, при чем намечались к обсуждению вопросы частью из пред-

ложенных на заключение начальства учебного округа Министерством Народного Просвещения, частью из числа вопросов, возбужденных в собрании гг. директоров и инспекторов 2-13 июня 1903 года, и, наконец, несколько вопросов, вновь возбужденных в течение минувшего учебного года гг. директорами и инспекторами.

В 19 заседаниях собрания были рассмотрены следующие вопросы:

1) Недельное распределение уроков в одноклассных училищах.

2) Требования грамотности, которые могут быть предъявляемы к ученикам одноклассного начального училища; изучение в начальных училищах русской грамматики.

3) Книга для чтения.

4) Письмо и письменные работы.

5) Преподавание арифметики.

6) История. Пригодность для начальной школы, в качестве учебного руководства, «Рассказов из русской истории», составленных преподавателями истории в средних учебных заведениях гор. Тифлиса.

7) Учебный план женских начальных училищ при преподавании рукоделия.

8) Дополнительные курсы, учреждаемые при начальных училищах на основании ст. 3553 т. XI, ч. 1, Св. Зак., изд. 1893 года.

9) Ученические библиотеки.

10) Учительские библиотеки. Правила пользования книгами из этих библиотек и заведывания библиотеками.

11) Экзамены на льготу по отбыванию воинской повинности.

12) Народные библиотеки и книжные склады при начальных училищах по правилам 18 января 1904 года. Библиотеки, устраиваемые попечительствами о народной трезвости.

13) Санитарный надзор за начальными училищами.

- 14) Проверка результатов, достигаемых начальной школой.
- 15) Отвод помещений в училищных зданиях в курортных местностях на летнее время учителям, приезжающим для поправления здоровья.
- 16) Устройство в училищных помещениях любительских спектаклей и других зрелищ.
- 17) Инструкция директорам и инспекторам народных училищ Кавказского учебного округа.
- 18) Сельскохозяйственные занятия в начальных училищах и учительских семинариях.
- 19) Рисование в начальных училищах и 20) Новый учебный план и таблица числа недельных уроков для учительских семинарий.

Пять из девятнадцати заседаний состоялось в помещении педагогического музея, устроенного при управлении учебного округа, остальные четырнадцать – в здании 1 женской гимназии.

Журналы Собрания директоров и инспекторов народных училищ и директоров учительских семинарий Кавказского учебного округа 1-10 июня 1904 года в гор. Тифлисе. Тифлис, 1904. С. 1-3.

II. Требования грамотности, которые могут быть предъявляемы к оканчивающим однокласное начальное училище.

В программах, приложенных к 35 § Правил 16 ноября 1885 года для выдачи свидетельств о знании курса начальных училищ лицам, желающим при отбывании воинской повинности воспользоваться льготой по п. 3 ст. 64 Уст. о воин пов., относительно требований по письму сказано: «экзаменуемый должен уметь написать диктуемый отрывок, который предварительно должен быть им прослушан, четко, скорописью (средней скорости) и при том без пропуска и искажения

слов, с соблюдением знаков препинания, причем незначительные ошибки в расстановке знаков препинания не препятствуют выдаче льготных свидетельств». По заявлению одного из гг. директоров, подтвержденному в собрании и другими, на практике приведенные слова «программ» дают основание разным экзаменаторам предъявлять разные требования; так, некоторые экзаменаторы считают искажением слова ошибки в правописании суффиксов и флексий, замену одной буквы другою (по произношению слова в *разговорной* речи), другие в этих и подобных ошибках искажения слова не видят и считают такие ошибки незначительными. В § 19 правил 16 ноября 1885 года говорится: «мера требований испытания по каждому предмету определяется *объемом программы*, установленной для училища, если она не ниже программы, приложенной к § 35 сих правил; в противном случае, равно как в тех училищах, для коих программ не установлено, мера требований не может быть ниже программы, приложенной к § 35. Тот признается выдержавшими испытание, кто вполне удовлетворит этими требованиями». «Установленной для училищ» программой являются «Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах Министерства Народного Просвещения», утвержденные 7 февраля 1897 года; обращаясь к этим программам, мы находим в руководящих замечаниях к этим программам разъяснение, что в них указан «наименьший объем сведений, который должен быть достигнут в одно-классной народной школе». Объем собственно грамматических сведений по русскому языку в программе 1897 г. указан только в самых общих выражениях, как например: «имя существительное, род, число, падеж» и т. п., с замечанием, что «введение в учебный курс начального народного училища сведений из грамматики имеет главною целью облегчить учителю объяснение, а ученикам запоминание важнейших правил правописания. Сведения эти должны сообщаться в самом элементарном объеме, без излишних подробностей, причем не следу-

ет однако избегать общепринятых грамматических терминов». Это указание «Программ», в связи с экзаменационными требованиями, дает повод некоторым учителям проходить грамматику как самостоятельный предмет, давать определения частей речи, изучать с учениками склонения и спряжения и т. п., причем главная цель прохождения этого материала – практическое применение к правописанию – и его чисто служебное значение весьма часто забываются.

Присутствовавшие полагали, что одностороннее увлечение преподавателей сообщением ученикам одноклассных школ значительного числа грамматических правил и увлечение разными упражнениями на грамматические правила должно быть останавливаемо. Необходимо удерживать учителей от множества отрывистых упражнений, которые в большом числе предлагаются такими пособиями, как составленные Некрасовым, Пуцыковичем и друг. При посещении училищ, на собраниях учительских необходимо разъяснять, что разные определения грамматические (части речи, части предложения, предложение и проч.) излишни в одноклассной школе, что склонение и спряжение отдельных слов бесцельны и во всяком случае требуют непроизводительной траты значительного количества труда и времени, что письменные работы, имеющие в виду обучение правописанию, должны быть поставлены в тесную связь с чтением, что с чтением должно быть соединено и ознакомление учащихся с элементами грамматики и с правилами орфографии и проч., что для предупреждения неправильного письма слов, начертание которых совпадает с их произношением, необходимо тщательно и постоянно следить за чистотой и правильностью устной речи учеников, соблюдать все требования звукового метода при прохождении букваря и развивать правильные зрительные впечатления. Систематически-правильное обучение приведет учащихся, оканчивающих курс одноклассного училища, в общем к такому письму, которое удовлетворит

требованиям программы 1897 г. Можно требовать, чтобы ученик, оканчивающий курс одноклассного училища, не делал ошибок в употреблении буквы *ѣ* в падежных окончаниях и в корне; наиболее употребительных слов* в местоимениях: кем, чем, всем, несколько, некоторый, в окончаниях степеней сравнения; в правописании приставок и предлогов слитно и отдельно; в употреблении прописных букв; в переносе слова по слогам; в отделении частей предложения и целых предложений одного от другого соответствующими знаками препинания; в употреблении двоеточия и в употреблении знаков вопросительного и восклицательного (правильная расстановка знаков препинания в связи с правильными остановками и интонацией при чтении).

Присутствовавшие единодушно высказали, что начальная школа должна стремиться к возможно большему усовершенствованию учащихся в письменном и устном изложении, разные виды коего указаны в § 1 настоящих журналов.

Журналы Собрания директоров и инспекторов народных училищ и директоров учительских семинарий Кавказского учебного округа 1-10 июня 1904 года в гор. Тифлисе. Тифлис, 1904. С. 15-18.

* В классах должны быть стенные таблицы слов с буквою *ѣ* в корне; те слова, правописание которых обязательно, должны быть подчеркнуты.

**Отчет о письменных работах
по русскому языку, исполненных учениками реальных
училищ и посторонними лицами на окончательных
испытаниях в 1911 году**

<...>

Общее заключение

I. К письменному испытанию по русскому языку весной 1911 г. было допущено 369 учеников и 29 экстернов. Испытания происходили в конце апреля. Более молодые учебные заведения – Майкопское реальное училище (5-й выпуск), Дербентское (4-й вып.), Грозненское (3-й вып.) и Сухумское (2-й вып.).

II. Избрание тем для письменного экзамена во всех реальных училищах было предоставлено испытательным комиссиям. Экзаменационные темы были сформулированы так:

1. В Бакинском реальном училище: «Влияние жизненных условий на развитие характера человека».

2. Во Владикавказском 1-м: «Великие люди – учителя человечества (на основании фактов истории и литературы)».

3. В Грозненском: «Счастливые и несчастные в романе «Рудин»».

4. В Дербентском: «Неудовлетворенность настоящим и стремление к лучшей жизни как основные черты русской женщины (по памятникам XIX века)».

5. В Ейском: «Русская девушка в произведениях Тургенева».

6. В Кубанском Александровском: «Великие люди и после своей смерти живут неразлучно с нами».

7. В Кутаисском: «Под какими влияниями складывалась жизнь русских помещиков времени крепостного права (по данным русской литературы)?».

8. В Майкопском: «Какие явления русской жизни наиболее привлекли внимание Тургенева?».

9. В Ставропольском: «Какие светлые черты русского национального характера отразились в произведениях Тургенева («Записки охотника», «Рудин», «Дворянское гнездо» и др.)?».

10. В Сухумском: «Что дает нам осмысленное чтение поэтических произведений?».

11. В Темир-Хан-Шуринском: «С какими сторонами русской жизни и природы знакомимся мы по роману «Евгений Онегин?».

12. В Тифлисском: «Влияние крепостного права на жизнь и характер дореформенного дворянства по данным новой русской литературы».

13. В Шушинском: «Нравственный облик передовой русской интеллигенции в дореформенное время по произведениям И. С. Тургенева».

Г.г. преподаватели словесности в VII-х классах и испытательные комиссии отнеслись вообще заботливо к выбору тем для экзамена. В этом отношении вообще можно говорить о значительном улучшении дела. Менее удачен выбор темы только в Темир-Хан-Шуринском училище: здесь тема недостаточно оригинальна. В связи с этим обстоятельством абитуриенты обнаружили стремление держаться школьных пособий, иногда даже во вред своей работе. В других же учебных заведениях, наоборот, приходилось устанавливать, скорее, несомненную оригинальность, слабы ли работы, или хороши, но ученик виден.

Можно еще отметить, что тяжела по формулировке тема в Кутаисском училище, или что излишне распространена тема в Сухумском училище вставкой понятия «осмысленное». Абитуриенты этого училища напрасно подходили к рассмотрению вопроса о значении чтения для них («нам» сказано в теме) с такими, напр., рассуждениями: «Всякое произведение можно читать различным образом. *Напр.*, произведение можно (?) читать чисто механически, не обращая внимания ни на какую сторону произведения, как Петрушка» («в «Мертвых душах» Гоголя»).

Особой оригинальностью отличаются темы в Грозненском и Дербентском училищах. Но исполнение задачи в Дербентском реальном училище тем не менее очень неважное.

III. Более содержательны работы в училищах: Майкопском и Тифлисском. Относительно Майкопского училища мое заключение таково: «Преподаватель отчетливо уяснил абитуриентам существо дела Тургенева. Абитуриенты усвоили главные мотивы творчества писателя и нашли у себя необходимые формы для выражения мысли. Абитуриенты знают главное в сочинениях Тургенева и понимают». Относительно работ абитуриентов Тифлисского училища я сделал такое заключение: «Несомненно, что абитуриенты чувствовали себя хозяевами среди необходимого для темы материала: у них были знания и умение высказаться по вопросу. Абитуриенты настойчиво держались в сфере литературного материала».

В Грозненском реальном училище успешность содержания невысока (68,4%); но в работах, удовлетворительных в этом отношении, «содержание есть», «одни авторы больше пользуются текстом, другие меньше, но несомненно, что в основе большинства работ лежит текст романа» («Рудин»).

В Ейском реальном училище успешность в этом отношении довольно большая (85,0%), но каждая в отдельности из работ бледна: здесь «содержание работ вообще малое и поверхностное. Абитуриенты ограничиваются ничтожными количеством мыслей и черт для определения той или иной представительницы женских типов Тургенева».

На солидную и интересную по заданию тему дается, таким образом, легонький ответ. Абитуриенты скользят по типам. Это вполне понятно. Абитуриенты мало были подготовлены к таким широким задачам в построении ответа. У абитуриентов мал запас и литературного материала».

В удовлетворительных работах Бакинского и Шушинского училищ некоторые материалы есть.

Абитуриенты Кубанского и Кутаисского растерялись перед широтой задачи. «Отсюда – напр., по Кутаисскому училищу – бледность в содержании. Абитуриенты в большинстве случаев ограничиваются простой ссылкой на произведение... Сочинения принимают характер лишь сообщений и притом в виде общих мест».

И из сочинений абитуриентов, и из заключений испытательных комиссий вообще очевидно, что вопрос о книге для чтения и о чтении, и о приучении учеников к чтению один из самых основных. «Отсутствие проникновенности в литературу, малая начитанность, изучение текста только по мере давления со стороны преподавателя, знакомство с подлинниками часто лишь по чужой книжке» – как это мною отмечено по Бакинскому реальному училищу – все это крайне неблагоприятные условия для правильной постановки занятий русским языком. В Бакинском реальном училище преподавателю предмета пришлось убедиться, что «познания учеников в отечественной литературе были очень незначительны», когда их приняли в начале учебного года (1910-11), и что «значительная часть учеников VII кл. даже и не читала тех произведений, которые приходилось разбирать и изучать в VII классе».

Интересно видеть в работах абитуриентов их настроение. Особенно заметно это в Майкопском реальном училище: «Многие абитуриенты обнаружили, что они и любят Тургенева: некоторые из них пишут тепло и далее с увлечением».

В Ейском реальном училище, при общей бледности сочинений, «положительную сторону в содержании некоторых работ составляет отношение авторов к предмету речи. Абитуриенты несомненно симпатизируют очерчиваемым ими женским типам Тургенева; авторы проявляют несомненное уважение к положительным качествам русской девушки в произведениях Тургенева».

В большинстве же абитуриенты безразличны. *Напр.*, по Грозненскому реальному училищу мною отмечено так: «Абитуриенты передают довольно гладко и по существу,

в чем страдания Рудина, Пигасова, в чем радости Лежнева и т. д. Но делают они свои сообщения холодно. Чужое для них содержание. Чужды им думы, чувства, настроение героев романа. Абитуриенты исполняют обязанность и только, несмотря на действительный интерес темы». Преподаватель предмета и сам отметил эту черту в работах и дал несколько замечаний, интересных и, как мне кажется, близких к истине»...

<...>

V. Планы слабее всего и ныне в Бакинском реальном училище (36,7%); почти в такой же степени слабы планы в Кутаисском реальном училище, именно в VII паралл. (43,5%). Большая успешность в этом отношении – в работах абитуриентов Ставропольского (100% при 2 уч.), Тифлисского (в VII основн. – 97%) и Майкопского (96,2%) училищ. Выполнение намеченного плана менее удалось абитуриентам Ставропольского (50,0% при 2 учен.) и Темир-Хан-Шурина (51,9%) училищ.

VI. И ныне самые слабые работы по слогу в Дербентском реальном училище (47,4%). К неважным в этом отношении работам относятся сочинения абитуриентов Ставропольского (50,0% при 2 учениках); Владикавказского (55,2%); Кутаисского (VII, 158,3%) и Бакинского (61,4%). Вполне удовлетворительны по слогу работы в училищах: Тифлиском, (VII,1-87,8%), Грозненском (78,9%) и Кубанском (78,6%). Лучшие по слогу работы в Майкопском училище (96,2%).

VII. По грамотности слабее всех работы в Дербентском реальном училище. Здесь в среднем на работу приходится больше 22 ошибок (22,1) при сравнительно небольшом объеме сочинений во всяком случае, размер сочинений в Дербентском реальном училище (по 4,68 страницы) меньше, чем в 7 других училищах. За Дербентским училищем следуют Ставропольское (по 21.0 ошибке на сочинение), Т.-Х.-Шурина (по 20) и Шушинское (по 18.8). Среднее число ошибок для всех училищ 13,4 на сочинение. Но в общем в грамотности есть улучшение по сравнению с прошлым годом (по 16,5 на сочинение). В прошлом году общее число ошибок было 5939, т. е. по 456,8

на училище; в этом году 4868, т. е. по 374,5 на училище. Грамотность в сочинениях абитуриентов Ейского училища (15,3), Владикавказского (13,6), Сухумского (12,3) и Бакинского (12,0) можно считать средней. В Тифлисском реальном училище грамотность несколько выше средней: здесь среднее число ошибок (13,1) приходится на сочинение в 6,50 стр., размером значительно выше среднего. Лучшими по грамотности вышли работы в Кубанском (по 7,1 ошибки на сочинение в 4,04 страницы) и особенно в Майкопском училище (по 8,0 ошибок на сочинение в 9,23 страницы).

VIII. Оценка экзаменационных работ произведена испытательными комиссиями в этом году еще более правильно, чем в предыдущем. Мне пришлось понизить отметку комиссии только в 27 случаях (в прошлом в 98) из 369, т. е. в 7,4%.

По моей оценке, самая низшая средняя отметка приходится на Владикавказское училище (2,65) и Бакинское (2,54), высшая отметка (3,19) – на Майкопское и на VII кл. Тифлисского. Общая успешность – самая слабая: в Бакинском училище (43,8%), Ставропольском (50,0%) и Дербентском (52,6%); наибольшая успешность – в Майкопском (96,2%) и Тифлисском (90,0%). Средняя общая оценка (2,86) невысока. Это обстоятельство находится, без сомнения, в тесной связи с общим уровнем развития учеников VII-х классов реальных училищ. Во многих училищах, как видно из заявлений испытательных комиссий, VII-ые классы в большинстве состояли из малоспособных или неразвитых учеников.

Общая картина свидетельствует, однако, о несомненном улучшении дела: при большей самостоятельности абитуриентов, в смысле независимости от разных школьных пособий, в их сочинениях чаще можно было отметить наличие знакомства с литературным материалом; при том же почти размере работы, что и в прошлом году (в 1911 г. – 5,11, в 1910 г. – 5,22 страницы на сочинение), грамматических ошибок меньше (4,86 на сочинение против 5,19 в 1910 г.); при большей требовательности испытательных комиссий к сочинениям абитуриентов,

оценка их ныне немногим ниже (2,97 в среднем против 3,10 в 1910 г.); а по моей оценке, при тех же в общем требованиях, что и в прошлом году, средняя успешность несколько выше прошлогодней (2,83 против 2,82 в 1910 г.; 2,82 и в 1909 г.).

Х. Отношение гг. преподавателей к рассмотрению экзаменационных работ было в этом году вообще самое заботливое. Особой солидностью отличается все производство испытаний в Тифлисском реальном училище.

XI. В прошлогоднем своем отчете я говорил: «Во многих реальных училищах и начальники учебных заведений, и преподаватели русского языка и словесности проявляют несомненное внимание к делу постановки письменных работ на правильных основаниях. В некоторых училищах намечаются и практические способы к улучшению работ или к улучшению условий для подготовки к ним» (175 стран).

С удовольствием могу отметить, что усилия лиц, близко стоящих к этому делу, не ослабевают. Так, напр., в Тифлисском реальном училище вопросу о чтении учеников уделяется большое внимание со стороны гг. преподавателей и предметной комиссии... Ученическая библиотека работает здесь и в летнее вакационное время. Виды письменных работ и сроки их устанавливаются в предметной по русскому языку комиссии, под председательством директора училища. Итоги занятий письменными работами пополугодно подвергаются рассмотрению в той же комиссии.

Интересные сведения дают о некоторых своих приемах гг. преподаватели Павлов (Тифлисское реальное училище), Родионов (Грозненское) и Харламов (Майкопское).

Окружной Инспектор А. Словинский.

Тифлис. 5 января 1912 г.

Словинский А. Отчет о письменных работах по русскому языку, исполненных учениками реальных училищ и посторонними лицами на окончательных испытаниях в 1911 году.

Тифлис, 1912. С. 145-154.

**Отчет о письменных работах по русскому языку,
исполненных учениками реальных училищ
и посторонними лицами на окончательных
испытаниях в 1912 году**

<...>

Б. Заключение

I. Весной 1912 года к письменному испытанию по русскому языку в 17-ти реальных училищах Кавказского учебного округа было допущено 423 ученика VII-х классов и 25 экстернов.

В 1912 году в четырех реальных училищах, а именно: во Владикавказском 2-м, Екатеринодарском 2-м, Темрюкском и Шемахинском, состоялся первый выпуск абитуриентов.

Из прочих 13-ти училищ более молодые учебные заведения: Майкопское реальное (6-й выпуск), Дербентское (5-й), Грозненское (4-й) и Сухумское (3-й).

II. Избранные для экзамена темы были сформулированы так:

1. Во Владикавказском 2-м: Чёрт в житейной литературе и в произведениях Гоголя.

2. Екатеринодарском 2-м: Предшественники Обломова в русской литературе.

3. Темрюкском: Достоевский и Гоголь – проповедники гуманности.

4. Шемахинском: Возвышенные мысли и чувства, возбуждаемые в нас художественными произведениями.

5. Грозненском: Отличие «лишних людей» от «существователей».

6. Дербентском: Дореформенное чиновничество по литературным памятникам XIX века.

7. Ейском: «Лишние люди» и их общественное значение.

8. Кубанском Александровском (Екатеринодарском 1-м): Стремление к самоусовершенствованию и искание смысла и правды жизни, как характерный черты героев Л. Толстого.

9. Кутаисском: не физическая, а духовная сила доставляет

человеку окончательную победу (доказать на основании данных истории и литературы,)

10. Майкопском: Достоевский – проповедник гуманности.

11. Ставропольском (реальное отделение при гимназии): Какие «чувства добрые» пробуждают в нас произведения русской литературы I-й половины XIX века.

12. Сухумском: Под влиянием каких условий формируется духовный облик человека.

13. Темир-Хан-Шурином: Душевная красота русского крестьянина по «Запискам охотника» Тургенева.

14. Тифлисском: Герои слова, их типические особенности и общественная стоимость.

15. Шушинском: влияние крепостного права на характер и быт крестьян по «Запискам охотника».

16. Бакинском: Роль главных героев и массы в ходе исторических событий Отечественной войны – по произведению Л. Н. Толстого: «Война и мир».

17. Владикавказском 1-м: На основании данных русской словесности и русской истории выяснить, какими чертами должна отличаться идеальная личность.

Сверх того, для экстернов, державших экзамены в особо назначенные сроки, были даны и особые темы: а) в Грозненском реальном училище: Значение любви в жизни Тургеневских героев и героинь. б) Ейском: Крестьянские вопросы по произведениям Кольцова и Некрасова. в) Бакинском: Счастье человека в сознании правоты своих поступков по произведению Л. Н. Толстого: «Казачьи». В Шемахинском реальном училище первое письменное испытание 28 апреля, в силу некоторых обстоятельств, набросивших тень подозрения на правильность его производства, Попечитель округа признал недействительным; вследствие этого было назначено, с доклада Наместнику ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказе, вторичное испытание. Вторичный письменный экзамен происходил 19 мая. Тема, согласно распоря-

жению Попечителя округа, была избрана лично директором училища. Результаты второго экзамена оказались успокоительными, и неблагоприятное впечатление первого испытания утратило свою остроту. Для Кутаисского реального училища тема дана была Управлением учебного округа. Во всех прочих училищах избрание тем было предоставлено испытательным комиссиям. К избранию тем испытательные комиссии отнеслись вообще заботливо и вдумчиво. Менее удачно выражен этот вопрос в Темир-Хан-Шуринском реальном училище, как и в прошлом году, в Дербентском и Шушинском. Наиболее интересно и солидно был обставлен выбор темы в Ставропольском реальном отделении: преподаватель Панченко предпослал выбору темы свои соображения, какими вообще надлежало бы руководствоваться при решении вопроса об избрании тем...

Эти соображения имеют несомненный интерес, почему я и привел их полностью в своем месте. Вообще ныне можно с определенностью установить, что вопрос о выборе экзаменационных тем постепенно принял в суждениях испытательных комиссий реальных училищ характер серьезного дела.

III. Избранные темы вообще не затруднили абитуриентов в отношении определения существа вопроса. С большим трудом подходили к выяснению задачи абитуриенты Шушенского реального училища (73.3%) и Екатеринодарского 2-го (75.0%). В пяти училищах (Владикавказское 2-е, Шемахинское, Дербентское, Кубанское (Екатеринодарское 1-е), Майкопское, Владикавказское 1-е) поняли тему все абитуриенты. Даже в Кутаисском реальном училище, где тема была дана из Управления учебного округа, эта сторона испытания определяется высоким процентом (93,1).

IV. Наиболее содержательны, как и в прошлом учебном году, работы в Майкопском (95,1% – 19 из 20) Реальном училище и Владикавказском 1-м (97% – 32 из 33), а затем и в Шемахинском (91.9%). В Майкопском реальном училище абитуриенты взялись за ответы бодро и толково. В своих сочине-

ниях абитуриенты показали знание необходимого материала. – «В распоряжении абитуриентов Шемахинского реального училища был значительный круг литературных фактов». «Абитуриенты держатся на почве произведений и толково цитируют». – У абитуриентов Владикавказского 1-го реального училища был «большой материал», и «притом в большинстве хороший, ценный».

Высоким %-м отмечено содержание в Кубанском реальном училище (88.2%) (Екатеринодарском I-м) и Тифлисском (85.2%). Из них по своему качеству содержание работ Тифлисского реального училища значительно выше. Здесь «некоторые работы хороши по содержанию. Авторы таких работ стоят на почве текста литературных произведений. Авторы в таких случаях умело пользуются мелкой пищей».

В Кубанском реальном училище большинство работ удовлетворительны по содержанию, но содержание жиденькое, хотя преподаватель, по-видимому, произвел большую работу с абитуриентами: очевидно, общее развитие их посредственное. В Темрюкском реальном училище в сочинениях, удовлетворительных по содержанию, было, несомненно, значительное количество фактического материала, при общем незначительном проценте успешности (50.0%). Самыми слабыми работами по содержанию оказались сочинения абитуриентов Бакинского реального училища (30.4%) и Ставропольского реального отделения (43.7%). В Бакинском реальном училище часть ответственности за низкий % падает на комиссию: комиссия остановилась на теме, для которой, по заявлению преподавателя, у учеников менее всего могло найтись необходимое содержание. Преподаватель предупредил комиссию и протестовал, и комиссия напрасно не вняла заявлениям преподавателя. Нахожу необходимым остановить еще на одной стороне в сочинениях, именно – на настроении абитуриентов. Я всегда огорчался безразличным отношением абитуриентов к жизненным, ценным, дорогим и возвышенным вопросам, и всегда, когда удавалось, отмечал противоположное

настроение. Поэтому я вполне разделяю взгляд, изложенный г. Панченком в своих соображениях при избрании темы в Ставропольском реальном отделении «особенно ценными являются темы, создающая в ученике хорошее настроение, пробуждающие в нем «чувства добрые». Но Ставропольское реальное отделение в этом отношении, к сожалению, не удовлетворило меня: здесь абитуриенты, «не проявили говорил я – облагороженной души, не уяснили, какие их душевные струны трогает то или другое творение русского писателя», и т. д. В работах же абитуриентов Майкопского реального училища, как и в прошлом году, «заметны хорошее настроение, душевное отношение к предмету». – «Абитуриенты (Владикавказского I-го реального училища) проявили интерес к предложенному им вопросу. Некоторых тема даже захватила. Некоторые абитуриенты испытывали, несомненно, моральное удовольствие, перебирая известный им материал с точки зрения данной темы».

Абитуриенты Шемахинского реального училища «не безразличны, – в некоторых случаях они проявляют душевную теплоту к литературным типам, которые возбуждают в них возвышенный мысли и чувства». Эту же черту я отметил и в работах Темрюкского реального училища.

V. Раскрытие вопроса темы в планах вышло вполне удовлетворительно в Шушинском реальном училище (100%). Но это объясняется тем, что характером темы подсказывался абитуриентам план знакомого построения, – общий (более или менее для всех). Такому % успешности я не могу придавать положительного значения.

Несомненно, хорошие планы (95.0%) – в Майкопском: здесь лучшие планы. Качество процента успешности здесь значительно выше такового же в Шушинском. Толково строят планы абитуриенты и Шемахинского реального училища (91.9%). К планировке приучены и абитуриенты Ставропольского реального отделения (87.5%), Кубанск. (Екатеринодарского) (82.4%), Владикавказского 1-го (81.8%) и Тифлисского (81,5%) реальных училищ. Самые неудачные планы в двух

училищах: Сухумском (41.1%), Ейском (48.0%) и Владикавказском 2-м (50.0%).

VI. Самыми удачными по слогу оказались работы абитуриентов Шемахинского (100%), Майкопского (95.0%) и Владикавказского 1-го (90.0%) училищ. Несомненно, самый неблагоприятный, в смысле малой культурности, материал, над которым приходилось работать преподавателю, были ученики Шемахинского реального училища, и не только по сравнению с названными двумя училищами, но и по сравнению со всеми прочими 14-ю, – или за исключением разве Темир-Хан-Шуринского и Шущинского: здесь, пожалуй, однородный материал. И тем не менее преподаватель Шемахинского реального училища достиг вполне положительных в этом отношении результатов. Преподаватель Синюхаев положил на это дело много труда и энергии: об этом можно судить и по напечатанным выше материалам.

Преподаватель Майкопского реального училища достиг весьма больших результатов своим упорным и заботливым трудом над постановкой работ. Процент успешности здесь ниже, чем в Шемахинском, но качество успешности выше: в общем слог работ абитуриентов Майкопского реального училища надо поставить на первом месте. Абитуриенты Владикавказского «пишут легко». В Бакинском реальном училище успешность по слогу высокая (80.0%); в Тифлисском ниже, чем в прошлом году: у нового преподавателя ученики, по-видимому, ослабели в умении выражать свою мысль. Но, с другой стороны, нельзя не отметить, что здесь есть работы очень хорошие по слогу (свыше десяти): на этих лицах сказалась школа. Самые слабые по слогу работы – в Кутаисском реальном училище (44.2%). Мало утешительного в этом отношении также в работах Темир-Хан-Шуринского реального училища (54.5%) и Ставропольского реального отделения (56.2%).

VII. Средняя грамотность ныне определяется 16-ью (16.1), ошибками на работу (в прошлом году – 13.4), при том же почти среднем объеме (4.80 страницы на работу), что и в прошлом

году (4.86). Понижение дали знаки препинания. Ныне абитуриенты обнаружили больше невнимания к этой стороне. Особенно это проявилось в Екатеринодарском 2-м реальном училище (700 ош [ибок] – на 24 ученика). Вследствие этого названное училище в отношении грамотности заняло самое последнее место: здесь наибольшее, небывалое, среднее число ошибок (38.1 на сочинение). Весьма много наделали ошибок в пунктуации также абитуриенты Шушинского (258 – на 15 учеников), Ставропольского (263 – на 16 учен.), Темир-Хан-Шурина (310 – на 22 учен. [ика]) и Тифлисского (791 – на 54 учен. [ика]) училищ. Самые малограмотные работы – в Екатеринодарском 2-м реальном училище (38.1 ош [ибок], в среднем, на работу). Очень слабы по грамотности работы и в Шушинском училище (по 30.1 ошибок на сочинении в среднем. Грамотность ниже средней в работах Ставропольского реального отделения (22.8 ошибки на сочинение в среднем), Тифлисского реального училища (22.4), Дербентского (19.3) и Ейского (17.2). В прочих 10 училищах грамотность выше средней.

<...>

Лучшими по грамотности являются работы Майкопского реального училища: здесь только по 5.01 ошибок на сочинение в среднем, при самом большом объеме работ (по 8.55 стран [иц], в среднем на сочинение). За Майкопским реальным училищем следующее место по грамотности принадлежит Бакинскому реальному училищу: здесь ошибок тоже немного, всего по 5.02 на сочинение (в среднем), но с той разницей, что работы Бакинских абитуриентов самые незначительным по объему – 14.27 стран [иц] на сочинение) против Майкопских ровно вдвое меньше.

VIII. Оценка экзаменационных работ произведена испытательными комиссиями, за исключением Кутаисской и отчасти Шушинской, вообще с должной осмотрительностью. Против оценки в некоторых учебных заведениях, напр., Темрюкском, Дербентском, Темир-Хан-Шурина, решительно ничего

нельзя возразить. С оценкой комиссии Владикавказского и Шемахинского реальных училищ я разошелся только в одном случае, с оценкой Майкопского и Ставропольского – в двух случаях; но это обстоятельство вообще ничуть не отнимает у комиссий названных училищ права на признание серьезного отношения с их стороны к делу оценки. По моей средней оценке, самый неудачный результат – во Владикавказском 2-м реальном училище (2.38). Огорчение этого молодого учебного заведения я вполне разделяю, тем более что на понижение отметки сыграла работа абитуриента, поступившего только с осени последнего учебного года во Владикавказское 2-ое реальное училище. Самый же удачный результат испытания – в Майкопском реальном училище (3.45). По средней оценке, результаты экзамена вполне удачны также: в Шемахинском реальном училище (3.09), Владикавказском 1-м (3.03), Тифлисском (3.02), Кубанском (Екатеринодарском 1-м) (3.0). Во всех прочих училищах средняя оценка или 2.50 (Ставропольское), или выше.

IX. Там, где удалось преподавателю заниматься со своими учениками, не один, а два года и более, – там и результат положительный легче вырабатывался. Так это несомненно выясняется относительно Майкопского, Шемахинского, Владикавказского 1-го, даже Кубанского и Темрюкского реальных училищ. Если же и при этом условии являлись привходящая не благоприятные обстоятельства (болезнь преподавателя, как это было во Владикавказском 2-м реальном училище в 1910 году; прием очень слабых учеников прямо в VII-й класс – здесь же), то результат занятия необходимо понижался. Особенно неблагоприятно отзывался на результатах занятий смена преподавателей. Так, ныне понижение успешности экзамена стоит в связи с таким именно обстоятельством в Тифлисском училище – и, может быть, в Ставропольском (г. Панченко принял класс только в августе 1911 года). Дербентскому училищу трудно было до сих пор стать на ноги потому именно, что здесь сряду 3 года сменялись преподаватели русского языка в старших

классах. Абитуриенты Ейского реального училища, окончившие ныне курс, перебивали в руках семи преподавателей русского языка. Начальники учебных заведений и сами хорошо знают и видят всю разрушительность отмеченных явлений, но обстоятельства так иногда складываются, что смена преподавателя в известные моменты делается неизбежной, а учебное дело также неизбежно страдает.

Х. В заключение своего отчета не могу не отметить, что в дело производства письменного экзамена испытательные комиссии и, особенно, г.г. преподаватели русского языка в VII-х классах, в своем большинстве, влагают много труда и энергии, и что учебные занятия учеников во многих реальных училищах, несмотря на разные неблагоприятные обстоятельства, служат предметом усердного попечения со стороны г.г. преподавателей русского языка. Об этом отчасти можно судить и по тем материалам, которые мною напечатаны в отчете вслед за отзывом о работах данного реального училища.

Вообще заботливое и серьезное отношение комиссии, отмеченное мною, к делу производства окончательных, письменных испытаний по русскому языку и систематическое, хотя и медленное, улучшение занятий русским языком в реальных училищах, несомненно, находятся в тесной связи с тем вниманием, какое оказывает этому делу Совет Попечителя учебного округа: постановления Совета Попечителя по данному вопросу и циркулярным распоряжения Попечителя округа, основанный на этих постановлениях, постепенно вносят определенность в требования в отношении постановки занятий русским языком в реальных училищах и указывают педагогическим советам более правильные пути работы над этим делом.

Окружной Инспектор А. Словинский.

Тифлис. 27 января 1913 г.

Словинский А. И. Отчет о письменных работах по русскому языку, исполненных учениками реальных училищ и посторонними лицами на окончательных испытаниях в 1912 году.

Тифлис, 1913. С. 193-204.

Доклад хранителя Терского областного музея

П. П. Распопова

(извлечения)

<...>

Также весьма важным в данный момент вопрос о постановке дела популяризации музея среди местного населения области.

Вопрос этот так сложен и велик, что силами администрации одного музея разрешить его не представляется возможным.

Пользуясь тем, что в состав музейного комитета входят представители от войсковых учебных заведений и войскового штаба, я просил бы их высказать свое заключение дабы помочь более правильной постановке дела. Лично мной предлагалась бы следующая мера: 1) ряд лекций в станицах и городах о значении музеев вообще и Терского областного музея для края в частности и 2) о необходимости охраны могильников и исторических памятников самим населением от расхищения и разрушения в его же собственных интересах. Сжатые лекции на сказанные темы могли бы провести по станицам и селениям преподаватели сельских школ, представители духовенства, как христианского, так и мусульманского среди своих взрослых прихожан, а в некоторых более крупных центрах выступить лекторами могли бы члены комитета и представители музея. Для возбуждения наибольшего интереса среди слушателей чтения эти можно было бы иллюстрировать картинками при помощи волшебного фонаря, тем более что первоначальный материал для первых двух-трех лекций в распоряжении музея уже имеется. Необходимость организации этих лекций для прямых целей музея, их воспитательное значение на подрастающее молодое казачье поколение так велико, а влияние, в смысле подъема культурного понимания принимаемых администрацией мер по охране памятников старины на туземное население так неоспоримо, что противоположных, полагаю,

мнений не может создаться. Статистика посещений музея за последние два года указывает на значительный рост интереса среди населения к задачам и целям музея, так, зачастую приходится наблюдать повторные посещения одних и тех же лиц, которые, являясь вторично в музей, нередко приносят что-либо, по их мнению заслуживающее интереса. Помимо указанной причины необходимость в подобного рода лекциях подчеркивается все усиливающимся хищением и разрушением могильников наиболее интересных в исторических отношениях мест области. Как показала практика, борьба с этим злом одними запретительными мерами в виде циркуляров и предписаний не дает реальных результатов. Сама жизнь заставляет на борьбу с этим злом выдвинуть общественный почин и инициативу, так как вполне понятно, что до тех пор пока в народной массе не вырастет сознание необходимости в собственных же интересах беречь от разрушения памятники старины и не давать расхищать могильный инвентарь хищникам своим и иностранным все административные воздействия будут мало целесообразны и явятся лишь паллиативами.

ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 58. Д. 2550.

Л. 9об.-10об.

Таблица посещений Терского областного музея

В 1907 г. посетило музей 153 лица

- 1908 325
- 1909 339
- 1910 544
- 1911 2068
- 1912 4082
- 1913 2991
- 1914 804

Статский советник [подпись] Вертепов

ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 58. Д. 2550. Л. 51.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

1. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3451, 5255, 3425.
2. ФР. 1161. Оп. 1. Д. 1246.

*Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
ВНЦ РАН (НА СОИГСИ)*

3. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7, 9, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 43, 63, 64, 69, 70, 71, 73, 74.

*Центральный государственный архив
Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А)*

4. Ф. 11. Оп. 12. Д. 363.
5. Ф. 11. Оп. 58. Д. 2002, 2550.
6. Ф. 12. Оп. 1. Д. 468.
7. Ф. 12. Оп. 2. Д. 188, 201, 207, 310.
8. Ф. 12. Оп. 5. Д. 319.
9. Ф. 12. Оп. 7. Д. 13.
10. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1927.
11. Ф. 123. Оп. 1. Д. 28.
12. Ф. 199. Оп. 1. Д. 5, 23, 103, 223, 261, 533.

*Центральный государственный исторический архив Грузии
(ЦГИАГ)*

13. Ф. 12. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3132.
14. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1.

*Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской
республики (ЦГА КБР)*

15. Ф. И-27. Оп. 1. Д. 1.

Опубликованные источники

16. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов/Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 399 с.

17. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. Т. XII. 1558 с.

18. Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1907. 164 с.

19. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб.: Воен. тип., 1870. 120 с.

20. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1913. 36 с.

21. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1889 г. Владикавказ: Типография Областного Правления Терской области, 1891. 71 с.

22. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ: Типография Областного Правления Терской области, 1892. 132 с.

23. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 год. Владикавказ: Тип. Областного правления Терской области, 1894. 113 с.

24. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. Владикавказ: Тип. Областного Правления Терской области, 1895. 105 с.

25. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. СПб.: Синодальная типография, 1898. 427 с.

26. Всеподданнейший отчет ober-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб.: Синодальная типография, 1899. 279 с.

27. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 год. СПб.: Синодальная типография, 1901. 224 с.

28. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год. СПб.: Синодальная типография, 1902. 272 с.

29. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб.: Синодальная типография, 1905. 321 с.

30. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 годы. СПб.: Синодальная типография, 1910. 304 с.

31. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 годы. СПб.: Синодальная типография, 1911. 633 с.

32. Всеподданнейший отчет ober-прокурора Святейшего синода по ведомству Православного исповедания за 1910 год. СПб.: Синодальная типография, 1913. 469 с.

33. Журнал годовичного собрания Терского областного статистического комитета: заседание 10 февраля 1896 года. Владикавказ, 1896.

34. Журнал общего собрания Терского областного статистического комитета: заседание 13 марта 1893 года. Владикавказ, 1893.

35. Журналы Собрания директоров и инспекторов народных училищ и директоров учительских семинарий Кавказско-

го учебного округа 1-10 июня 1904 года в гор. Тифлисе. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. гражд. ч. на Кавказе, 1904. 183 с.

36. История Владикавказа (1781-1999 гг.): Сборник документов и материалов/Сост. М. Д. Бетоева, Л. Д. Бирюкова. Майкоп: Изд.-полиграф. и книготорг. произв. объединение «Адыгея», 1991. 1014 с.

37. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1942. Т. V. 296 с.

38. Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1905 год. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1906. 110 с.

39. Отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска за 1913 год. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1914. 112 с.

40. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880-1901. Тифлис: Тип. канцелярии Главного начальствующего гражд. частью на Кавказе, 1903. 456 с.

41. Отчет о деятельности Общества по устройству Народных чтений в городе Владикавказе и Терской области за 1907-1909 гг. Владикавказ: Тип. Шувалова З. И., 1909. 25 с.

42. Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1893 год. Владикавказ, 1894.

43. Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1898 год. Владикавказ, 1899.

44. Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1900 год. Владикавказ, 1901.

45. Отчет о состоянии и деятельности Терского областного статистического комитета за 1903 год. Владикавказ, 1904.

46. Отчет Общества для содействия распространения народного образования в г. Ставрополе за 1800-1881 уч. год. Ставрополь, 1882.

47. Отчет Общества распространения образования и тех-

нических сведений среди горцев Терской области за 1889 г. Владикавказ, 1900.

48. Отчет Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области за 1911 г. (29 год существования). Владикавказ, 1912.

49. Отчет Правления благотворительного общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области за 1883 год. Владикавказ, 1884.

50. Отчет Правления благотворительного общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области за 1897 г. Владикавказ, 1898.

51. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. LXXVIII. Терская область. СПб., 1904.

52. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). Т. XXVIII. Отд. 1-е. №27646.

53. ПСЗ-II. Т. XXXIII. Отд. 1-е. №33221.

54. ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35648.

55. ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35780.

56. ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. №35897.

57. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. №38256.

58. ПСЗ-II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. №41068.

59. ПСЗ-II. Т. XL. Отд. 1-е. №41988.

60. ПСЗ-II. Т. XL. Отд. 1-е. №41990.

61. ПСЗ-II. Т. XLII. Отд. 1-е. №44504.

62. ПСЗ-II. Т. XLII. Отд. 1-е. №44748.

63. ПСЗ-II. Т. XLII. Отд. 1-е. №44841.

64. ПСЗ-II. Т. XLIII. Отд. 1-е. №45785.

65. ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2-е. №47847.

66. ПСЗ-II. Т. XLV. Отд. 1-е. №48498.

67. ПСЗ-II. Т. XLVIII. Отд. 1-е. №52088.

68. ПСЗ-II. Т. XLVIII. Отд. 2-е. №52808.

69. ПСЗ-II. Т. XLIX. Отд. 1-е. №53574.

70. ПСЗ-II. Т. LI. Отд. 2-е. №56762.

71. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (ПСЗ-III). Т. IV. №2318.

72. ПСЗ-III. Т. V. №2679.
73. ПСЗ-III. Т. V. №2726.
74. ПСЗ-III. Т. VI. №3686.
75. ПСЗ-III. Т. VIII. №5134.
76. ПСЗ-III. Т. XII. №8708.
77. ПСЗ-III. Т. XIV. №10970.
78. ПСЗ-III. Т. XIV. №10993.
79. ПСЗ-III. Т. XV. №11396.
80. ПСЗ-III. Т. XV. №11999.
81. ПСЗ-III. Т. XVI. Ч. 1. №12561.
82. ПСЗ-III. Т. XVII. №13792
83. ПСЗ-III. Т. XXI. Ч. 1. №19619.
84. ПСЗ-III. Т. XXII. Ч. 1. №21290.
85. ПСЗ-III. Т. XXVI. Ч. 1. №27479.
86. ПСЗ-III. Т. XXVI. Ч. 1. №27805.
87. ПСЗ-III. Т. XXVII. №29016.
88. ПСЗ-III. Т. XXVIII. Ч. 1. №30328.
89. ПСЗ-III. Т. XXVIII. Отд. 1-е. №31032.
90. О введении всеобщего начального обучения в Российской империи // Документы XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/1638>
91. О расширении материала для публичных народных чтений // Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Ч. СССХХХХI. Июнь. СПб.: Сенатская типография, 1902. С. 99-100.
92. *Словинский А. И.* Отчет о письменных работах по русскому языку, исполненных учениками реальных училищ и посторонними лицами на окончательных испытаниях в 1911 году/Составил окружной инспектор А. Словинский. Кавказский учебный округ. Тифлис, 1912. 154 с.
93. *Словинский А. И.* Отчет о письменных работах по русскому языку, исполненных учениками реальных училищ и посторонними лицами на окончательных испытаниях в 1912 году/Составил окружной инспектор А. И. Словинский. Кавказский учебный округ. Тифлис, 1913. 204 с.

94. Устав благотворительного общества для распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области. Владикавказ, 1903.

Материалы периодических изданий

95. Владикавказская осетинская женская школа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1991. Кн. 5. С. 26-27.

96. Вместо предисловия. Тридцатилетие Терского Областного Статистического Комитета // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому календарю» 1904 г. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 1-12.

97. *Гарданов М.* Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. 15 марта 1909 г. № 6. С. 201-203.

98. *Гарданов М.* Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. 15 марта 1909 г. № 6. С. 201-202.

99. *Гарданов М.* Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. 29 марта 1909 г. № 7. С. 230-233.

100. *Гардантти М.* К школьному вопросу Северной Осетии (Письмо в редакцию) // Терек. 1909. № 3437.

101. *Дзасохов Г.* К ревнителям просвещения инородцев // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1991. Кн. 5. С. 222-225.

102. *Дзасохов Гр.* Образовательное и воспитательное значение отечественного языка // Казбек. 1904. 27 апреля 1904 г. № 1878.

103. *Дигорон.* К вопросу о перенесении Владикавказского Ольгинского осетинского женского приюта // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 83-85.

104. *И. Алексей.* Школьное дело в Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1906. 1 января 1906 г. № 1. С. 16-20.

105. Кавказский календарь на 1898 год. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника е. и. в. на Кавказе, 1897.
106. Кавказский календарь на 1901 год. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника е. и. в. на Кавказе, 1900.
107. Кавказский календарь на 1912 год. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника е. и. в. на Кавказе, 1911.
108. *Кодзаев А.* К учащим церковных школ Северной Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1 января 1906 г. № 1. С. 12-16.
109. *Кодзаев А.* К учащим церковных школ Северной Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. 15 декабря 1905. № 24. С. 496-500.
110. На Кавказе. 1910. № 7-8.
111. *Саукудз.* Кое-что о письменности среди осетин и других горцев Кавказа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 75-79.
112. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ: Терск. обл. стат. ком., 1878. Вып. 1. 382 с.
113. *Светлоторов Е.* Вступительное чтение по русскому языку на педагогических курсах учителей и учительниц церковно-приходских школ Владикавказской епархии // Владикавказские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1898. № 16. С. 288-294.
114. Терские ведомости. 1903. № 146.
115. Терские ведомости. 1906. № 36.
116. Терские ведомости. 1913. № 64.
117. Терские ведомости. 1914. № 112.
118. Терские ведомости. 1916. № 74.
119. Терские ведомости. 1915. № 36.
120. Терские ведомости. Неофициальная часть. 1870.
121. Терские ведомости. Неофициальная часть. 1880.
122. Терские ведомости. Неофициальная часть. 1883.
123. Терский календарь на 1898 год. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1897. Вып. 7. 333 с.

124. Терский календарь на 1901 год. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1900. Вып. 10.

125. *Уруймагов Х.* Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Терек. 7 мая 1909 г. № 3425.

126. *Уруймагов Х.* Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Терек. 9 мая 1909 г. № 3427.

127. *Уруймагов Х.* Женские школы в Осетии // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 97-100.

128. *Уруймагов Х.* Туземный язык в начальных школах Кавказского края // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 104.

129. *Фарфоровский С.* Народное образование у осетин // Терек. 1917. № 5709.

130. *Хетагуров К.* <Обер-прокурору Синода> // Полное собрание сочинений в пяти томах. Владикавказ: Изд.-полиграф. предпр. им. В. А. Гассиева, 2000. Т. V. С. 373-377.

131. *Хетагуров К.* Владикавказские письма (Маленькая история) // Полное собрание сочинений в пяти томах. Владикавказ: Изд.-полиграф. предпр. им. В. А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 76-87.

132. *Хетагуров К.* Развитие школ в Осетии // Полное собрание сочинений в пяти томах. Владикавказ: Изд.-полиграф. предпр. им. В. А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 230-235.

133. *Цаголов Г.* К вопросу о народном образовании // Казбек. 1903. № 1625.

134. *Цаголов Г.* Осетинская письменность (Историческая справка) // Терские ведомости. 1915. № 248.

Литература

135. *Абазов А. Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: Печатный двор, 2016. 264 с.

136. *Абрамян Р. А.* К вопросу о заселении греками Ставропольской губернии во второй половине XIX века // Материалы научно-практ. конф. Ростов н/Д – Пятигорск: СКАГС, 2009. С. 432-433.

137. *Айларова С. А.* Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2003. 365 с.

138. *Айларова С. А.* Осетинское учительство: самосознание и повседневность (конец XIX – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 42 (81). С. 21-31.

139. *Айларова С. А., Тотаева Д. Э.* Дискуссия о церковно-приходских школах в терской печати (нач. XX в.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2019. №4. С. 12-18.

140. *Акишин М. О.* Государственный и юридический языки Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. 2016. №5. С. 56-73. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20707

141. *Албогачиева М. С.-Г.* Язык как атрибут власти в контексте ингушско-русского билингвизма // Archeion. VI. Tbilisi, 2013. P. 60-79.

142. *Алпатов В. М.* Языковая политика в СССР в 20-30-е годы: Утопии и реальность // Восток. 1993. №5. С. 113-127.

143. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология/Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2000. 332 с.

144. *Белозеров В. С.* Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. 304 с.

145. *Бзаров Р. С.* Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. №3. С. 30-77.

146. *Бондарь В. В.* Города Кубани в конце XVIII – начале XX века (опыт типологического анализа) // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв.: Сб. науч. Трудов. Краснодар, 1997. С. 115-125.

147. *Бондарь В. В.* К вопросу о типологии российских городов: Екатеринодар // Проблемы историографии и истории Кубани: Сб. науч. трудов. Краснодар, 1994. С. 87-95.

148. *Боров А. Х., Муратова Е. Г., Кажаров А. Г., Азикова Ю. М.* Социально-политическая организация полиэтничного пространства: Центральный Кавказ и Кабардино-Балкария в XVI-XXI веках (вопросы истории и историографии). Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2021. 324 с.

149. *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис: Тип. Канцел. главноначальствующего Гражд. частью на Кавказе, 1888. 434 с.

150. *Воротникова М. В., Шаламов В. В.* Образование женщин на территории Северного Кавказа во второй половине XIX – нач. XX вв. // Педагогическое образование в России. 2015. №2. С. 6-12.

151. *Габеев А. Я.* Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740-1917 гг.) // Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1942. Т. V. С. 3-24.

152. *Гатагова Л. С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.

153. *Гатагова Л. С., Трепавлов В. В.* «Перед толпою соплеменных гор». Проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII-XIX вв.). М.: ИРИ РАН, 2019. 280 с.

154. *Георгиевский А. И.* К истории Ученого Комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1902. 202 с.

155. Города России в 1910 году. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1914. 1212 с.

156. *Гостиева Л. К.* Борьба осетинской интеллигенции за сохранение Владикавказской Ольгинской женской школы в конце XIX века // Коста и мировой историко-культурный процесс: Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 64-72.

157. *Гостиева Л. К.* Православие в Осетии. Очерки о православном духовенстве второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 557 с.

158. *Гостиева Л. К.* Православие в Осетии. Очерки о православном духовенстве второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 557 с.

159. *Денисова Г. С., Уланов В. П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д: РГПУ, 2003. 352 с.

160. *Дзалаева К. Р.* Развитие женского образования в Осетии как закономерный процесс российско-осетинского культурного взаимодействия во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 54-56.

161. *Долбилов М.* Русский край, чужая вера: этнокофессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

162. *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи. М.: Новый хронограф, 2009. 752 с.

163. *Илюха О. П.* Сельская школа в Карелии в конце XIX – начале XX в.: преломление языковой политики на локальном уровне // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. №4. С. 89-97.

164. Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сб. обзоров и рефератов/Отв. ред. О. В. Большакова М.: ИНИОН РАН, 2019. 180 с.

165. *Исмаил-заде Д. И.* Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX – начале XX в. // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 322-339.

166. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902/Сост. С. В. Рождественский. СПб.: Издание Министерства Народного Просвещения, 1902. 840 с.

167. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. I. 529 с.

168. *Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. 223 с.

169. *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР. 1890-1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.

170. *Кайтукова З. М.* Аксо Колиев и проблемы женского образования в Осетии во второй половине XIX – начале XX веков: Дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2000. 152 с.

171. *Канукова З. В.* Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 236 с.

172. *Канукова З. В.* Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Изд. 2-е. Владикавказ: Иристон, 2002. 316 с.

173. *Канукова З. В., Гутиева Э. Ш.* Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 71-82.

174. *Канпелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений/Отв. ред. А. И. Миллер, В. Ф. Репринцев, Б. Н. Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125-144.

175. *Кобахидзе Е. И.* «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия

ствия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 452 с.

176. *Кобахидзе Е.И.* Первый Всеосетинский учительский съезд и задачи осетинской начальной школы // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 30 (69). С. 147-174.

177. *Кобахидзе Е.И.* Переселенческая политика России на Северном Кавказе как средство «упрочения русской культуры и гражданственности» // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. №2. С. 45-57.

178. *Кобахидзе Е.И.* Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. 258 с.

179. *Кобахидзе Е.И., Ладонина Н.А.* Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2017. 321 с.

180. *Кошман Л.В.* Город в общественно-культурной жизни // Очерки истории русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 12-72.

181. *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 448 с.

182. Кружок изучения Северного Кавказа. Моздок, 1917. С. 1-7.

183. *Кэмпбелл (Воробьева) Е.И.* «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности: Сб. ст./Ред. Б. В. Ананьич, С. И. Барзилов. М.: МОНФ, 2001. С. 204-216.

184. *Ладонина Н.А.* Организация культурно-просветительской деятельности во Владикавказе во второй половине XIX века // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 32 (71). С. 40-48.

185. *Ларина В.И.* Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1960. С. 145. 219 с.

186. *Ларина В.И.* Социально-экономическое развитие города Владикавказа во 2-й половине XIX века и его влияние на окружающее горское население // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1958. Т. XXI. Вып. 1. С. 1-21.

187. Майкоп: краткий исторический очерк: к 100-летию со дня основания/П. Ф. Коссович, М.З. Азаматова, С.Н. Малых. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1957. 135 с.

188. *Матвеев В.А.* Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д: ЮФУ, 2011. 448 с.

189. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

190. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. I. 583 с.

191. *Мирошнев М.* О применении школьной системы Н.И. Ильминского на Кавказе // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев/Под ред. А.С. Будиловича. СПб.: Тип.Э. Л. Пороховщиковой, 1905. С. 225-230.

192. *Модзалевский Л.* Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 3-96.

193. Немцы: 250 лет в России. Том II. Документальная история/Сост. Н. Ф. Бугай и др. М.: Гриф и К., 2012. 456 с.

194. Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII-XIX вв.). Тула: Гриф и К, 2011. 352 с.

195. Осетия. Историко-этнографический справочник. СПб. – Владикавказ, 1998.

196. Очерки истории Ставропольского края с древнейших времен до 1917 года. В 2-х т. Т. 1. С древнейших времен до 1917 года. Ставрополь: Кн. изд-во, 1984. 381 с.

197. *Павленко Т.А.* Образовательная политика Святейшего Синода в 1884-1914 годах // Расписание перемен: Очерки

истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 236-250.

198. *Ратушняк В. Н.* Екатеринодар как крупнейший товарный центр сельскохозяйственного производства Северного Кавказа (конец XIX – начало XX вв.) // Краснодару – 200 лет. Краснодар, 1993. С. 32-35.

199. *Рудольф Н. Ф.* Обзор деятельности Кавказского учебного округа за пятилетие 1908-1912. Тифлис: Либерман и Ко, 1914. 231 с.

200. Русские в Евразии XVII-XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. М.; Тула: Гриф и К, 2008. 480 с.

201. *Сафарова И. В.* Возникновение и развитие музейного дела в Ставропольской губернии и Терской области в XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2010. 231 с.

202. Северный Кавказ в составе Российской империи/Отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

203. *Сундиева А. А.* Музеи // Очерки русской культуры XIX в. Т. 3. Культурный потенциал общества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 564-625.

204. *Тавасиев В. Х.* Демографический анализ населения Северной Осетии в XX веке // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2014. № 2. Ч. 4. С. 20-22.

205. *Ткаченко Д. С.* Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX – начала XX вв. Ставрополь: Альфа Принт, 2009. 279 с.

206. *Туаева Б. В.* Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2013. 426 с.

207. *Туаева Б. В.* Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 204 с.

208. *Туаева Б.В.* Город в урбанизационных процессах в России (XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 57-70.

209. *Туаева Б.В.* Особенности формирования северокавказского поликультурного общества в пореформенной России: народно-образовательный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5 (60). С. 207-213.

210. *Цибиров Г.И., Гутиева Э.Ш.* Научная и образовательная инфраструктура в Северной Осетии в эпоху ранней советской модернизации (1917 – конец 1920-х гг.) // Kavkaz-Forum. 2022. Вып. 10 (17). С. 96-110.

211. *Цориева А.Т.* Коста Хетагуров и открытие В.Г. Шрёдерс Общественной библиотеки (к 150-летию Коста Левановича Хетагурова) // Вестник Владикавказского научного центра. 2009. Т. 9. № 1. С. 33-35.

212. *Цориева И.Т.* Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 254 с.

213. *Черджиев Х.С.* Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1958. 91 с.

214. *Шевченко Г.Н.* Социально-экономическая структура городов Кубани в дореформенный период // Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани: Сборник научных трудов. Краснодар, 1989. С. 4-15.

215. *Шелестюк Е.В.* Национальная и языковая политика в истории России // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме: Сборник научных трудов/Отв. редактор Л.К. Раицкая, Н.М. Мекеко, Т.В. Попова. М.: ТрансАрт, 2014. С. 204-273.

216. *Шляхтина Л.М.* Генезис музейно-педагогической мысли (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-3. С. 275-280.

217. Энциклопедический словарь/Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Тип. Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1897. Т. XX (39): Московский университет – Наказания исправительные. 502 с.

218. *Geraci R.P.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Russia. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 389 p.

219. *Pavlenko A.* Linguistic Russification in the Russian Empire: peasants into Russians? // *Russian Linguistics. International Journal for the Study of Russian and other Slavic Languages.* 2011. Vol. 35. No. 3. Pp. 331-350.

220. *Russification in Tsarist Russia // Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe/Edward C. Thaden with the collaboration of Marianna Forster Thaden.* Boulder: Social Science Monographs; New York: Distributed by Columbia University Press, 1990. Pp. 211-220.

221. *Shelestyuk E.* Russia's national and language policy through its history // *Language and communication in today's multicultural society: a collection of scientific papers).* Moscow: TransArt, 2014. Pp. 204-273.

Научное издание

КОБАХИДЗЕ ЕЛЕНА ИСААКОВНА

ТУАЕВА БЕРТА ВЛАДИМИРОВНА

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЯХ НА СЕВЕРНОМ КAVКАЗЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Издано в авторской редакции
Технический редактор *А.Ю. Цопанова*
Компьютерная верстка *А.В. Черная*
Дизайн обложки *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 05.12.2023.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бум. офс. Печать цифровая.
Гарнитура шрифта «Times». Усл. п.л. 18,2.
Тираж 300 экз. Заказ №147

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»

362040, РСО–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО–Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3